

НАУКА
ИСКУССТВО
ЛИТЕРАТУРА
Гр. Л. РОСТОПЧИНА
СЕМЕЙНАЯ
ХРОНИКА
(1812 г.)
№ 4

К-во
ЗВЪЗДА

Типографія „М. В. Балдинъ и К°." Москва, Арбатъ, д. 7.

НАУКА
ИСКУССТВО
ЛИТЕРАТУРА

№ 4

Гр. Л. РОСТОПЧИНА

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

(1812 г.)

Съ 8-ю иллюстраціями

Перев. А. Ф. Гретманъ

2020204774

Глава I.

Біографія жены требуетъ біографіи мужа.—Окончательно установленныя причины пожара Москвы въ 1812 году.—„Правда о московскихъ пожарахъ“, внушенная прискорбнымъ вліяніемъ жены.—Iезуитскія чернила.—Біографическіе матеріалы, собранные графомъ Андреемъ Ростопчинымъ.—Переписка съ графомъ Семеномъ Воронцовымъ.

Давно признанная истина, что въ глазахъ своего лакея нельзя быть героемъ. То-же самое можно сказать про членовъ семьи. Рѣдко кому удается здѣсь удержаться на пьедесталѣ, куда его вознесли посторонніе почитатели. Ежедневная близость—великая разрушительница поэзіи и обаятельности общенія за предѣлами гостиной. Между тѣмъ привычка создаетъ особенную атмосферу, гдѣ изъ вѣжливости, по лѣни или малодушію избѣгаютъ анализировать, судить. Болѣе слабые подчиняются и замыкаются въ самихъ себѣ. Но вдругъ такая домашняя цѣпь разрывается, молчаливое согласіе нарушается, какъ только семейный очагъ исчезаетъ изъ виду, разлука съ необыкно-

венной отчетливостью обрисовываетъ людей и обстоятельства; удивленный родственникъ чувствуетъ, какъ въ немъ нарождается критическое отношеніе, начинаетъ смѣло разбираться въ томъ, на что до сихъ поръ взиралъ съ почтеніемъ или даже со страхомъ.

Именно такимъ образомъ я долго относилась къ суровому и грозному образу своей бабушки, графини Екатерины Ростопчиной, скончавшейся, когда мнѣ минуло двадцать лѣтъ. До самой своей старости я не могла отрѣшиться отъ почтительнаго молчанія передъ ея памятью. Оно, пожалуй, не было бы мною нарушено до самой смерти, хотя друзья настоятельно убѣждали меня написать свои записки. Но молодость моя была омрачена тяжелыми тучами, набросившими печальную тѣнь на большую часть моей жизни. Воспоминанія прошлаго вызывали во мнѣ жуткое, непріятное чувство. «Let bygones be bygones» (пусть прошлое будетъ прошлымъ), думалось мнѣ. И все-таки я берусь за перо,—перо осужденія—и свергаю статую съ пьедестала, куда ее благоговѣйно вознесла французская часть нашей семьи и французская колонія Москвы. Я низвожу ее на землю и пишу безбоязненно.

Вотъ что заставило меня нарушить молчаніе.

Я намѣревалась написать жизнеописаніе своего дѣда, графа Ѳеодора Ростопчина, московскаго генералъ-губернатора въ 1812 г., и окончательно установить истину, до сихъ поръ являющуюся предметомъ столь великихъ разногласій, а именно: дѣйствительно ли онъ сжегъ Москву, нанеся такимъ образомъ рѣшительный ударъ Наполеону и освободивъ Европу отъ гнета ненасытнаго завоевателя, великаго своимъ геніемъ и во-

енной славой, но не вѣчной жаждой новыхъ побѣдъ. Я работала нѣсколько лѣтъ въ С.-Петербургской Императорской библіотекѣ, съ особаго разрѣшенія императора Николая II, въ секретнѣйшихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ архивѣ генеральнаго штаба и въ московскомъ архивѣ Лефортовскаго дворца; пересматривала драгоцѣннѣйшіе документы знаменитой и единственной коллекціи Колодѣева (собравшаго у себя въ имѣніи, расположенномъ на Березинѣ близъ исторической переправы, болѣе десяти тысячъ томовъ, относящихся къ отечественной войнѣ). Я прочла, отмѣтила и частью переписала безчисленныя статьи, касающіяся моего дѣда въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Архивѣ» Бартенева, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и т. д. Я основываюсь на фактахъ и хотя не дошла до половины своего объемистаго труда, однако убѣжденіе у меня уже составилось. Оно подтверждаетъ наши семейныя преданія, мои воспоминанія дѣтства и молодости, воспоминанія друзей и родственниковъ: дѣйствительно графъ Өеодоръ Ростопчинъ сжегъ Москву и далъ приказъ объ этомъ сейчасъ же по полученіи 13-го сентября въ 11 часовъ вечера письма отъ князя Кутузова, извѣщавшаго о своемъ намѣреніи сдать Москву безъ боя. Я докажу это впослѣдствіи въ біографіи графа Өеодора Ростопчина. Почему же онъ отрицалъ свой геройскій подвигъ въ знаменитомъ произведеніи «Правда о пожарѣ Москвы», изданномъ имъ въ Парижѣ въ 1823 г. Почему добровольно снялъ онъ съ себя вѣнецъ, возложенный молвой? Почему не сказалъ истины въ пресловутой «Правдѣ»?

Потому, что вліяніе жены медленно подточило въ немъ вѣчныя основы истины: онъ преклонялся передъ графиней Екатериной, она служила для него олицетвореніемъ совершенства и «добродѣтели» (въ то время еще было сильно вліяніе Руссо). Онъ ей писалъ: «Цѣлую твои ноги, благодѣтельница. Молись за меня Богу: молитвы праведниковъ доходятъ до Него». «Цѣлую тебя съ сердцемъ, преисполненнымъ твоими добродѣтелями, и умомъ восхищеннымъ счастьемъ, какое насъ ждетъ». (Вороново, 16 сентября 1812 г. Онъ покинулъ Москву 14-го, отправивъ семью въ дальнее помѣстье). «Сергѣй (старшій сынъ, офицеръ) пріѣдетъ раньше меня на два дня. Я не хотѣлъ замедлять минуты свиданія сына съ самой достойной изъ матерей и самой уважаемой женщиной на свѣтѣ» (3-го октября 1812 г., вечеромъ). «Вернись въ городъ разрушенный, домъ разоренный, къ мужу тебя боготворящему и уважающему безпредѣльно» (Москва, 1-го ноября 1812 г.).

Не надо забывать, что съ такими страстными словами обращался сорокасемилѣтній мужчина къ тридцатипятилѣтней женщинѣ, уже подарившей ему шесть человѣкъ дѣтей (изъ нихъ трое умерли въ младенческомъ возрастѣ).

Завѣщаніемъ, написаннымъ въ 1811 году, графъ оставлялъ все состояніе женѣ; послѣднимъ, подписаннымъ почти наканунѣ смерти, 18-го января 1826 г., ей предоставлялась только законная часть. Отчего же такая перемѣна?

Отчего разсѣялись такая любовь и боготвореніе? Какая семейная драма оказала столь разрушительное

дѣйствіе на чувства, питаемыя въ теченіе долгихъ лѣтъ?

Вотъ тайныя причины: графиня Екатерина перешла въ католичество безъ вѣдома супруга. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ она исповѣдывала новую вѣру и соблюдала ея обрядности рядомъ съ ничего не подозрѣвавшимъ мужемъ, не предполагавшимъ, что сердце жены замкнулось для него навѣки, душа отъ него отвернулась, и для этой фанатичной души онъ обратился въ «проклятаго еретика»... Подобно всѣмъ вѣроотступникамъ, ей казалось, что за предѣлами католичества нѣтъ спасенія; псевдо-христіанка холодно осудила на проклятіе мужа и жила съ обреченнымъ на адскія муки, заботясь о собственномъ спасеніи, безмятежно попирая законы самой элементарной нравственности.

Нетрудно себѣ представить горькое разочарованіе, охватившее душу этого человѣка, при видѣ крушенія всего, что составляло его вѣру въ теченіе почти полжизни! Чѣмъ сильнѣе онъ любилъ и уважалъ жену, тѣмъ ужаснѣе было разочарованіе. Прямой до безпредѣльной смѣлости (онъ часто рисковалъ жизнью при императорѣ Павлѣ), впечатлительный до крайности, искренній безъ всякой затаенной мысли, онъ вдругъ обнаружилъ, что хитрость и ложь свили гнѣздо у его очага, что подруга его жизни, отрекшаяся отъ всѣхъ благъ этого міра, вѣчно съ именемъ Божіемъ на устахъ, эта «праведница», недостойно лицемѣрила передъ нимъ, поощряя къ тому-же младшую дочь, Софію, и втихомолку ее совращая съ одобре-

нія, и при тайномъ соучастіи аббатовъ, духовниковъ графини.

Раскрытіе тайны, такъ тщательно скрываемой, было такимъ ужаснымъ ударомъ для графа Θеодора, что онъ не нарушалъ молчанія до самой смерти, но чувство глубокой горести не покидало его никогда. Нѣсколько темныхъ намековъ въ письмахъ къ друзьямъ, нѣсколько словъ, вырвавшихся въ минуту слабости, во время послѣдней болѣзни, а главнымъ образомъ обличительное завѣщаніе и предсмертное письмо къ молодому императору Николаю, заботамъ котораго онъ поручалъ своего младшаго сына, Андрея (моего отца, родившагося въ 1813 г., умершаго въ 1892 г.), тогда двѣнадцатилѣтняго мальчика, — вотъ единственныя свидѣтельства тайны, унесенной въ могилу его гордостью. Мнѣ не хотѣлось нарушать тайны, безъ сомнѣнія я ее сохранила бы, если бы на мнѣ не лежало, какъ на историкѣ, обязательства разобраться въ происхожденіи прискорбной брошюры «Правда о московскихъ пожарахъ».

Если бы боготворимая супруга графа Ростопчина не лгала ему въ мысляхъ, на словахъ, на дѣлѣ, написалъ ли бы онъ эту брошюру? Не затмило ли ежедневное общеніе съ лже-христіанкой, провозглашаемой французской колоніей «святою» за щедрыя милостыни, какія позволяло ей раздавать крупное состояніе, и въ глубинѣ души признававшей себя дѣйствительно праведницей, не затмило ли оно великаго ума, не помутило ли сознанія человѣка, не забывавшаго своей страстной любви къ матери своихъ дѣтей?

Нравственныя воззрѣнія графини были ею всецѣло заимствованны у іезуитовъ, игравшихъ такую важную роль въ этой исторіи. Графиня придерживалась ихъ правила: во всемъ прибѣгать къ мысленнымъ условіямъ. «Умалчивать долго истину—не значитъ лгать». Утомленный, преждевременно состарившійся отъ упорныхъ болей, сдѣлавшійся желчнымъ и угрюмымъ, раздраженный жалобами и сѣтованіями москвичей, разоренныхъ пожаромъ, не щадившихъ его въ угрожающихъ анонимныхъ письмахъ, бывшій генералъ-губернаторъ желалъ объяснить, чѣмъ былъ въ дѣйствительности этотъ пожаръ, вызывавшій столько противорѣчивыхъ толковъ; онъ взялся за перо... но къ сожалѣнію обмакнулъ его въ іезуитскія чернила... они находились въ изобиліи у его домашняго очага.

То была единственная слабость благородной и великой жизни, выражаемой двумя словами: безпредѣльная преданность государю, полное отреченіе отъ собственныхъ выгодъ для пользы родины. Наполеонъ сказалъ, что «исторія—лишь изображеніе человѣческаго сердца». По моему мнѣнію—это совѣсть человѣчества. Твердо придерживаясь такого правила, я чистосердечно разскажу о всемъ, что знаю, и пусть читатель самъ выводитъ заключеніе.

Въ работѣ мнѣ служитъ подмогой трудъ, посвященный моимъ отцомъ дѣду. Въ 1864 году имъ былъ изданъ въ Брюсселѣ томъ in-folio въ 525 страницъ, въ количествѣ двѣнадцати экземпляровъ подъ названіемъ «Матеріалы по большей части неизданные для будущей біографіи графа Ѳеодора Ростопчина, собранные его сыномъ». Это чрезвычайно интересная библі-

ографическая рѣдкость. Въ 1893 году я рѣшила выпустить новое изданіе, но задержавшись въ Ментонѣ учрежденіемъ убѣжища для чахоточныхъ русскихъ, обратилась къ г. X... Совершенно несвѣдущая въ дѣлѣ издательства и заключеніи условій, я была поражена, когда фирма Дантю, заключившая съ г. X. условіе хотя вполнѣ правильное, но совершенно другое, чѣмъ оговоренное нами предварительно въ простыхъ письмахъ, издала маленькій томикъ въ 233 небольшія странички, производящія впечатлѣніе неполноты и незаконченности, чтобы не сказать больше. Изданіе въ томъ видѣ, какъ оно выпущено отцомъ предоставило бы для читателей обширный, разнообразный, захватывающій интересъ; онъ нашелъ бы тамъ много новыхъ свѣдѣній объ общественной жизни, событіяхъ и людяхъ конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго вѣка. Тамъ помѣщена чрезвычайно интересная переписка съ графомъ Семеномъ Воронцовымъ, знаменитымъ русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, оставившимъ въ Англіи о себѣ память, какъ о безукоризненномъ вельможѣ. Его дочь вышла замужъ за лорда Пемброка. Съ 1798 г. по 1826 г. графъ Семенъ постоянно дѣлился съ графомъ Ѳеодоромъ своими мнѣніями о событіяхъ и окружавшихъ его дипломатахъ, получая отвѣтныя письма, искрящіяся наблюдательностью и остроуміемъ.

Прежде чѣмъ приступить къ біографіи графини Екатерины, мнѣ кажется необходимымъ сообщить въ краткихъ чертахъ жизнеописаніе ея супруга, пережившаго наиболѣе трагическое время исторіи Россіи, стоя всегда на передовыхъ постахъ, принимая

поочередно всѣ министерства и воплотивъ въ 1812 г. народную душу въ ея наиболѣе яркомъ выраженіи. Подвергшійся немилости Александра I, позавидовавшаго, увы, славѣ, отразившейся на одномъ изъ его подданныхъ и затмившей одно время его собственную, графъ Ѳеодоръ прожилъ до 1823 г. въ добровольномъ изгнаніи.

л. I.

Гр. Өеодоръ Васильевичъ Ростопчинъ.

Глава II.

Жалованная грамота, дарующая графскій титулъ. — Милость и награды. — Преданность Павлу I. — „Последніе дни императрицы Екатерины II и первый день царствованія Павла I въ разсказѣ графа Өеодора Ростопчина. — Смѣлое письмо Павлу и отвѣтъ на него. — Семейная жизнь въ Вороновѣ. — Родительская любовь. — Пребываніе въ Москвѣ. — Ненависть графа къ революціи. — Памфлеты: „Охъ французы"! — Сужденіе о Наполеонѣ. — Знаменитыя афиши. — Пожаръ Москвы и Воронова. — Генералъ Сэръ Робертъ Вильсонъ.

Өеодоръ Васильевичъ Ростопчинъ родился 12/23 марта 1765 г. въ Москвѣ, — по утвержденію моего отца, — въ помѣстьи своего отца близъ города Ливны въ Орловской губерніи, по увѣренію нѣкоторыхъ историковъ. Жалованной грамотой, даровавшей ему по указу Павла I графскій титулъ 12-го мая 1800 года, установлено, что онъ происходитъ изъ «древняго, благороднаго, славнаго рода потомковъ Бориса Давыдова Ростопчи, прибывшаго изъ Крыма при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ и служившаго, такъ же, какъ все его потомство, нашимъ предшественникамъ вѣрою и правдою и т. д.». — Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе

милостей и награжденій, пожалованныхъ благодарнымъ Павломъ вѣрному слугѣ и преданному другу. Въ 1775 г. зачисленіе въ Преображенскій полкъ, въ 1789 г. производство въ бригадиры, въ 1792 г. пожалованіе въ камеръ-юнкеры двора великаго князя Павла; 8-го ноября 1796 г. производство въ флигель-адъютанты, 17-го октября назначеніе кабинетъ-министромъ по иностраннымъ дѣламъ, затѣмъ тайнымъ совѣтникомъ, великимъ канцлеромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; 21-го мая 1799 г. директоромъ почтоваго департамента; 28-го іюня онъ награжденъ орденомъ Андрея Первозваннаго; 15-го марта 1800 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и съ 17-го октября 1798 г. по май 1800 оставался министромъ иностранныхъ дѣлъ. За три недѣли до убійства Павла онъ подвергся опалѣ по проискамъ будущихъ цареубійцъ, которымъ мѣшала его преданность, и удалился въ изгнаніе въ свое помѣстье Вороново, близъ Москвы. Здѣсь онъ получилъ назначеніе, въ мартѣ 1812 года, московскимъ генералъ-губернаторомъ, на что Александръ I вынужденъ былъ согласиться, побуждаемый силой обстоятельствъ и общественнымъ мнѣніемъ Москвы. Выйдя въ отставку въ 1814 г. (сорока девяти лѣтъ отъ роду), онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Назначеніе это было исключительно почетное, и онъ сложилъ его съ себя въ 1823 г., такъ же, какъ званіе главнокомандующаго, принявъ только почетный титулъ оберъ-камергера. Онъ скончался въ Москвѣ 30-го января 1826 г. шестидесяти лѣтъ, десяти мѣсяцевъ и семи дней отъ роду.

У его отца, бывшаго военнаго, женатаго на m-lle

Крюковой, кромѣ графа Θеодора былъ только еще одинъ младшій сынъ, погибшій героемъ въ войнѣ Россіи съ Швеціей. Въ 1789 г., когда онъ командовалъ канонерской шлюпкой подъ начальствомъ принца Нассаускаго, онъ взорвался, чтобы не достаться въ руки непріятелю.

Блестяще воспитанный, совершившій путешествіе въ Германію въ 1786-87 г.г., принимавшій участіе добровольцемъ въ Турецкой кампаніи, гдѣ участвовалъ въ осадѣ Очакова (съ тѣхъ поръ началось его преклоненіе передъ Суворовымъ, за котораго онъ всегда вступался передъ Павломъ, выражавшимъ недовольство героемъ) молодой графъ Ростопчинъ вступилъ въ свою настоящую сферу, получивъ званіе камеръ-юнкера двора великаго князя Павла. Умъ тонкій и оригинальный, серьезность характера снискали ему расположеніе несчастнаго великаго князя, дарованія котораго подтачивалъ ужасный ядъ. Болѣзненное безуміе разрушило всѣ блестящія качества ума и сердца, отличавшія его на зарѣ жизни. Извѣстно, въ какомъ пренебреженіи влачилъ наслѣдникъ престола печальную жизнь въ Гатчинскомъ дворцѣ, нарочно для него выстроенномъ въ 45 верстахъ отъ столицы.

Ненавистный матери, нелюбимый могущественными фаворитами и дворомъ, высмѣивавшимъ семейное счастье и серьезную, дѣловую жизнь молодой четы, великій князь Павелъ, осыпаемый оскорбленіями, былъ очень счастливъ, что нашелъ, наконецъ, безусловно преданнаго человѣка. Остальные одиннадцать камеръ-юнкеровъ дошли до того, что перестали нести свои обязанности; графъ Θеодоръ замѣнялъ ихъ въ тече-

ніе двухъ недѣль, потомъ послалъ всѣмъ общій вызовъ.

Послѣ первой дуэли онъ подвергся немилости Екатерины и удаленію отъ двора. Проживъ нѣкоторое время въ своихъ помѣстьяхъ и совершивъ второе путешествіе заграницу, онъ вернулся ко двору и женился въ 1795 году на молодой графинѣ Екатеринѣ Протасовой, воспитанной, подобно остальнымъ своимъ четыремъ сестрамъ, графиней Анной Степановной Протасовой, статсъ-дамой, другомъ и всемогущей наперсницей императрицы. Молодымъ супругамъ было тридцать и восемнадцать лѣтъ.

Смерть Екатерины (7/18 ноября 1796 г.) обратила безвѣстнаго, преданнаго друга великаго князя Павла въ всемогущаго фаворита. Смерть самодержавнаго государя всегда является событіемъ потрясающимъ и величественнымъ, благодаря чувствамъ его вызываемымъ; какъ будто вся исторія царства умершаго государя сосредоточивается вокругъ него, оно получаетъ печать безсмертія съ послѣднимъ вздохомъ государя. Онъ одинъ несъ страшную тяжесть отвѣтственности, онъ воплощалъ въ себѣ правосудіе и наказаніе, законъ и самодержавную власть, онъ олицетворяетъ годы своего царствованія: государство, это онъ. Къ нему обратится Господь съ грознымъ вопросомъ: «Что ты сдѣлалъ съ народомъ, тебѣ довѣреннымъ?» Что отвѣтилъ вѣнценосный сфинксъ, получившій безсмертіе въ исторіи подъ именемъ Великой Екатерины?

Въ разсказѣ полномъ поразительной простоты и острой наблюдательности, какъ будто выгравированномъ на стали современнымъ Тацитомъ, дѣдъ описалъ подъ

заглавіемъ: «Послѣдніе дни Императрицы Екатерины и первый день царствованія Павла I, въ разсказѣ графа Ростопчина, 1796 г. «драматическую эпопею долгой агоніи, когда сразу обнаружились всѣ страсти царедворцевъ: ревность, зависть, жестокая мстительность и низкій страхъ. Разсказъ этотъ, напечатанный въ Лейпцигѣ въ 1858 г. безъ согласія моего отца, помѣщенъ въ томѣ «Матеріаловъ».

Сдѣлавшись совѣтникомъ и наперсникомъ государя, чьей славой онъ дорожилъ больше, чѣмъ своимъ блестящимъ положеніемъ, графъ служилъ ему безъ угодничества, смѣло оспаривая слова и дѣянія самодержца, подверженнаго припадкамъ гнѣва столь же ужаснаго, какъ необдуманнаго, способнаго, оставшись недовольнымъ на смотру полкомъ крикнуть: «Направо кругомъ маршъ! Въ Сибирь!..» Только на третій день Ростопчину удалось остановить полкъ въ его покорномъ шествіи.

Онъ рѣшился не подчиниться вспыльчивому императору при обстоятельствахъ, выбранныхъ мною изъ множества подобныхъ. Въ одномъ изъ припадковъ умопомѣшательства, все чаще повторявшихся съ годами, Павелъ вдругъ заподозрилъ вѣрность своей супруги императрицы Маріи Θеодоровны, возбуждавшей всеобщее умиленіе своими добродѣтелями. Ея безграничная привязанность къ супругу, которому она подарила столько дѣтей, слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы ее когда-нибудь могло коснуться подозрѣніе. Однако, императоръ приказалъ Ростопчину изготовить указъ, гдѣ поведеніе императрицы было объявлено недостойнымъ; она ссылалась въ заточеніе въ Соловец-

кій монастырь, а двое послѣднихъ дѣтей признавались незаконными. Противорѣчить Павлу въ минуту такой вспышки безумія было невозможно. Дѣдъ поклонился, взялъ протянутую ему бумагу и удалился. Нѣсколько часовъ спустя онъ прислалъ слѣдующее письмо грозному самодержцу:

«Государь! Ваше приказаніе исполнено, и я занятъ составленіемъ рокового указа. Буду имѣть несчастье представить Вамъ его завтра. Да не допуститъ Васъ Господь его подписать и дать исторіи страницу, которая покроетъ позоромъ все ваше царствованіе. Богъ даровалъ Вамъ все, чтобы пользоваться счастьемъ и пріобщить къ нему весь міръ, но вы при жизни создали себѣ адъ, и добровольно обрекли себя на него. Я слишкомъ смѣлъ, я рискую себя погубить, но я найду утѣшеніе въ опалѣ, чувствуя себя достойнымъ вашихъ милостей и своей чести.

Гатчина, 6-го сентября 1799 года,

Графъ Ростопчинъ».

Отвѣтъ Павла I.

«Вы ужасный человѣкъ, но вы правы, пусть больше объ этомъ не будетъ рѣчи. Будемъ пѣть, забудемъ все, такъ, чтобы не осталось и слѣда... До свиданія, синьоръ Ростопчинъ.

«Подписано: Павелъ».

Мой отецъ добавляетъ: «Честь и слава государю такъ принимающему замѣчанія и такимъ образомъ на нихъ отвѣчающему. Но также честь и слава прямодушному подданному, осмѣлившемуся писать подобнымъ образомъ своему монарху».

23-го марта, 1801 года Павелъ былъ предательски убитъ.

За три недѣли до того камарилья убійцъ добилась опалы и изгнанія преданнаго слуги, чье присутствіе внушало справедливыя сомнѣнія въ возможности осуществленія рокового заговора. Душа его, графъ Паленъ, С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ, начальникъ государственной полиціи, и его сообщникъ, графъ Панинъ, вице-канцлеръ, сумѣли также удалить другого любимца Павла, знаменитаго Аракчеева, столь же преданнаго государю, какъ Ростопчинъ.

Такимъ образомъ погибъ несчастный императоръ, благоговѣйное почитаніе котораго сохранилось въ нашей семьѣ. Онъ былъ окруженъ измѣной съ колыбели до могилы и отравленъ въ дѣтствѣ по свидѣтельству княгини Гагариной, урожденной княжны Лопухиной, его фаворитки[1]).

За нѣсколько дней до смерти императоръ послалъ опальному эстафету, гласившую: «Вы мнѣ нужны, пріѣзжайте скорѣе, Павелъ». Но прибывъ въ Москву графъ узналъ о кончинѣ своего благодѣтеля, котораго оплакивалъ до конца дней своихъ, и снова вернулся въ изгнаніе. Графъ Ростопчинъ поселился въ 62-хъ верстахъ отъ Москвы въ великолѣпномъ имѣніи Вороновѣ, купленномъ имъ у графа Алексѣя Во-

[1]) Признаніе князя Павла Петровича Лопухина, сводного брата княгини Гагариной, князю Лобанову-Ростовскому, министру иностранныхъ дѣлъ, сдѣланное въ 1869 г. въ Корсуни, Кіевской губерніи, гдѣ князь Лопухинъ скончался въ весьма преклонномъ возрастѣ.

ронцова. Здѣсь онъ прожилъ съ 1801 г. по 1812, переѣзжая на зиму съ 1805 г. въ Москву, гдѣ у него былъ прекрасный домъ на Лубянкѣ [1]). Свое время онъ раздѣлялъ между управленіемъ большимъ имѣніемъ, занимавшимъ площадь почти въ 10 верстъ, заботами, какихъ требовалъ его знаменитый въ Россіи заводъ арабскихъ и персидскихъ лошадей, постоянной перепиской съ двумя наиболѣе близкими ему друзьями: графомъ Головинымъ и княземъ Тиціановымъ [2]) и воспитаніемъ дѣтей. Ихъ у него было въ то время четверо: старшій сынъ Сергѣй (1796—1846) и три дочери: старшая Наталья, любимица, вышедшая замужъ за Дмитрія Нарышкина; Софья, будущая графиня де-Сегюръ, знаменитый авторъ иллюстрированной библіотеки, и Лиза, чудная красавица, чья преждевременная смерть свела отца въ могилу. Графъ страстно любилъ своихъ дѣтей и заботливо занимался ихъ воспитаніемъ.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ, ясно рисующихъ великія семейныя добродѣтели человѣка, изо-

---

1) Нынѣ Россійскаго страховою общества.

2) Князь Тиціановъ, человѣкъ высокаго ума и благородства, называемый графомъ Ѳеодоромъ его „Баяромъ", былъ главнокомандующимъ Кавказской арміи и губернаторомъ Грузіи (присоединенной къ Россіи графомъ Ростопчинымъ, когда онъ занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ). Въ 1806 г. онъ осаждалъ Баку; ханъ приказалъ его предательски умертвить, когда онъ рыцарски явился одинъ въ сопровожденіи только адъютанта на условленное мѣсто свиданія, передъ послѣдней атакой. У обоихъ были отрублены головы.

бражаемаго Наполеономъ «дикимъ варваромъ, чудовищемъ».

«Мои дѣти, писалъ онъ одному изъ друзей, подростаютъ и хорошѣютъ. Я настолько привыкъ себя видѣть окруженнымъ женой и дѣтьми, что съ грустью разстаюсь съ ними, когда по дѣлу вынужденъ отлучиться на нѣсколько дней».

Уѣзжая на воды лечиться отъ ревматизма, подтачивавшаго его здоровье, онъ писалъ: «Я ни съ кѣмъ не прощался; грустно разставаться съ близкими людьми, раньше, чѣмъ святыни будутъ осквернены присутми, всегда хочется добавить: «До свиданія на томъ свѣтѣ...» Каждую минуту можно умереть, поэтому такое пожеланіе всякій разъ само собой напрашивается на уста. Отъѣздъ былъ для меня очень тяжелъ, что поймутъ всѣ, знающіе мою жену. Но я не безпокоюсь за дѣтей. Они остались съ матерью, ихъ наставницей, охранительницей, служащей имъ примѣромъ и молитвенницей за нихъ передъ Богомъ».

Ей онъ писалъ: «Моя душа принадлежитъ тебѣ до послѣдней минуты моей жизни».

Графъ и графиня лично занимались воспитаніемъ дѣтей при помощи наставниковъ и наставницъ. Воспитаніе молодого графа было поручено французу-эмигранту, весьма образованному человѣку, д'Аллонвиллю, помощнику гувернера дофина. Къ сожалѣнію д'Аллонвилль, ослѣпленный именемъ и связями смѣшной старой дѣвы, графини Минихъ, проживавшей уже десять лѣтъ подъ гостепріимнымъ кровомъ Ростопчиныхъ, рѣшился на ней жениться. Письма дѣда испещрены забавными анекдотами о влюбленной бѣдняжкѣ и о ея замужествѣ. Передъ д'Аллонвиллемъ предлагали взять

въ домъ съ этой цѣлью другого эмигранта, аббата Мильо, по поводу котораго графъ писалъ: «Знаменитый аббатъ Мильо, о которомъ я тебѣ говорилъ, такъ нетерпѣливо ожидаемый нами для Сергѣя, къ счастью показалъ себя до прибытія въ отвѣтѣ на сдѣланное ему предложеніе. Послѣ напыщенныхъ фразъ, пересыпанныхъ благочестивыми выраженіями, онъ заканчиваетъ письмо требованіемъ, «чтобы ему было дозволено, направляя молодое сердце на путь добродѣтели, воспитывать его въ римско-католической вѣрѣ». Какъ тебѣ нравится подобное условіе? Впрочемъ, мы заслужили мнѣнія, составленнаго о насъ заграницей, глупымъ упорствомъ, съ какимъ полагаемъ основу воспитанія въ хорошемъ произношеніи на французскомъ языкѣ. Я отвѣтилъ выраженіемъ удовольствія, что открылъ въ усердіи г. аббата къ своей религіи дѣйствительную причину, почему онъ хотѣлъ принять на себя такой трудъ; но мнѣ для сына, который не дикарь, нуженъ не миссіонеръ, а воспитатель. По моему мнѣнію, всякій человѣкъ долженъ жить и умереть въ той вѣрѣ, въ какой рожденъ, и потому желаю аббату успѣха во всѣхъ иныхъ мѣстахъ, кромѣ какъ у себя»...

Объ этихъ словахъ придется вспомнить, читая разсказъ о смерти молодой графини Лизы.

Кромѣ воспитателей, былъ еще цѣлый дворъ, состоявшій изъ главнаго управляющаго, художника Тончи, конюшаго Рохвитца, ветеринара-нѣмца Рейнера, Андерсона, управляющаго коннымъ заводомъ, незаконнаго сына лорда Спенсера, наконецъ, доктора Крафта, друга дома, чья смерть послѣдовавшая въ Вороновѣ,

повергла графа въ такое отчаяніе, что онъ хотѣлъ продать имѣніе, не надѣясь больше найти такого преданнаго и знающаго человѣка. Вороново находилось отъ Москвы на разстояніи цѣлаго дня пути, поэтому являлась настоятельная необходимость имѣть домашняго доктора. Шоссейныхъ дорогъ въ то время не существовало, малѣйшій дождь дѣлалъ пути непроѣздными, благодаря глинистой почвѣ, столь неблагопріятной для земледѣлія. Затруднительность сообщенія заставляла помѣщиковъ,—въ то время исключительно дворянъ,—жить настоящими маленькими царьками. У нихъ было собственное духовенство, медицинскій персоналъ, воспитатели для дѣтей и многочисленная дворня, состоявшая изъ обойщиковъ, живописцевъ - декораторовъ, ткачей, столяровъ, не считая поваровъ, кондитеровъ, пирожниковъ, экономовъ, на чьей обязанности лежала заготовка безконечнаго количества соленій, вареній, фруктовыхъ водъ и т. д. У многихъ помѣщиковъ были оркестры, преимущественно изъ духовыхъ инструментовъ, гдѣ каждому музыканту полагалось знать только одну ноту, и все искусство заключалось въ умѣніи соблюдать тактъ. Были даже собственные актеры и актрисы, и нѣсколько драматическихъ знаменитостей вышли изъ такихъ частныхъ театральныхъ школъ.

Въ Вороновѣ культъ музъ не процвѣталъ, такъ какъ графиня находила такое развлеченіе неподобающимъ, но въ дворнѣ было до ста человѣкъ: такова была пышность русскихъ вельможъ и образъ ихъ жизни; на мѣстѣ вырабатывалось все, даже холстъ, шерстяныя ткани, ковры и мебель.

Кромѣ необходимой челяди были еще бѣдные родственники, дворяне разорившіеся и здѣсь пріютившіеся, сироты и дѣти мелкихъ помѣщиковъ, пользовавшіяся воспитаніемъ, дававшимся въ широкихъ размѣрахъ наслѣдникамъ богатыхъ семействъ.

Въ такой обстановкѣ протекала жизнь Ростопчиныхъ три четверти года. Зимой переѣзжали въ Москву, гдѣ графъ Θеодоръ вскорѣ сдѣлался центромъ партіи недовольныхъ.

Москва всегда была мятежнымъ городомъ, не мирившимся съ необходимостью отказаться отъ положенія столицы въ пользу С.-Петербурга. Дворянство было очень недовольно вліяніемъ знаменитаго государственнаго секретаря, Михаила Сперанскаго, сына священника, возвысившагося до званія всесильнаго совѣтчика и пользовавшагося безпредѣльнымъ вліяніемъ на нерѣшительный и колеблющійся умъ Александра I. Ненавидимый дворянствомъ, благодаря своему происхожденію и демократъ по своимъ взглядамъ, Сперанскій былъ нелюбимъ народомъ, обремененнымъ имъ податями, и графомъ Ростопчинымъ за его пристрастіе къ сектѣ мартинистовъ, ненавистныхъ графу въ такой же степени, какъ якобинцы. Будущій московскій генералъ-губернаторъ всегда отличался воинственностью: его великая душа томимая неудовлетвореннымъ патріотизмомъ, безустанно боролась съ людьми и событіями, враждебными его политическому идеалу. Онъ не сожалѣлъ объ удаленіи изъ столицы и отъ двора, о которомъ слѣдующимъ образомъ отзывался въ своей перепискѣ, гдѣ умъ и горечь бьютъ клю-

чемъ: «Повѣрь моей опытности,—тяжелая наука научиться презирать людей».

Презрѣніе къ человѣчеству было, увы! его отличительной чертой. Мольеръ нашелъ бы въ немъ прекраснаго Альцеста, съ темпераментомъ нервнымъ, вспыльчивымъ и воинственнымъ, руководившимъ всей его жизнью и страстями. Рѣзкій въ сужденіяхъ, одаренный умомъ блестящимъ и язвительнымъ, прекрасной памятью, весьма образованный, такъ же хорошо владѣвшій французскимъ языкомъ, какъ роднымъ, онъ любилъ говорить и вскорѣ сдѣлался душой московскаго общества. Его бесѣда, предоставлявшая слушателямъ только скромную роль статистовъ, подающихъ отвѣты, являлась безпрерывнымъ монологомъ, — яркимъ, горячимъ, вдохновеннымъ чувствомъ патріотизма, возносившимъ его до крайнихъ предѣловъ страстности. Не довольствуясь словомъ, онъ прибѣгалъ къ помощи пера.

У него, удалившагося отъ жизни общественной и политической, не было другой заботы, кромѣ Россіи и ея интересовъ. Обширная переписка свидѣтельствуетъ о его патріотическомъ воодушевленіи.

Его безпокоили либеральныя наклонности Александра; революціонный духъ, охватившій всю Европу, внушалъ ему отвращеніе. Убѣжденный монархистъ, противникъ собраній и власти народной, онъ ненавидѣлъ конституцію и французскую революцію. Въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ «Правды о пожарахъ московскихъ» ярко выражаются его мысли и убѣжденія.

«Къ несчастью, въ нашъ вѣкъ, когда столько событій пріучили два поколѣнія не признавать принци-

повъ, внушающихъ уваженіе къ церкви и къ трону, небольшой кучкѣ крамольниковъ или честолюбцевъ легко удается увлечь за собой народъ, говоря ему, смотря по обстоятельствамъ, о счастьѣ, свободѣ, богатствѣ, славѣ, побѣдѣ и мести; его поднимаютъ, заставляютъ ринуться впередъ, ввергаютъ въ бездну бѣдствій. Дошли до того, что смотрятъ на революціи какъ на необходимость духа времени и, чтобы усилить лавину возмущенія, впереди рисуютъ радужными красками возможную конституцію, не задумываясь, пригодна ли она для страны, населенія, сосѣдей. Въ этомъ заключается болѣзнь вѣка; это лихорадка болѣе опасная, чѣмъ всѣ лихорадки, чѣмъ чума, потому что она не только заразительна и прилипчива, но передается также чтеніемъ и бесѣдой. Ея симптомы ярко выражены, она захватывается въ потокѣ великихъ словъ, какъ будто исходящихъ изъ устъ заговорщика, друга человѣчества, пророка или властнаго вождя. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ угрозъ противъ всякой власти, жажда главенства, непомѣрная алчность, нагроможденіе проектовъ, наконецъ, безумный бредъ, когда больной стремится вознестись какъ можно выше, ниспровергая все, встрѣчающееся ему по пути».

Революціонная Франція, конечно, сдѣлалась предметомъ безпредѣльной ненависти со стороны этого русскаго, ультро-москвича и въ то же время чистокровнаго парижанина. Эта одна изъ ненормальностей его сложнаго характера. Какъ выразился его молодой современникъ, князь Петръ Вяземскій, лирическій поэтъ и писатель съ юмористическимъ направленіемъ.

«Ростопчинъ будетъ извѣстенъ въ исторіи, какъ Ростопчинъ двѣнадцатаго года, Ростопчинъ Москвы, пожара, нѣчто въ родѣ патріотическаго Геростата, прославившаго свое имя отблескомъ пожара; но имя нашего Геростата покроется въ исторіи иной славой, чѣмъ слава эфесскаго. Однако въ Ростопчинѣ было нѣсколько Ростопчиныхъ. Такая двойственность свойственна русскому народу. Въ Ростопчинѣ, кромѣ славянской воспріимчивости и гибкости, было поразительное разнообразіе наслоеній различныхъ народностей. Это былъ чистокровный русскій москвичъ въ душѣ, и въ то-же время истинный парижанинъ. По своему народному духу, гражданскимъ добродѣтелямъ и убѣжденіямъ, онъ принадлежалъ къ народу, создающему въ нужную минуту Мининыхъ и Пожарскихъ; по уму и живости онъ былъ настоящимъ парижаниномъ. Онъ ненавидѣлъ французовъ и поносилъ ихъ на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, разя ихъ оружіемъ, у нихъ-же заимствованнымъ. Его умъ отличался больше блескомъ и находчивостью, чѣмъ основательностью и убѣжденностью... Въ этомъ парижанинѣ сохранилось нѣсколько крупныхъ капель крови Тамерлана. Онъ написалъ собственноручно подъ однимъ изъ своихъ портретовъ:

Я родился татариномъ
Хотѣлъ быть римляниномъ,
Французы прославили меня варваромъ
А русскіе Жоржемъ Данденомъ».

Съ потокомъ эмигрантовъ Франція вторглась въ Россію. Здѣсь говорили не иначе, какъ на французскомъ языкѣ, слѣдовали французскимъ модамъ. Вос-

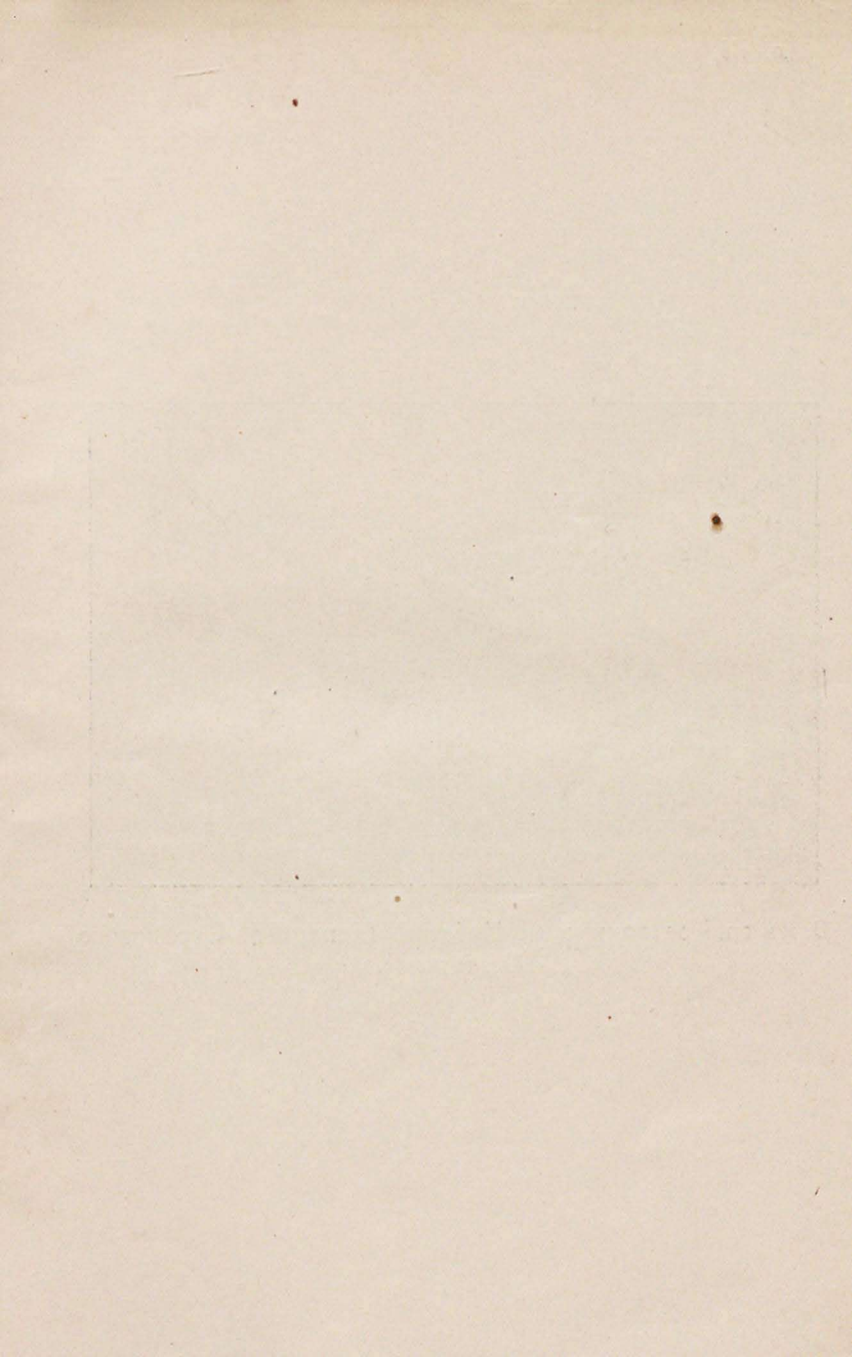
питаніе молодыхъ аристократовъ находилось всецѣло въ рукахъ французовъ.

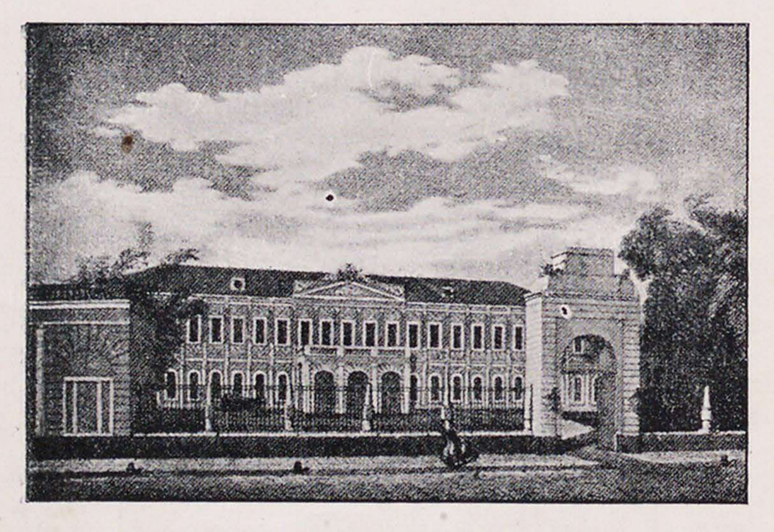
Возмущенный такимъ раболѣпіемъ, находя его унизительнымъ (и въ то-же время воспитывая своихъ дѣтей па французскій ладъ) графъ Ростопчинъ, занимавшійся литературой для удовольствія своихъ друзей, взялся въ одинъ прекрасный день за патріотическое перо и написалъ брошюру, озаглавленную: «Охъ! французы». Она относится къ 1806—1807 г.г. Это произведеніе блещетъ живостью и язвительностью; вскорѣ за нимъ послѣдовала комедія. «Вѣсти или убитый живой», гдѣ графъ безпощадно бичевалъ сочинителей ложныхъ новостей, распространявшихъ въ это время панику въ городѣ. То была самая критическая минута борьбы между Франціей и Россіей, послѣ битвы при Эйлау, и патріотизмъ графа заговорилъ языкомъ, возродившимъ довѣріе, пошатнувшееся вслѣдствіе неудачъ коалиціи. Но опасность приближалась: святой Руси грозилъ въ ея предѣлахъ человѣкъ, укротившій революцію и мечтавшій перевернуть весь міръ. Графъ Ростопчинъ, вначалѣ благосклонно относившійся къ первому консулу, воспылалъ къ Наполеону страстной ненавистью, на какую только была способна его увлекающаяся натура, воплотивъ въ корсиканцѣ всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдала Европа.

Тогда появилась знаменитая брошюра графа (въ мартѣ 1807 г.), озаглавленная «Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ Силы Андреевича Богатырева», имѣвшая цѣлью воспламенить патріотическое чувство русскаго народа и возбудить его противъ французовъ. Въ письмѣ отъ 15-го апрѣля 1807 г., помѣченномъ

Гр. Екатерина Ростопчина, жена Ѳ. В. Ростопчина.

Домъ гр. Ростопчина на Лубянкѣ (теперь д. Страхового Общества).

С.-Петербургомъ, графъ Головинъ пишетъ: «Сила Андреевичъ наслажденіе англійскаго клуба, его читаютъ во всѣхъ углахъ. Радостный смѣхъ и одобреніе выражаемое дворяниномъ Ефремовымъ раздѣляются всѣмъ среднимъ сословіемъ. Люди съ положеніемъ смотрятъ на это произведеніе съ другой точки зрѣнія, строго его осуждаютъ и приписываютъ автору намѣренія, на которыя онъ не способенъ».

Впечатлѣніе произведенное въ Москвѣ и провинціи, граничило съ восторгомъ; брошюра, гдѣ патріотическій пылъ, воодушевлявшій страстную душу, льется потокомъ пламенной лавы, надѣлала много шума и окружила имя графа такой популярностью, что заставила стушеваться всѣ остальныя, когда пришлось выбирать генералъ-губернатора, способнаго подготовить отпоръ врагу, воплотивъ въ себѣ національную идею.

Считаю нужнымъ привести здѣсь заключительныя слова памфлета, конечно, не завоевавшаго автору расположенія Наполеона:

«Слава тебѣ побѣдоносная русская армія, поднявшая мечъ во имя Христово; слава нашему императору и матушкѣ Россіи! Привѣтъ вамъ русскіе герои: Толстой, Кожинъ, Голицынъ, Дохтуровъ, Волконскій, Долгорукій! Вѣчный миръ тебѣ на небесахъ, молодой, доблестный Голицынъ. Молодые люди будутъ стараться тебѣ подражать, братья будутъ тебѣ завидовать, старики будутъ вспоминать о тебѣ, вздыхая и проливая слезы вмѣстѣ съ твоимъ отцомъ и твоей матерью о твоей несчастной судьбѣ. Торжествуй, Русь. Врагъ рода человѣческаго отступаетъ предъ тобой, не можетъ бороться съ тобой, сила непобѣдимая! Онъ пришелъ

какъ левъ яростный, думая все пожрать; онъ убѣгаетъ какъ голодный волкъ и скрежещетъ зубами... Побѣда передъ тобой, Богъ съ тобой и Русь за тобой»...

Впослѣдствіи въ брошюрѣ о московскихъ пожарахъ, графъ выражается слѣдующимъ образомъ о Наполеонѣ и объясняетъ свое отношеніе къ нему:

«До войны 1806 г. во мнѣ было ненависти къ Наполеону не больше, чѣмъ въ послѣднемъ изъ русскихъ; я избѣгалъ о немъ говорить, пока была возможность, потому что нахожу, что на счетъ него писали слишкомъ много и слишкомъ рано. Народы Европы будутъ долго вспоминать о бѣдствіяхъ, причиненныхъ имъ войной, а въ классѣ просвѣщенномъ два существующихъ поколѣнія раздѣляются между восхищеніемъ передъ побѣдителемъ и ненавистью къ завоевателю. Здѣсь я откровенно выскажу свое мнѣніе о немъ: Наполеонъ былъ въ моихъ глазахъ великимъ полководцемъ послѣ походовъ Египетскаго и Итальянскаго, благодѣтелемъ Франціи, когда усмирилъ революцію во время консульства; опаснымъ для Европы деспотомъ послѣ провозглашенія его императоромъ; ненасытнымъ завоевателемъ до 1812 г.; человѣкомъ, упоеннымъ славой и ослѣпленнымъ удачей послѣ того, какъ предпринялъ покореніе Россіи; свергнутымъ геніемъ при Фонтенебло и послѣ Ватерлоо; на Св. Еленѣ—про-
при Фонтенебло и послѣ Ватерлоо; на Св. Еленѣ пророкомъ Іереміей. Наконецъ, мнѣ кажется, онъ умеръ отъ горя, потерявъ возможность сотрясать міръ и видя себя заточеннымъ на скалѣ, предоставленнымъ въ жертву воспоминаніямъ прошлаго и терзаніямъ настоящаго, не имѣя права обвинять никого, кромѣ самого

себя, будучи единоличнымъ виновникомъ своего возвышенія и своего паденія».

Въ 1823 г. графъ Ростопчинъ судилъ о своемъ бывшемъ врагѣ хладнокровно, но въ 1812 г. онъ горѣлъ къ нему ненавистью, испытываемой всякимъ горячимъ патріотомъ къ посягателю на свою родину. Эта ненависть брыжжетъ ключомъ въ его знаменитыхъ афишахъ, расклеиваемыхъ по приказанію генералъ-губернатора на стѣнахъ домовъ Москвы и дошедшихъ до потомства всего въ количествѣ шестнадцати. Тутъ онъ изливалъ всю непримиримую ненависть къ врагу, всю любовь, питаемую его пылкой душой къ угрожаемой опасностью отчизнѣ. Написанные для народа языкомъ доступнымъ, красочнымъ и образнымъ, часто простонароднымъ, но всегда горѣвшимъ яркимъ огнемъ вдохновенія, эти воззванія отца къ дѣтямъ производили глубокое впечатлѣніе на душу народа преданнаго и вѣрующаго. Благодаря имъ въ Москвѣ до послѣдней минуты сохранилось спокойствіе и довѣріе.

Вотъ афиша 11-го сентября.

«Братцы, сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество. Не впустимъ злодѣя въ Москву, но надо пособить и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать: Москва—наша мать, она насъ поила, кормила, богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружайтесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дня хлѣба. Идите съ крестомъ, возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ. Я буду съ вами,

и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ, вѣчная память тѣмъ, кто мертвый ляжетъ; горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ».

Графъ Ростопчинъ говорилъ искренно, созывая такимъ образомъ народъ. Его до послѣдней минуты обманывалъ Кутузовъ, увѣрявшій, что не сдастъ Москву безъ боя.

Предвидя однако возможныя пораженія, графъ вывезъ изъ города всѣ сокровища Кремля, Сената, дѣла всѣхъ присутственныхъ мѣстъ; но дворянство и торговый міръ еще не покидали Москвы. Вѣдь Кутузовъ обѣщалъ до послѣдней капли крови защищать первопрестольную столицу!

Однако вечеромъ, 13-го сентября онъ внезапно перемѣнилъ рѣшеніе и увѣдомилъ генералъ-губернатора, что въ концѣ концовъ Москва не Россія, и онъ намѣренъ отступить безъ боя.

Исторія еще не рѣшила, было ли это или нѣтъ геніальнымъ вдохновеніемъ. Но легко себѣ представить гнѣвъ, охватившій въ эту минуту душу человѣка, отвѣчавшаго за судьбу столицы передъ Богомъ и передъ людьми! Онъ немедленно написалъ государю слѣдующее письмо, доставленное въ Петербургъ эстафетой только 18-го сентября:

«Адъютантъ князя Кутузова передалъ мнѣ письмо, гдѣ князь проситъ у меня офицеровъ для сопровожденія арміи до дороги на Рязань. Ваше Величество, поступокъ Кутузова рѣшаетъ судьбу столицы и всего Вашего государства; Россія содрогнется, узнавъ о томъ, что сданъ городъ, гдѣ сосредоточено все вели-

чіе государства и гдѣ покоится прахъ предковъ Вашего Величества. Я пораженъ и вывожу все, мнѣ остается только оплакивать родину».

Такъ-же обманутый Кутузовымъ, возвѣстившимъ о пораженіи русскихъ войскъ при Бородинѣ, какъ о побѣдѣ, Александръ былъ потрясенъ письмомъ, открывшимъ ему глаза на такое бѣдствіе. Сначала онъ хотѣлъ отстранить Кутузова отъ командованія арміей, но отказался отъ этой мысли изъ опасенія внести дезорганизацію въ духъ арміи, боготворившей своего вождя, заботливо относившагося къ солдатамъ.

Въ распоряженіи Ростопчина, предоставленнаго самому себѣ, оставалась всего одна ночь, чтобы очистить городъ, спасти все, что еще было возможно спасти, и подготовить исполненіе грандіознаго плана, созрѣвшаго въ его возбужденномъ мозгу. Въ подробной біографіи я опишу всѣ чудеса энергіи, проявленной имъ въ эту трагическую ночь, когда на зарѣ французы уже вступили въ городъ.

Наполеонъ подошелъ къ Москвѣ, преисполненный гордости и надежды, ожидалъ встрѣчи со стороны дворянства и должностныхъ лицъ и радостнаго ликованія народнаго, приготовился разыграть роль великаго освободителя, объявить условія мира въ стѣнахъ Кремля, но наткнулся на врага не менѣе грознаго, чѣмъ пушки и пули: громадный городъ былъ объятъ безмолвіемъ, безлюдіе защищало еще лучше, чѣмъ оружіе. Окруженный своей арміей торжествующій побѣдитель Смоленска, спорный побѣдитель при Бородинѣ вступилъ въ пустоту, созданную вокругъ него ненавистью великаго патріота. Ни воиновъ, ни

изъявленій покорности, ни мятежниковъ,—ничего, кромѣ таинственнаго, страшнаго молчанія, за которымъ впервые Наполеонъ почувствовалъ вѣяніе грознаго рока. Московскому генералъ-губернатору удалось совершить такое чудо въ поль дня.

Вечеромъ 3/15 сентября Наполеонъ водворился въ Царскомъ дворцѣ въ Кремлѣ. Здѣсь суждено было свершиться его судьбѣ. Вся пролитая имъ кровь, наконецъ, возопіяла къ небу... Въ тяжелой тучѣ, образовавшейся надъ Египтомъ изъ кровавыхъ испареній, разостлавшейся надъ морями и рѣками вплоть до московскихъ святынь, наконецъ, блеснула молнія; громъ грянулъ надъ великимъ истребителемъ человѣческаго рода: матери были отомщены. Пожаръ, начавшійся днемъ по распоряженію графа Ростопчина,
приказавшаго поджечь многочисленныя баржи, нагружен-
приказавшаго поджечь многочисленныя баржи, нагруженныя хлѣбомъ и другими запасами, загромождавшія всю рѣку, перешелъ на деревянныя набережныя, огненнымъ спрутомъ охватилъ причудливыя изгибы Москвы-рѣки и Яузы и быстро распространился по всему городу.

Въ подробной біографіи будутъ описаны всѣ подробности (по большей части неизвѣстныя Европѣ) этой грандіозной эпопеи. Изъ множества собранныхъ мною доказательствъ относительно дѣйствительной причины пожара Москвы, можно свободно дѣлать заимствованія, не опасаясь ослабить впечатлѣнія; я приведу сейчасъ два отрывка изъ писемъ графа Ѳеодора къ женѣ; первое отъ 11-го сентября изъ Пахры, деревни на полпути между Москвой и Вороновымъ, куда отправлялся дѣдъ: «Ты видишь, мой другъ, какъ

полезна была моя мысль поджечь городъ до прихода злодѣя; но Кутузовъ меня обманулъ, а когда онъ приблизился на разстояніе шести верстъ, накапунѣ вступленія французовъ, было уже поздно».

Этими словами онъ признавался, что такая мысль была у него раньше, но съ тѣхъ поръ онъ уже наложилъ на свои уста печать молчанія, даже передъ женой. Онъ ожидалъ одобренія Александра. 18-го сентября онъ писалъ изъ Воронова: «До свиданія, мой дорогой другъ, съ удовольствіемъ покидаю мѣста, сдѣлавшіяся для меня ненавистными. Комната, гдѣ родилась Лиза, можетъ быть будетъ сожжена завтра».

Дѣйствительно, домъ былъ подожженъ, если не имъ собственноручно, то генераломъ сэромъ Робертомъ Вильсономъ, англійскимъ комиссаромъ при русскомъ правительствѣ, оставившимъ знаменитый трудъ: «The invasion in Russia by Napoleon Bonaparte and the retreat of the French by general sir Robert Wilson, british commissioner of the head-quarters of the Russian army, edited by his nephew and son-in law, the Rev. Herbert Rondolf of Balliof, Colledge Oxford, 1860 г.

Генералъ Вильсонъ говоритъ (на 157 стр.), что донесеніе Кутузова императору о битвѣ при Бородинѣ было несогласнымъ съ истиной и недобросовѣстнымъ передъ государемъ, и что за эту вымышленную побѣду Кутузовъ былъ награжденъ званіемъ фельдмаршала и 25,000 рублей вѣчной пенсіи, получаемой по сіе время его потомствомъ.

Генералъ Вильсонъ съ лордомъ Тирконнелемъ, своимъ адъютантомъ, Ермоловымъ, будущимъ героемъ-покорителемъ Кавказа, другими генералами и офицерами, сопровождавшими графа Ростопчина въ поискахъ генеральнаго штаба арміи, расположились бивакомъ на красномъ дворѣ Воронова вокругъ разложеннаго костра.

«Дворецъ въ Вороновѣ былъ великолѣпный и, дѣйствительно, величественный, съ колоссальными фигурами лошадей работы Монте Ковалло при въѣздѣ. Въ галлереѣ во дворцѣ находились воспроизведенія наиболѣе выдающихъ статуй и памятниковъ римскихъ и греческихъ; обстановка отличалась сказочной роскошью.

Вокругъ костра шла бесѣда. Генералъ-губернаторъ совершенно разогналъ сонъ горькими жалобами на Кутузова, на сдачу имъ Москвы безъ предварительнаго, условленнаго о томъ извѣщенія, чѣмъ онъ лишилъ возможности населеніе и власти проявить доблесть не римскую, но выше чѣмъ римскую,—русскую,—громаднымъ пожаромъ, зажженнымъ народомъ и властямъ непріятеля. Онъ заявилъ, что никогда не проститъ фельдмаршалу неисполненнаго обѣщанія [1]) и собственными руками подожжетъ дворецъ, возбуждавшій наше восхищеніе, если получится вѣсть, что подступаетъ непріятель; и только сожалѣлъ, что не можетъ принести жертвы еще въ десять разъ болѣе достойной.

---

[1]) И онъ сдержалъ свое слово. Л. Р.

Наши увѣщанія не могли поколебать его непреклонной рѣшимости.

На зарѣ появилась депутація отъ крестьянъ; они приняли мѣры, чтобы двинуться вслѣдъ за войсками, и просили у графа позволенія переселиться въ его помѣстье въ Сибири[1]) или въ любое мѣсто государства, предпочитая изгнаніе владычеству французовъ.

Получивъ разрѣшеніе, все населеніе въ 1,700 душъ двинулось въ путь, представляя глубоко трогательное зрѣлище. Ни откуда не раздавалось ни одной жалобы. «Пошли Господи, побѣду императору и Россіи», и «Да будетъ благословенно имя Господне»,—вотъ все, что слышалось изъ толпы. Написавъ ихъ заявленіе на трехъ языкахъ и прибивъ его къ церковнымъ дверямъ,[2]) Ростопчинъ, слыша вдали перестрѣлку и видя изъ того, что врагъ приближается, пошелъ въ домъ и попросилъ друзей слѣдовать за собой. Имъ были розданы зажженные факелы. Поднявшись по лѣстницѣ и дойдя до спальни, Ростопчинъ на минуту остановился и сказалъ англійскому генералу:

«Вотъ моя брачная постель, у меня не хватаетъ духу поджечь ее, избавьте меня отъ этой тяжелой обязанности».

Его желаніе было приведено въ исполненіе, когда графъ поджегъ всѣ остальные покои. Проходя, онъ поджигалъ каждую комнату, и черезъ четверть часа

[1]) Вильсонъ ошибается, помѣстье находилось въ Орловской губерніи. Л. Р.

[2]) Гдѣ въ 1902 г. я нашла и показала теперешнимъ владѣльцамъ, Сабуровымъ-Шереметьевымъ, слѣды французскихъ пуль. Л. Р.

весь домъ былъ объятъ пламенемъ. Потомъ перешли къ конюшнямъ, быстро подожгли ихъ, и только тутъ Ростопчинъ остановился, глядя на пламя и рушившiяся стѣны. Когда послѣдняя конская группа была сброшена и разбилась во дворѣ, онъ сказалъ: «Теперь я спокоенъ», и такъ какъ вражескiя пули уже свистали вблизи, онъ удалился вмѣстѣ съ друзьями, оставивъ слѣдующую надпись, прибитую къ церковнымъ дверямъ:

«Я потратилъ восемь лѣтъ на украшенiе этого дома и жилъ здѣсь счастливо въ лонѣ семьи. Все населенiе помѣстья, въ количествѣ 1,720 душъ, покидаетъ его, а я, по собственному побужденiю поджигаю свой домъ, чтобы вы не осквернили его своимъ присутствiемъ. Французы! Я оставилъ въ Москвѣ два дома съ обстановкой, стоившей до полу-милліона, здѣсь вы найдете только пепелъ»...

Роль генералъ-губернатора кончилась. Москвы больше не существовало. Провидѣнiе поставило «The right man in the right place» (подходящаго человѣка на его мѣсто), и когда онъ сдѣлалъ свое дѣло, оно отстоpонило его отъ участiя въ дальнѣйшихъ событiяхъ. Графъ Ростопчинъ вернулся впослѣдствiи въ Москву изъ Владимiра, куда удалился послѣ недолгаго пребыванiя въ штабѣ Кутузова, критикуя еще сильнѣе, чѣмъ раньше, его бездѣятельность и пассивное, совершенно восточное выжиданiе событiй. Онъ даже писалъ въ началѣ ноября Александру: «Князь Кутузовъ не желаетъ ничего лучшаго, какъ не сражаться, не командывать и васъ обманывать». Но грубая откровенность, встрѣчавшая такой хоро-

шій пріемъ у отца, не нравилась сыну. Онъ ясно показалъ это 25-го іюля 1814 года, когда прибылъ въ Москву умиротворителемъ Европы. Онъ холодно принялъ человѣка, навязаннаго ему общественнымъ мнѣніемъ и теперь имъ-же осужденнаго по неизбѣжному обратному толчку. Немногіе дворяне, предавшіе пламени свои дома, дѣйствуя заодно съ народомъ, терялись во множествѣ тѣхъ, для кого, какъ писалъ Ростопчинъ, «обстановка дороже всего на свѣтѣ, дороже чести родины». Денежная сторона великой катастрофы затмѣвала для нихъ славу; съ опасностью исчезъ духъ патріотизма, воодушевлявшій умы и обезсмертившій годину 1812 года въ лѣтописяхъ Россіи. Человѣкъ воплотившій въ себѣ всю ненависть, всю скорбь отечества, любившій его до грандіознѣйшаго преступленія, превратился въ помѣху, послѣ того, какъ его слава, распространяясь по Европѣ, даже грозила затмить собой славу Александра I.

Его непремѣнно слѣдовало устранить. Онъ предпочелъ удалиться самъ. Въ 1814 г. онъ прибылъ въ Петербургъ, откуда писалъ женѣ: «Представь себѣ, что никто изъ всѣхъ, кого я до сихъ поръ видѣлъ, не говоритъ ни о Москвѣ, ни о событіяхъ двѣнадцатаго года. Когда я видѣлъ императора и обѣдалъ съ нимъ, онъ говорилъ со мной только о вещахъ безразличныхъ». Въ предыдущемъ письмѣ отъ 6-го августа 1814 г. онъ писалъ: «Вчера я пробылъ съ полчаса въ кабинетѣ императора. Онъ говорилъ почти одинъ и очень много о внутреннихъ безпорядкахъ. Я не успѣлъ обратиться къ нему съ просьбой о своемъ желаніи оставить службу, но онъ закончилъ сло-

вами: «Мы еще увидимся». Спросилъ, какія у меня извѣстія отъ Сергѣя и сказалъ: «Онъ обладаетъ поразительнымъ хладнокровіемъ и мужествомъ, отличается большой сообразительностью, это выдающійся молодой человѣкъ».

Въ другомъ письмѣ дѣдъ жалуется, что «пожаръ Москвы такъ же забытъ, какъ разрушеніе Карѳагена и Пальмиры».

1/13 сентября онъ писалъ: «Ну, мой другъ, мой разводъ съ Москвой рѣшился третьяго дня. Счастливый супругъ, которому суждено обладать капризной волшебницей, генералъ Тормасовъ, хорошій человѣкъ, вдовецъ, шестидесяти лѣтъ отъ роду, слабохарактерный, съ манерами свѣтскаго человѣка. Я остался генераломъ, состоящимъ при особѣ императора и къ моему большому удивленію оказался членомъ Государственнаго Совѣта, что не возлагаетъ на меня никакихъ обязанностей [1]).

Во всю бытность московскимъ генералъ-губернаторомъ, графъ Ростопчинъ отказывался отъ жалованья, полагавшагося ему по должности; онъ не ходатайствовалъ о пенсіи, не получала ее и вдова его. Дѣдъ, человѣкъ совершенно безкорыстный, дѣйствительно принялъ отъ Павла въ даръ помѣстье съ 3,500 душъ, въ

---

[1]) Этотъ постъ генерала, состоящаго при особѣ Императора, оправдывалъ въ глазахъ дѣда смѣлость, съ какой онъ обращался въ письмахъ къ Александру. Такимъ отличіемъ награждались только очень немногіе. Александръ II удостоилъ имъ генерала Офросимова, когда тотъ покинулъ постъ московскаго генералъ губернатора.

Орловской губерніи и 33,000 десятинъ въ Воронежской губерніи, но отказался отъ трехъ другихъ подарковъ, представлявшихъ бы въ настоящее время неисчислимую цѣнность. Павелъ какъ-то сказалъ ему: «Ростопчинъ, я подарю тебѣ Каменный островъ». Испугавшись расходовъ, необходимыхъ на поддержаніе такой громадной площади, дѣдъ возразилъ: «Государь, вы хотите меня разорить?» Тѣмъ дѣло и кончилось. Затѣмъ онъ отказался отъ помѣстья въ Полтавской губерніи съ 9,000 крестьянскихъ душъ и 200,000 десятинъ земли. У насъ сохранилась дарственная грамота на землю подъ названіемъ Шалдыка, близъ Ладожскаго озера, гдѣ теперь находятся три города. Надо было истратить сто рублей, чтобы оформить бумагу и вступить во владѣніе подаркомъ. Графъ Ростопчинъ намѣренно не выполнилъ этой формальности, вполнѣ довольствуясь имѣвшимся у него состояніемъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ любимцевъ Павла онъ, наиболѣе преданный и можно сказать единственный искренній другъ несчастнаго государя, получилъ меньше всѣхъ, по своей доброй волѣ.

Былъ ли затронутъ между императоромъ и его подданнымъ щекотливый вопросъ о пожарѣ? Какъ государь, Александръ не могъ его одобрить; какъ патріотъ, онъ понималъ его величіе и громадное значеніе. Надо предполагать, что самый «хитрый изъ грековъ», предпочелъ не касаться этой темы. Вольцогенъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ»: «Одинъ изъ моихъ друзей, старшій медицинскій совѣтникъ въ Берлинѣ, Формей, спросилъ однажды Ростопчина въ моемъ присутствіи, какимъ образомъ начался пожаръ Мо-

сквы. Вотъ какой послѣдовалъ отвѣтъ губернатора: «Этого вопроса не предлагалъ мнѣ самъ императоръ, и я никому не обязанъ давать на него отвѣта». Почему-же онъ отвѣтилъ исторіи своей печальной «Правдой?»

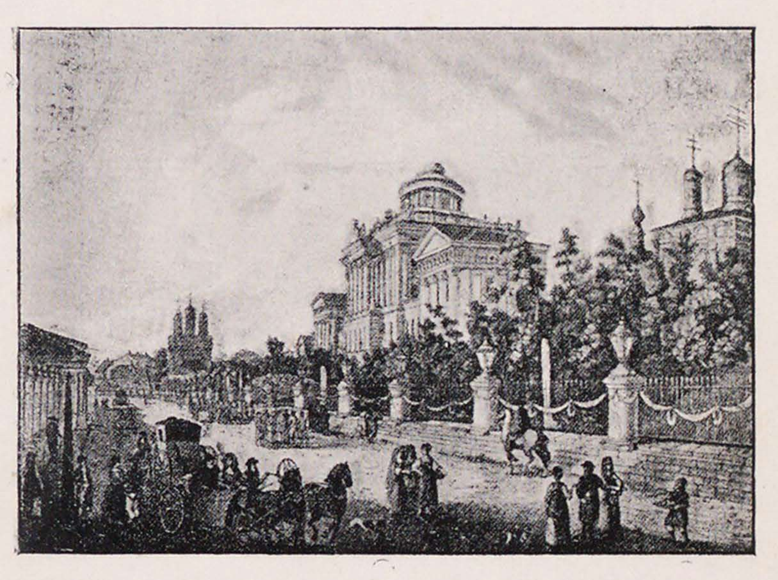
III.

Путешествіе графа.—Прибытіе въ Парижъ въ 1716 г.—Онъ поселяется тамъ окончательно.—Его мнѣніе о французахъ.—Одновременное замужество двухъ старшихъ дочерей.—„Правда о московскомъ пожарѣ."

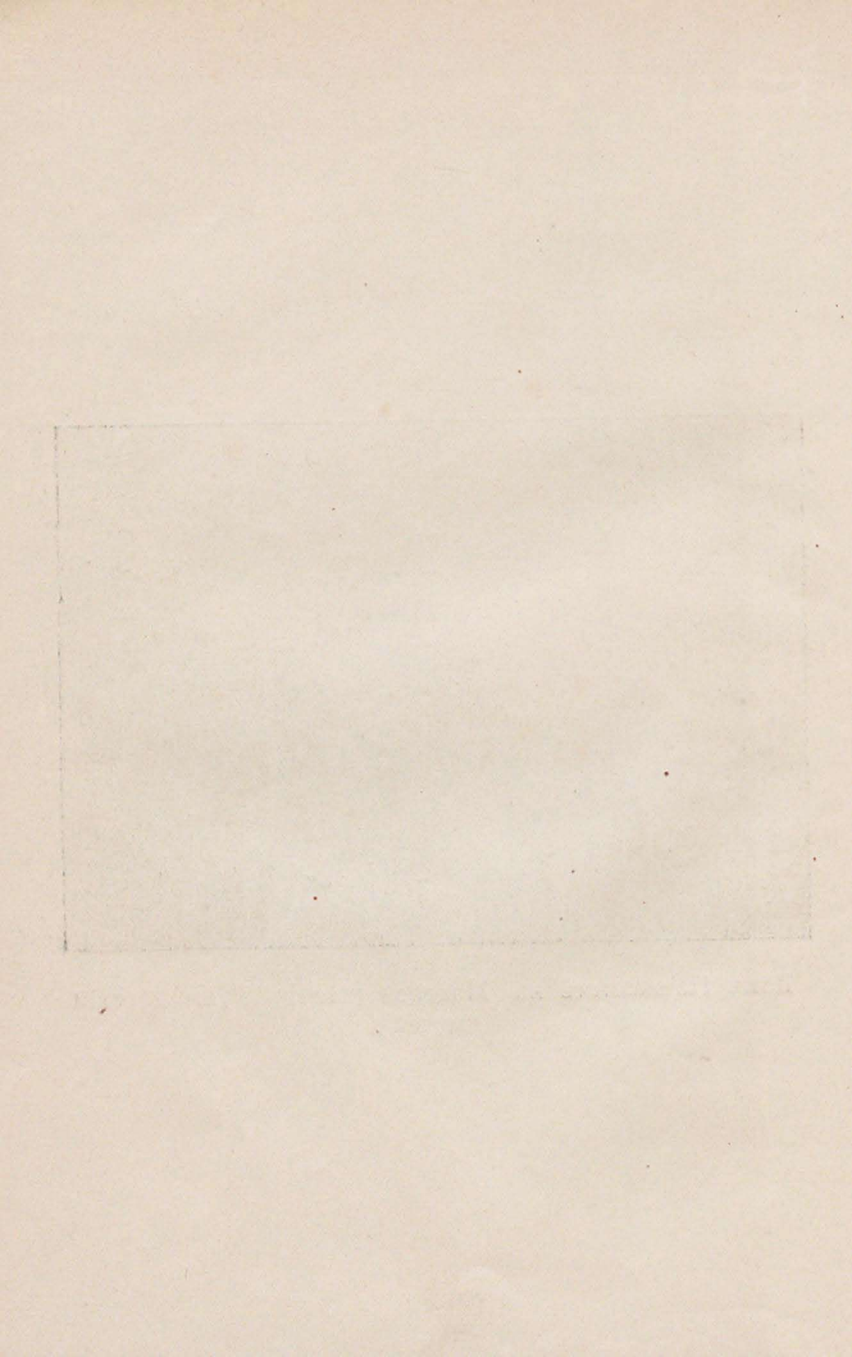
Когда графъ Ростопчинъ окончательно покинулъ службу и частнымъ лицомъ поселился въ Москвѣ съ своей семьей, ему было около пятидесяти лѣтъ; карьера его была кончена, а здоровье расшатано. Къ ревматизму и неразлучнымъ съ нимъ болямъ присоединилась жестокая безсонница, послѣдствіе страшнаго нервнаго напряженія, подорвавшаго его силы. Душа его также сильно страдала отъ ненависти москвичей, все сильнѣе скоплявшейся вокругъ него. Двадцать милліоновъ, выданные Александромъ на покрытіе убытковъ, только раздразнили аппетиты и не могли, въ сущности, удовлетворить никого. Сумма понесенныхъ потерь исчисляется Наполеономъ въ нѣсколько милліардовъ; графъ Ростопчинъ опредѣляетъ ее въ 321 милліонъ: не надо забывать, что въ то время счетъ вели на ассигнаціи. Возможно, что истина находится между этими двумя цифрами, потому что любовь, какъ и ненависть, всегда ошибаются въ расчетахъ.

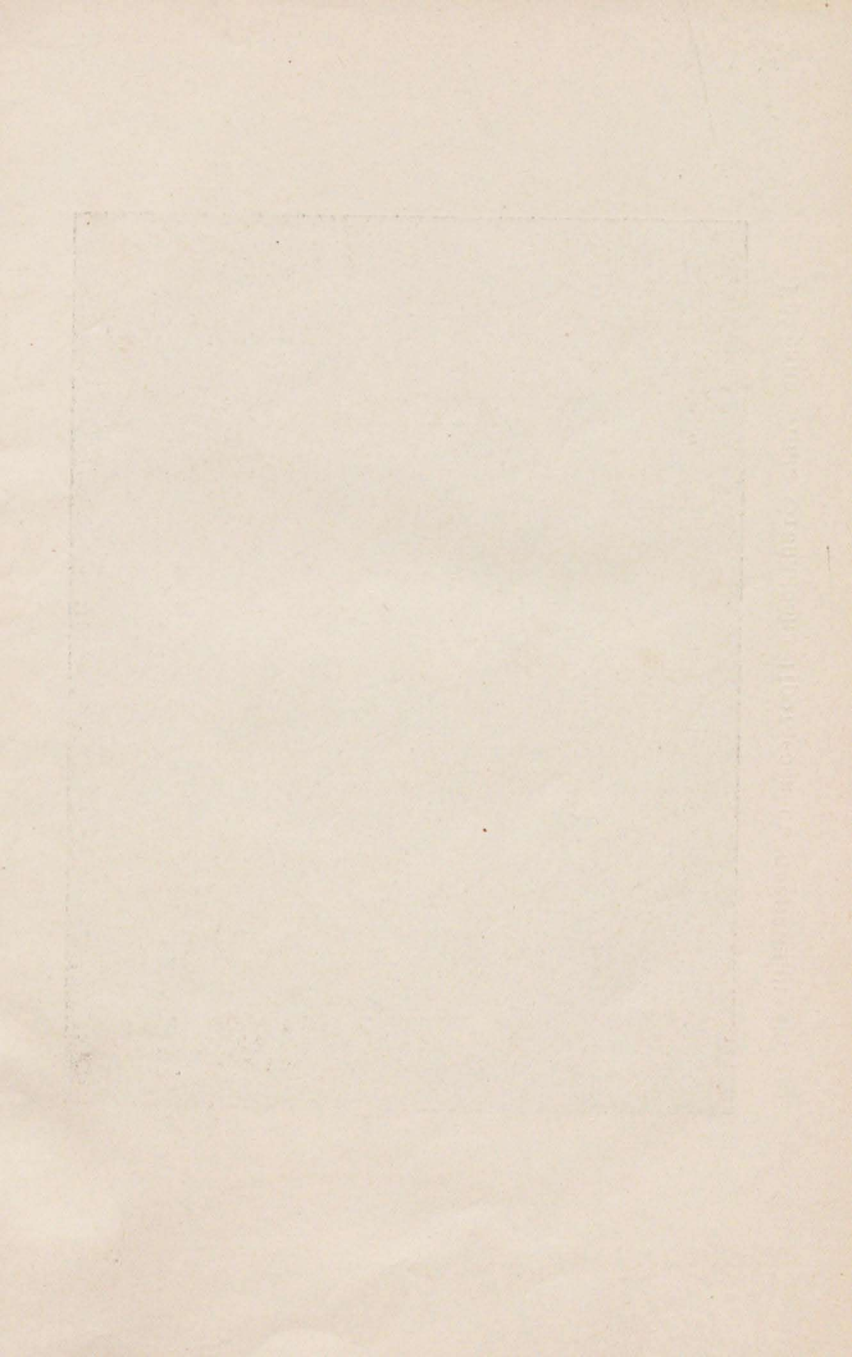
Оставивъ семью въ Вороновѣ, графъ Ростопчинъ отправился путешествовать по Германіи, посѣтилъ воды Теплица и Пирмонта, не принесшія ему никакой пользы. Въ 1816 г. онъ лечился въ Карлсбадѣ, гдѣ получилъ облегченіе, и въ ноябрѣ прибылъ, наконецъ, въ Парижъ, впервые ступивъ ногой на французскую землю.

Его путешествіе было для него сплошнымъ торжествомъ; всюду его встрѣчали проявленія восторга, описываемыя имъ съ присущей ему насмѣшливостью. Германскіе короли принимали его, какъ своего освободителя. Онъ могъ опасаться, что встрѣтитъ недружелюбное отношеніе къ себѣ въ странѣ, знавшей, какой рѣшительный ударъ онъ нанесъ побѣдоносной до сихъ поръ звѣздѣ Наполеона; но таковъ удивительный патріотизмъ французовъ, что они увидали въ Ростопчинѣ только великаго патріота и забыли врага. Онъ прибылъ полный предубѣжденія и съ предвзятымъ намѣреніемъ видѣть дѣйствительность только сквозь увеличительныя стекла закоренѣлой антипатіи. Первыя вынесенныя имъ впечатлѣнія носятъ отпечатокъ такого враждебнаго настроенія. Но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не оцѣнить самаго остроумнаго народа въ мірѣ, и вскорѣ подчинился его обаянію: «Здѣсь», писалъ онъ женѣ, «умъ самая обыкновенная вещь, онъ встрѣчается у всѣхъ; ты знаешь, какъ я люблю наблюдать, и у меня открывается обширное поле для наблюденій... Я чистосердечно примирился съ французами. Они совсѣмъ другіе у себя дома, чѣмъ за предѣлами своей родины. Банальная вѣжливость кроется въ ихъ духѣ, духѣ природномъ,

Домъ Пашковыхъ на Моховой (теперь Румянцевскій музей).

Графиня Анна Степановна Протасова съ племянницами.

потому что крестьяне, нищіе, почтальоны говорятъ вамъ любезности, и это выходитъ у нихъ вполнѣ естественно».

Какая противоположность съ тѣмъ, что онъ писалъ о нѣмцахъ: «Можно безъ всякой помѣхи предаваться молчанію среди философскаго, неразговорчиваго нѣмецкаго общества. У нихъ, ни о чемъ не думать — значитъ размышлять. Не знаю, что они выигрываютъ отъ этого, но другіе отъ того ничего не теряютъ, и я очень счастливъ, находясь въ числѣ другихъ».

Впослѣдствіи, когда медовый мѣсяцъ, присущій каждой фазѣ нашей жизни, смѣнился болѣе критическимъ отношеніемъ, его сужденія сдѣлались строже. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Французъ созданъ, чтобы много танцовать, часто смѣяться, всегда насмѣхаться и никогда не думать»...

«Наполеонъ, вернувшись съ острова Эльбы, снесъ якобинцевъ, а Людовикъ XVIII ихъ высидѣлъ».

«Революція изгнала Бурбоновъ изъ Франціи, царствованіе Бонапарта изгладило ихъ изъ сердца французовъ».

«Французы занимаются дѣломъ, какъ кошки любовью: съ крикомъ, съ шумомъ, съ царапинами».

Покушеніе на Веллингтона, бывшаго предметомъ его восхищенія, вызвало у него слѣдующее размышленіе: «Нельзя себѣ представить ничего смѣшнѣе французскаго правосудія, желающаго доказать, что французъ неспособенъ на такую жестокость, хотя въ глубинѣ души весь полонъ жаждой убійства и грабежа; но онъ поетъ: „Все для любви, все для чести“, и хочетъ,

чтобы ему вѣрили на слово". Вотъ еще любопытныя замѣчанія; „Хартія, подобна щиту и зонту для защиты отъ ударовъ и дождя, падающихъ на царствованіе Бурбоновъ».

«Эта страна, великое доказательство тому, что народы всегда склонны къ глупостямъ при слабомъ правительствѣ».

«Во Франціи нѣтъ любви къ родинѣ, нѣтъ народа. Честь, слава, добродѣтель только на языкѣ, и если съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдить за этой страной, ее нечего бояться. Это безумцы и дѣти. Однихъ надо запугать, а другихъ высѣчь [1]». Вотъ еще отмѣтка отъ 31-го декабря 1822 г.: «Съ нетерпѣніемъ ожидаю мая мѣсяца, чтобы разстаться съ Парижемъ, этимъ единственнымъ, великимъ защитникомъ французовъ передъ остальными народами. Это средоточіе всѣхъ скитальцевъ, магнитъ пороковъ, поставщикъ на всѣ вкусы и упованіе бездѣльниковъ [2]».

---

[1]) Здѣсь внучка приноситъ свои извиненія французамъ, среди которыхъ поселилась, и ставитъ на видъ, что со времени этихъ жестокихъ словъ протекло почти цѣлое столѣтіе. Впрочемъ графъ Ростопчинъ не болѣе щадилъ русскихъ и Россію Л. Р.

[2]) Послѣднее выраженіе заимствовано изъ драгоцѣнной, нигдѣ неизданной переписки графа съ Александромъ Булгаковымъ, статскимъ совѣтникомъ, въ 1812 г. состоявшимъ при генералъ-губернаторѣ по канцеляріи. „Онъ и его братъ Константинъ былъ незаконными дѣтьми турчанки и тайнаго совѣтника Булгакова; оба родились въ Константинополѣ, когда ихъ отецъ былъ тамъ посланникомъ Россіи. Оба брата были одновременно директорами почтъ, Константинъ въ Петербургѣ,

Прибывъ въ Парижъ въ ноябрѣ 1816 г., онъ прожилъ здѣсь до весны, являясь предметомъ общаго любопытства: «Я пользовался здѣсь успѣхомъ», писалъ онъ женѣ, «какого не имѣлъ ни одинъ иностранецъ. Я внушалъ интересъ, какой вызываетъ слонъ или морское чудовище. Всѣ были очень удивлены, увидавъ человѣка самаго обыкновеннаго... простого, добродушнаго, довольно большого чудака. Ты не можешь себѣ представить, какими проявленіями уваженія и почтенія меня тутъ осыпаютъ. Всѣ твердятъ: «Безъ васъ, насъ не было бы здѣсь».

Проведя лѣто на водахъ, графъ Ростопчинъ, наконецъ, съ великой радостью встрѣтилъ всю свою семью, переселившуюся заграницу. Онъ больше не покидаетъ Парижа, уѣзжаетъ только на воды и въ Англію для свиданія съ своимъ уважаемымъ другомъ, гра-

---

Александръ въ Москвѣ. Послѣдній былъ затѣмъ сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и умеръ восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Это былъ человѣкъ выдающагося ума, неподражаемый разсказчикъ, до глубокой старости сохранявшій живость и подвижность молодости. Отецъ мой очень его любилъ, а онъ самъ боготворилъ дѣда. Онъ поддерживалъ сношенія со всѣми видными дѣятелями Россіи, и его переписка съ ними чрезвычайно обширна. Оставленныя имъ бумаги образуютъ цѣлыя кипы, полныя захватывающаго интереса, и когда онѣ будутъ напечатаны, онѣ заслужатъ для ихъ автора названіе русскаго Сенъ-Симона". (Графъ Андрей Ростопчинъ, примѣчаніе въ „Матеріалахъ"). Эта переписка появлялась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ „Русскомъ Архивѣ" Бартенева, изъ нея я почерпнула драгоцѣнные матеріалы для біографіи своей бабушки, какъ читатели увидятъ далѣе. Л. Р.

фомъ Воронцовымъ и чтобы представиться принцу-регенту, неоднократно его любезно приглашавшему.

Въ іюлѣ 1819 г. его двѣ старшія дочери одновременно вышли замужъ; старшая, любимица, умная
и серьезная Наталья, за Дмитрія Нарышкина, племян-
и серьезная Наталья за Дмитрія Нарышкина, племян-
ника графа Воронцова, а младшая, Софья, за графа Евгенія де-Сегюръ, внука посланника, сына пэра Франціи, обладавшаго, какъ писалъ его тесть, только однимъ недостаткомъ, именно слишкомъ большой красотой.

Перешедшая въ католичество подъ вліяніемъ матери графиня могла выйти замужъ только за католика. Въ 1823 г., когда графъ Ростопчинъ рѣшилъ вернуться въ Россію, ему было очень тяжело разстаться съ дочерью, предчувствуя, что имъ больше не суждено увидаться.

Въ 1823 г. появилась знаменитая «Правда о московскомъ пожарѣ», сейчасъ-же вызвавшая горячіе споры. Одинъ изъ нашихъ лучшихъ историковъ, Бантышъ-Каменскій говоритъ въ своемъ «Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли»: «Правда о пожарахъ московскихъ» затемнила всю правду объ этомъ событіи». Полковникъ Дмитрій Бутурлинъ[1]) пишетъ въ своей знаменитой «Военной исторіи русской кампаніи 1812 г.» (Парижъ, 1824 г.), что его тѣмъ болѣе удивляетъ совершенно неожиданное появленіе книги

[1]) Членъ Государственнаго Совѣта и директоръ Императорской Библіотеки, умершій въ Дрезденѣ въ 1849 г.

графа Ростопчина, что на сообщенную ему главу изъ «Военной исторіи», гдѣ пожаръ Москвы приписывается русскимъ, графъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія. Вотъ это мѣсто: «Не имѣя больше возможности что-либо сдѣлать для города, порученнаго его попеченію, графъ Ростопчинъ рѣшилъ использовать потерю, уничтоживъ его до основанія».

Князь Николай Голицынъ въ статьѣ, напечатанной въ «Русскомъ Инвалидѣ», увѣряетъ, что часто посѣщалъ графа въ 1822 и 23 г.г. и что эта брошюра огорчила всѣхъ друзей графа, болѣе дороживших его славой, чѣмъ онъ самъ.

Въ этихъ строкахъ мнѣ невозможно сдѣлать даже обзора собранныхъ мною документовъ, поэтому я довольствуюсь только ссылкой на собственныя слова графа Ростопчина. Среди пятидесяти писемъ, написанныхъ имъ Булгакову съ 1814 г. по 1825 г., есть одно, помѣченное 11-го іюня 1816 г., посланное изъ Петербурга, гдѣ находится фраза, разсѣявшая мои послѣднія сомнѣнія:

«Если мое здоровье не поправится, я уѣду надолго въ Италію, гдѣ воздухъ, развлеченіе, природа и отдаленность принесутъ мнѣ, можетъ быть, больше пользы, чѣмъ доктора, ихъ опыты надъ человѣкомъ и фармацевтическія познанія. У меня чиста совѣсть за то, что сдѣлано и за то, что дѣлается. Въ прошломъ, я перешагнулъ черезъ обязанности преданнаго слуги и дѣйствовалъ какъ бѣсноватый или какъ азіатикъ подъ вліяніемъ опіума. Теперь я говорилъ, писалъ, горевалъ, имѣя въ виду только одну цѣль,—жить для семьи. Пожертвовавъ всѣмъ для Родины и Чести

(два имени изъ Басни), буду стараться вернуть себѣ здоровье».

Бѣсноватый или опьяненный опіумомъ—какое драгоцѣнное признаніе въ устахъ человѣка, никогда не желавшаго отвѣчать на столь часто предлагаемый вопросъ!

IV.

Возвращеніе въ Россію.— Принятая отставка.—„Мои записки, или я самъ безъ прикрасъ, написанныя въ десять минутъ“.

Мы подошли къ послѣдней главѣ этой бурной жизни, окончившейся въ глубочайшей скорби.

Обширныя имѣнія, остававшіяся у графа въ Россіи, настоятельно требовали его возвращенія, и родина, любимая имъ какъ невѣрная, но все же боготворимая любовница, привлекала его тысячью узъ, разрушаемыхъ только смертью.

«Ты хорошо дѣлаешь», писалъ онъ дочери Лизѣ, «что любишь свою родину, только здѣсь къ человѣку возвращаются чистыя и живыя воспоминанія дѣтства. Кромѣ того, сюда слѣдуетъ стремиться, чтобы умереть, если такова воля Божія. Сколько бы человѣкъ не путешествовалъ по всему свѣту, для удовольствія, образованія и для здоровья, въ душѣ у него все-таки раздается голосъ: «Ступай, кончай свою жизнь тамъ, гдѣ ты ее началъ».

Итакъ, онъ вернулся въ Россію съ женой, дочерью Елизаветой и сыномъ Андреемъ. Что касается старшаго сына, всегда называемаго имъ «графомъ Сергѣемъ», то онъ остался въ Италіи. Впослѣдствіи

изъ него вышелъ прекрасный человѣкъ, весьма умный, пріятный въ обхожденіи, по отзыву моихъ родителей, но его бурная молодость глубоко огорчала сердце дѣда. Человѣкъ воздержанный, строго-нравственный, онъ возмущался, видя сына расточительнымъ игрокомъ; неоднократно платилъ за него долги, но, наконецъ, отказался и допустилъ, что сына посадили въ долговую тюрьму. Карамзинъ, нашъ великій историкъ, женатый первымъ бракомъ на кузинѣ графа, упрекалъ Вяземскаго за то, что тотъ вмѣнялъ это въ вину дѣду, всегда такому щедрому для своихъ дѣтей и для бѣдныхъ. Въ его перепискѣ съ женой встрѣчается въ этомъ отношеніи много трогательныхъ подробностей. Зная, что молодой четѣ де-Сегюръ очень хочется пріобрѣсти имѣніе Нуэттъ, близъ Легля, онъ подарилъ его дочери на Новый Годъ, 1-го января 1820 г. Здѣсь графиня Софія написала свои прелестныя книги, обезсмертившія ея имя.

Проведя первую зиму въ Вороновѣ, скромно возстановленномъ на мѣстѣ пожарища, дѣдъ поселился въ прекрасномъ домѣ на Лубянкѣ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара, хотя въ немъ была взорвана часть стѣны и во всѣ печи положенъ порохъ. Эта возвышенная часть Москвы, гдѣ находится католическая церковь св. Людовика, была спасена, благодаря своему положенію и самоотверженности нѣкоторыхъ жителей.

Любитель изящныхъ искусствъ, графъ Ростопчинъ мало-по-малу собралъ новую галлерею картинъ, рѣдкихъ гравюръ и бюстовъ, и библіотеку въ нѣсколько тысячъ томовъ. Его письма къ Булгакову полны подробностей о драгоцѣнныхъ находкахъ, сдѣланныхъ

имъ въ Парижѣ, великомъ рынкѣ, куда стекались обломки всѣхъ княжескихъ домовъ, разрушенныхъ революціей.

Вернувшись въ Россію, онъ сейчасъ-же послалъ императору прошеніе объ отставкѣ; она была принята, и бывшій главнокомандующій снялъ военный мундиръ, замѣнивъ его болѣе мирнымъ оберъ-камергерскимъ. Вотъ какими словами онъ отвѣтилъ Аракчееву, увѣдомившему его о согласіи императора: «Я получилъ письмо, которымъ вы меня увѣдомляете, что моя отставка принята. Теперь у меня остается лишь одна забота, предстать съ чистой совѣстью передъ высшимъ судомъ, чего желаю всякому христіанину и вамъ».

Такое выдѣленіе изъ числа христіанъ всемогущаго и жестокаго, чтобы не сказать свирѣпаго любимца, напоминаетъ подарокъ, сдѣланный графомъ Ростопчинымъ своимъ коллегамъ по Государственному Совѣту.

Покидая Россію, онъ прислалъ имъ прекрасную картину, изображавшую Христа, съ надписью: «Господи, прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ». Невинныя души не поняли ироніи и мирно возсѣдали подъ картиной до пожара 1837 г., уничтожившаго Зимній дворецъ.

Къ этому времени относится послѣднее произведеніе графа, которое, можно смѣло назвать лучшимъ изо всѣхъ. Графиня Бобринская много разъ тщетно уговаривала его написать свои записки; наконецъ, онъ внялъ ея убѣжденіямъ: «Повинуюсь вашему настоянію, графиня», отвѣчалъ онъ ей въ одинъ пре-

красный день, «сегодня же вечеромъ примусь за работу». На слѣдующее утро онъ прислалъ ей небольшую брошюру, озаглавленную: «Мои записки, написанныя въ десять минутъ, или я самъ безъ прикрасъ». Записки переведены на всѣ языки и сотни разъ появлялись въ различныхъ иностранныхъ журналахъ, помимо сочиненій, гдѣ встрѣчаются изъ нихъ цитаты. Они появились впервые въ фельетонѣ газеты «Temps», 16-го апрѣля 1839 г.; Сергѣй Полторацкій (умершій въ весьма преклонныхъ лѣтахъ въ Парижѣ, около 1890 г.), первый издалъ ихъ въ количествѣ трехсотъ экземпляровъ. Сокращенное изданіе, въ переводѣ съ нѣмецкаго, появилось 18-го мая 1839 г. въ «Русской Пчелѣ», откуда Бантышъ-Каменскій перепечаталъ ихъ въ своемъ «Словарѣ». Существуетъ два испанскихъ перевода: въ «Gaceta de Madrid» и въ «Diario de la Habana», отъ 30-го іюля 1839 г.; кромѣ того, переводъ былъ сдѣланъ въ «Fecompo de Madrid».

Англійскій переводъ появился въ Лондонѣ въ «Atheneum», отъ 24-го августа 1839 г. и перепечатанъ въ «Observer», отъ 8-го сентября. Два нѣмецкихъ перевода были напечатаны въ «Leipziger Tageblatt», и кромѣ того, существуетъ еще нѣсколько переводовъ на итальянскій, португальскій и русскій языки.

Виконтъ д'Арленкуръ перепечаталъ записки въ 1843 г. въ своемъ произведеніи «le Pélerin», допустивъ множество ошибокъ. Вотъ версія Сергѣя Полторацкаго, имѣвшаго въ рукахъ подлинную рукопись:

Мои записки, написанныя въ десять минутъ или я самъ безъ прикрасъ.

Глава I.—*Мое рожденіе.*

Въ 1765 г., 12-го марта я вышелъ изъ тьмы и появился на Божій свѣтъ. Меня смѣрили, взвѣсили, окрестили. Я родился, не вѣдая зачѣмъ, а мои родители благодарили Бога, не зная за что.

Глава II.—*Мое воспитаніе.*

Меня учили всевозможнымъ вещамъ и языкамъ. Будучи нахаломъ и шарлатаномъ, мнѣ удавалось иногда прослыть за ученаго. Моя голова обратилась въ разрозненную библіотеку, отъ которой у меня сохранился ключъ.

Глава III.—*Мои страданія.*

Меня мучили учителя, портные, шившіе мнѣ узкое платье, женщины, честолюбіе, самолюбіе, безполезныя сожалѣнія, государи и воспоминанія.

Глава IV.—*Лишенія.*

Я былъ лишенъ трехъ великихъ радостей рода человѣческаго: кражи, обжорства и гордости.

Глава V.—*Памятныя эпохи.*

Въ тридцать лѣтъ я отказался отъ танцевъ, въ сорокъ пересталъ нравиться прекрасному полу, въ пятьдесятъ—общественному мнѣнію, въ шестьдесятъ пересталъ думать и обратился въ истиннаго мудреца или эгоиста, что одно и то-же.

Глава VI.—*Духовный обликъ.*

Я былъ упрямъ какъ мулъ, капризенъ какъ кокетка, веселъ какъ ребенокъ, лѣнивъ какъ сурокъ, дѣятеленъ какъ Бонапартъ, — все, когда какъ вздумается.

Глава VII.—*Важное рѣшеніе.*

Никогда не обладая умѣньемъ владѣть своимъ лицомъ, я давалъ волю языку и усвоилъ дурную привычку думать вслухъ. Это доставило мнѣ нѣсколько пріятныхъ минутъ и много враговъ.

Глава VIII.—*Что изъ меня вышло и что могло выйти.*

Я былъ очень признателенъ за дружбу, довѣріе и,

если бы родился въ золотой вѣкъ, изъ меня, можетъ быть, вышелъ бы человѣкъ вполнѣ хорошій.

Глава IX.—*Почтенныя правила.*

Я никогда не вмѣшивался ни въ какую свадьбу, ни въ какую сплетню. Никому не рекомендовалъ ни поваровъ, ни докторовъ, слѣдовательно никогда не посягалъ ни на чью жизнь.

Глава X.—*Мои вкусы.*

Я любилъ тѣсный кружокъ, близкихъ людей, прогулки по лѣсу. Питалъ къ солнцу чувство невольнаго боготворенія и часто огорчался его закатомъ. Изъ цвѣтовъ всего больше любилъ голубой, изъ ѣды предпочиталъ говядину подъ хрѣномъ, изъ напитковъ—чистую воду, изъ зрѣлищъ—комедію и фарсъ, въ мужчинахъ и женщинахъ—лица открытыя и выразительныя. Горбатые обоего пола обладали въ моихъ глазахъ привлекательностью, для меня самого необъяснимой.

Глава XI.—*Мои антипатіи.*

Я не любилъ глупцовъ и негодяевъ, женщинъ - интриганокъ, разыгрывающихъ роль добродѣтели; на меня непріятно дѣйствовала неестественность; я чувствовалъ жалость къ накрашеннымъ мужчинамъ и намазаннымъ женщинамъ, отвращеніе—къ крысамъ, ликерамъ, метафизикѣ, ревеню; ужасъ—передъ правосудіемъ и бѣшеными животными.

Глава XII.—*Разборъ моей жизни.*

Я ожидаю смерти безъ боязни и безъ нетерпѣнія.

Моя жизнь была плохой мелодрамой съ роскошной обстановкой, гдѣ я игралъ героевъ, тирановъ, влюбленныхъ, благородныхъ отцовъ, но никогда лакеевъ.

Глава XIII.—*Награды небесныя.*

Мое великое счастье заключается въ независимости отъ трехъ лицъ, властвующихъ надъ Европой. Такъ какъ я достаточно богатъ, не у дѣлъ и довольно равнодушенъ къ музыкѣ, то мнѣ нечего дѣлить съ Ротшильдомъ, Меттернихомъ и Россини.

Глава XIV.—*Моя эпитафія.*

Здѣсь нашелъ себѣ покой,
Съ пресыщенной душой,
Съ сердцемъ истомленнымъ,
Съ тѣломъ изнуреннымъ,
Старикъ, переселившійся сюда.
До свиданья, господа!

Глава XV.—*Посвященіе публикѣ.*

Чортова публика! Нестройный органъ Страстей, ты, возносящая до небесъ и втаптывающая въ грязь, восхваляющая и осуждающая, сама не зная почему; безразсудный тиранъ, бѣжавшій изъ сумасшедшаго дома, экстрактъ ядовъ самыхъ тонкихъ, ароматовъ самыхъ благоуханныхъ, представитель дьявола при родѣ человѣческомъ, фурія въ образѣ христіанскаго милосердія. Публика, которую я боялся въ молодости, уважалъ въ зрѣломъ возрастѣ и презираю въ старости, тебѣ я посвящаю свои записки. Милая Публика! Наконецъ-то я для тебя недосягаемъ, потому что умеръ

и поэтому глухъ, слѣпъ и нѣмъ. Да выпадутъ на твой удѣлъ эти блага, для успокоенія твоего и всего рода человѣческаго [1]).

Замѣчательно, что Шницлеръ въ своемъ выдающемся трудѣ: «Ростопчинъ и Кутузовъ», основываясь на этой остроумной шуткѣ, обвиняетъ дѣда въ атеизмѣ и матеріализмѣ. Напротивъ, дѣдъ былъ ревностнымъ христіаниномъ, онъ далъ яркое доказательство своей вѣры, когда смерть похитила его младшую дочь, красавицу Лизу, скончавшуюся отъ скоротечной чахотки восемнадцати лѣтъ отъ роду. Я разскажу дальше о

---

1) У вороны въ павлиныхъ перьяхъ оказались наслѣдники. Въ маленькой утренней газетѣ была помѣщена недавно подъ заглавіемъ: „Записки заговорщика", брошюра графа де Борегаръ, героя воображаемаго заговора, подписанная псевдонимомъ Латитюдъ II. Съ хладнокровіемъ положительно ученическимъ этотъ господинъ помѣстилъ „Записки, написанныя въ десять минутъ" въ видѣ предисловія съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Мое жизнеописаніе, написанное въ пять минутъ"... Чтобы замести слѣды, беззастѣнчивый плагіаторъ измѣнилъ нѣкоторыя мѣста, исказивъ слогъ моего дѣда по своей мѣркѣ.

Такъ, онъ вставилъ „неврастенію" между воспоминаніями и безполезными сожалѣніями. Онъ пишетъ „упоренъ какъ оселъ", вмѣсто „упрямъ какъ мулъ", добавляетъ „маньякъ какъ восьмидесятилѣтній старецъ, печаленъ какъ дождь, лѣнивъ какъ соня". Замѣняетъ минеральной водой чистую воду, корнишонами—хрѣнъ (ему не было надобности о томъ упоминать: это очевидно само собой) касторовымъ масломъ — ревень; а что касается эпитафіи, онъ подумаетъ о ней „другой разъ". Жаль, что дѣда нѣтъ въ живыхъ, чтобы помочь ему въ этомъ! Л. Р.

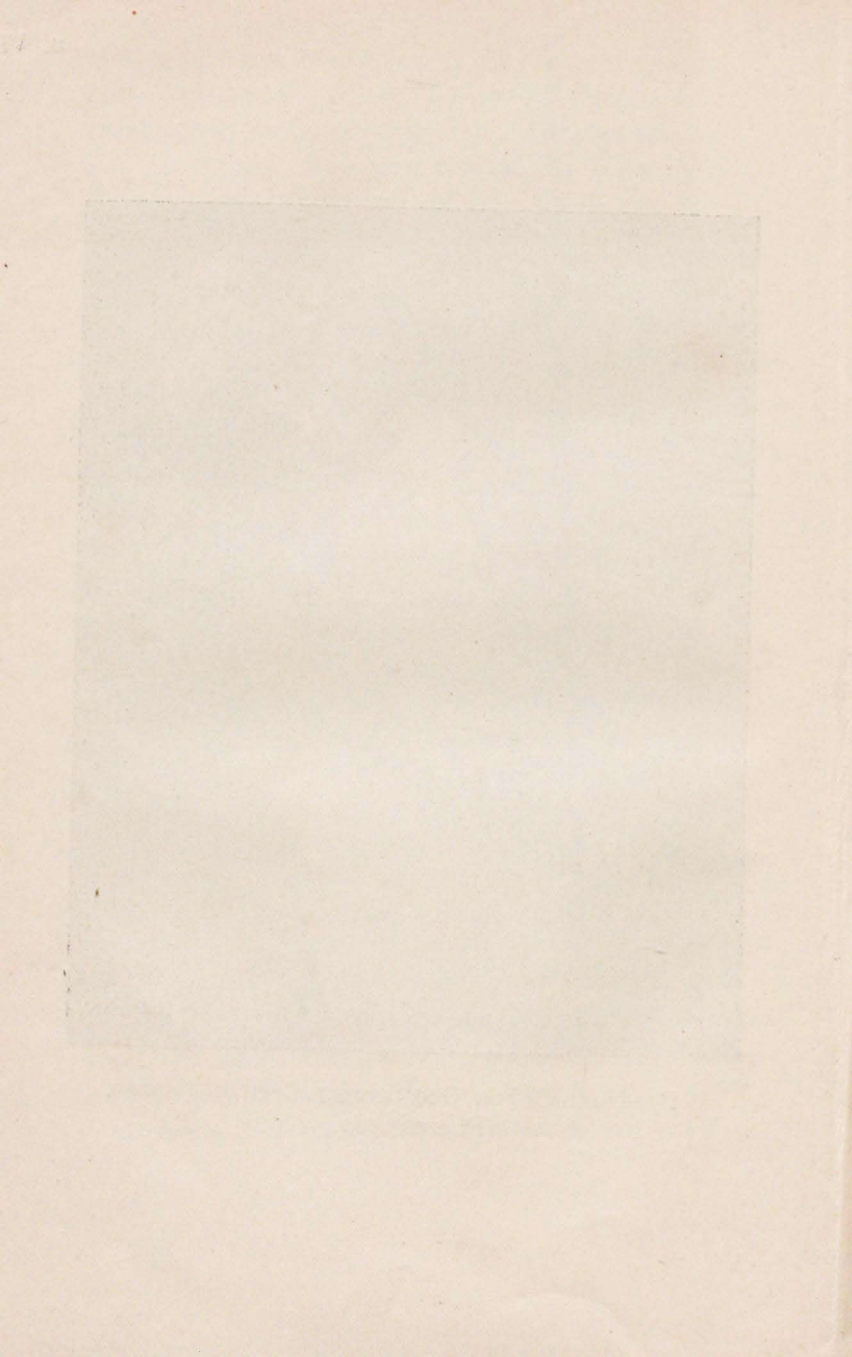
возмутительныхъ подробностяхъ ея смерти, еще тяжелѣе удручившихъ сердце бѣднаго отца, благодаря непримиримому фанатизму его жены. Лиза умерла весной 1824 г.; вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ графъ Булгакову въ послѣднемъ своемъ письмѣ отъ 15-го іюля 1825 г.: «Я очень жалѣю добраго, славнаго Нарышкина, у него остались послѣдки жизни, чтобы перенести потерю невознаградимую, потому что ничто не можетъ замѣнить ребенка. Моя дочь всегда мысленно со мной, и такъ какъ я простился съ ней въ ту минуту, когда жизнь отлетала отъ нея, я ее представляю себѣ не иначе, какъ въ образѣ ангела, украшавшаго послѣдніе дни моей жизни. Но она, обладавшая красотой ума и благороднымъ сердцемъ, боготворимая заграницей людьми, для которыхъ я былъ безразличенъ, едва вернувшись на родину, любимую ею безотчетно, сдѣлалась жертвой безбожной клеветы, не пощадившей ее даже въ могилѣ. Поэтому теперь я объявляю во всеуслышаніе, что ненавижу Москву сильнѣе, чѣмъ когда-то любилъ ее, но я слишкомъ старъ и не привыкъ къ мрачнымъ замысламъ, чтобы составлять планы мести, хотя если кто на это имѣетъ право, такъ именно я».

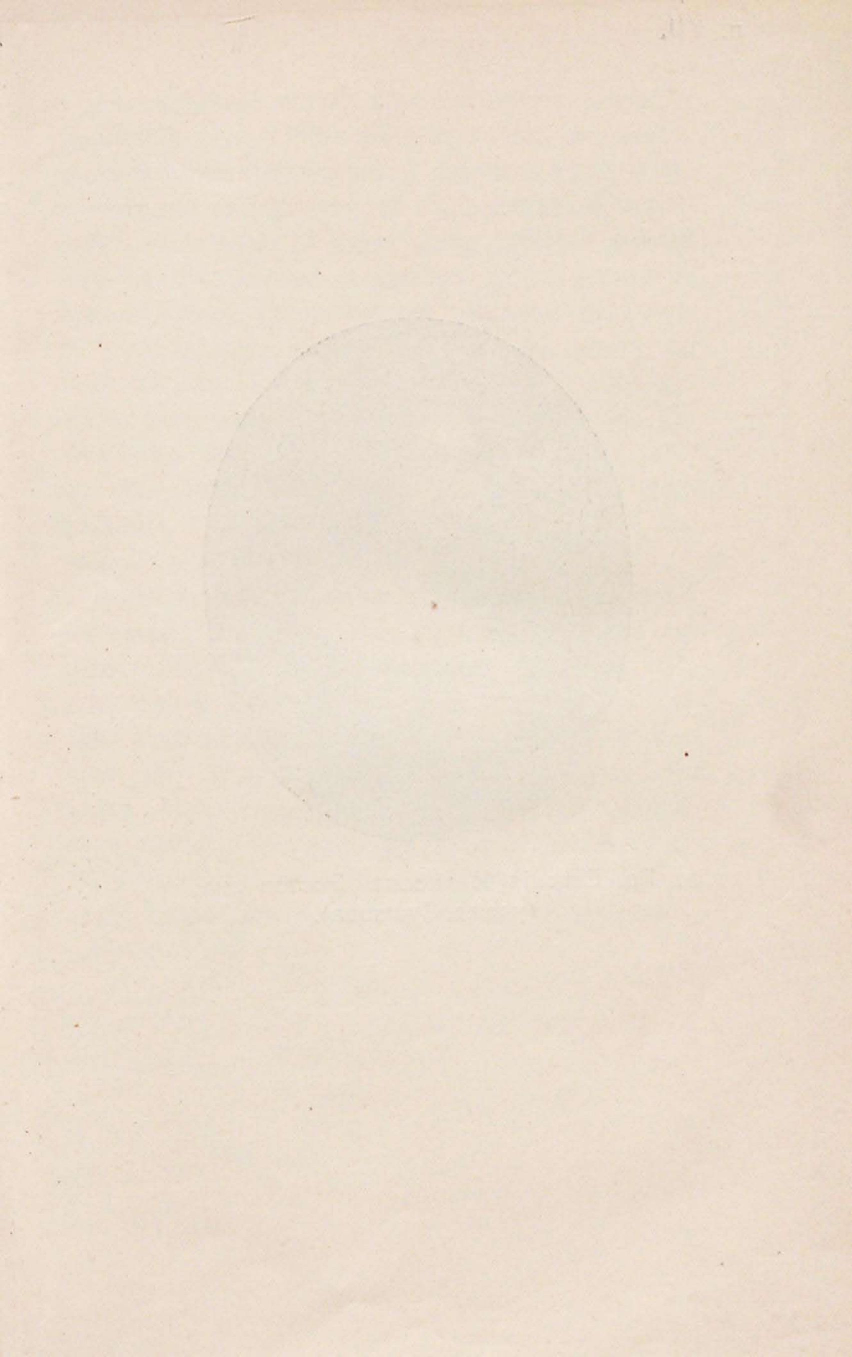
Эта «безбожная клевета»—намекъ на слухъ, распространившійся въ Москвѣ о добровольномъ переходѣ Лизы въ католичество. Никакая иная человѣческая клевета не могла коснуться этой идеальной дѣвушки, приводившей въ восхищеніе всѣхъ, кто ее зналъ. По поводу ея кончины уважаемый графъ Воронцовъ писалъ слѣдующимъ образомъ:

«Лондонъ, 23-го апрѣля 1824.—Я только что узналъ

Графиня Софья Өеодоровна Сегюръ, урожд. Ростопчина.

Гр. Евдокія Ивановна Ростопчина,
(урожд. Сушкова).

о невознаградимой потерѣ вами понесенной, добрый и уважаемый другъ. Мнѣ сообщилъ о томъ Лонгиновъ, преклонявшійся (подобно всѣмъ, кто зналъ милую Лизу, это небесное созданье) передъ ея прелестями и ангельскимъ характеромъ... Милая Лиза, которую я называлъ своей любовью, обладавшая всѣми духовными совершенствами, умная, кроткая, скромная, одна только не замѣчавшая всеобщаго восхищенія, всюду ею возбуждаемаго. Какъ отецъ, какъ вашъ искренній другъ, какъ человѣкъ знавшій, что представляла изъ себя милая Лиза, я чувствую всю горечь вашей утраты. Было бы безразсудствомъ говорить вамъ слова утѣшенія. Будемъ вмѣстѣ плакать, но покоримся безропотно велѣніямъ Провидѣнія».

Графъ Ростопчинъ такъ и сдѣлалъ. Столь близкій къ смерти самъ, не видѣлъ ли онъ въ кончинѣ любимой дочери проявленіе божественной милости, подготовляющей христіанъ къ смерти самыми жестокими испытаніями тѣлесными и духовными, умерщвляя тѣло страданіями, чтобы очистить душу? Мы имѣемъ право такъ думать, видя его глубоко-христіанскую кончину; изъ райскихъ селеній ангельская душа Лизы звала къ себѣ истерзанную, но покорную душу отца: онъ скоро послѣдовалъ ея призыву.

Глава V.

Смерть великаго человѣка.

Лиза Ростопчина умерла 1-го марта 1824, ея отецъ скончался 18-го января 1826 г., въ семь часовъ двадцать минутъ вечера. Изъ драгоцѣнной переписки Булгакова, проявившаго удивительную заботливость и преданность своему бывшему начальнику, превратившемуся въ друга, я почерпнула много неизвѣстныхъ подробностей. 12-го декабря 1825 г. онъ былъ испуганъ перемѣной, найденной имъ въ графѣ, измученномъ внезапно усилившимися болями, и рѣшилъ пригласить на консультацію доктора Пфеллера: «Пфеллеръ», сказалъ я графу [1]), «именно такой докторъ, какой вамъ нуженъ, онъ одновременно врачъ, другъ и тиранъ своихъ больныхъ; онъ заставитъ васъ плясать по своей дудкѣ; вы не обращаете никакого вниманія на Рамиха [2]), а Пфеллера вамъ придется слушаться или онъ откажется лечить».

«Пфеллеръ прежде всего успокоилъ своего паціента, опасавшагося, что у него начинается грудная водян-

---

¹) Вся эта переписка велась частью на русскомъ частью на французскомъ языкѣ. Л. Р.

²) Его домашній докторъ.

ка, но нашелъ сильное развитіе астмы, геморроя и разлитіе желчи. Только сильная слабость и удрученное состояніе графа внушали ему безпокойство. Однако, 16-го декабря больной сказалъ Булгакову: «Все кончено, мой другъ, я умираю».

«Но если, несмотря на увѣренія мои и доктора вы все-таки такъ думаете, возразилъ я, почему вы не позовете священника и не причаститесь?»

«Онъ ничего не отвѣтилъ.

«Александръ I скончался мѣсяцъ тому назадъ, но графъ принялъ это извѣстіе почти равнодушно. Онъ тогда писалъ: «По странному совпаденію, Алексадръ умеръ въ Таганрогѣ, городѣ, служившемъ въ прошломъ столѣтіи мѣстомъ ссылки преступниковъ, и несомнѣнно его тѣло было набальзамировано Вилли [1]), придворнымъ хирургомъ, принимавшимъ участіе въ убійствѣ Павла, перерѣзавшимъ ему сонную артерію, послѣ того, какъ онъ былъ задушенъ».

Ниже я привожу весьма любопытное, до сихъ поръ неизвѣстное письмо, найденное мною въ 1872 г., въ папкѣ, забытой наверху въ библіотекѣ Нуэттъ. Тетка, недовольная тѣмъ, какъ тамъ хозяйничали ея родственники, которымъ она поручила управленіе имѣніемъ, выѣхавъ изъ него сама, продала его нѣкоему Бодо. Я была въ гостяхъ по сосѣдству, въ замкѣ Ливэ, у своей двоюродной сестры, Ольги де-Питрэ, послѣдней дочери тетки, когда добрѣйшій Бодо принесъ четыре большія зеленыя папки, найденныя на-

---

[1]) Гр. Ростопчина пишетъ фамилію доктора, сопровождавшаго императора, Вилли; но его фамилія была баронетъ Вилліе. *Прим. перев.*

верху въ библіотекѣ. Въ этихъ папкахъ оказалась вся переписка моей тетки, между прочимъ столь дорогія для нея письма ея святого сына Гастона [1]) и нѣсколько писемъ моего дѣда. Съ разрѣшенія двоюродной сестры я переписала нижеслѣдующее, отъ 5-го декабря 1825 г., помѣченное Москвой, вѣроятно, послѣднее письмо умирающаго:

«Я долго не писалъ тебѣ, дорогая Софья, не потому, что чувствую себя хуже, но благодаря перемѣнѣ совершившейся для всей Россіи. Вѣсть объ этомъ событіи вѣроятно уже дошла до васъ въ ту минуту, какъ я пишу свое письмо, и мнѣ хотѣлось бы точно знать, когда именно извѣстіе о кончинѣ императора Александра распространилось въ Парижѣ. Онъ умеръ 47-ми лѣтъ, 11-ти мѣсяцевъ и 7-ми дней. 30-го ноября Москва присягала законному наслѣднику престола, императору Константину, ожидаемому въ Петербургѣ изъ Варшавы. Утомленный и ослабѣвшій я смотрю на это важное событіе какъ отецъ, прежде всего думающій о своихъ дѣтяхъ. Мнѣ досадно, что я не испытываю никакого сожалѣнія объ усопшемъ, ни какъ русскій, ни какъ вѣрноподданный, преданный слуга своего царя. Онъ былъ несправедливъ ко мнѣ; я не просилъ себѣ награды, но могъ ожидать большаго, чѣмъ равнодушія и принесенія моей службы въ жертву низкой зависти, которую я никогда не могъ, не умѣлъ и не хотѣлъ щадить. Судьба императрицы Елизаветы достойна сожалѣнія. Она можетъ перечесть дни, проведенныя ею въ Россіи по безконечному ряду всевозмож-

---

[1]) Монсиньоръ де-Сегюръ, слѣпой прелатъ, причисленный послѣ смерти къ святымъ.

ныхъ непріятностей, и въ концѣ концовъ ей пришлось сдѣлаться сидѣлкой своего супруга и, закрывъ ему глаза, очутиться въ Таганрогѣ, скверномъ городишкѣ въ 1780 верстахъ отъ Петербурга.

«Пока не могу вамъ ничего сказать о своихъ намѣреніяхъ. Наталья, хворавшая послѣ родовъ, поправилась и, если ничто ее не задержитъ, вѣроятно, пріѣдетъ сюда въ концѣ мѣсяца. Ваша мать и Андрей здоровы, но у жены былъ ужасный мигрень, продолжавшійся три дня, и за все время она не пила и не ѣла. Что касается меня, я никогда не засыпаю раньше пяти часовъ утра и обыкновенно никуда не выхожу.

«Вотъ вторые векселя. Я радъ, что отправилъ 380,000 руб., такъ какъ курсъ упалъ до 105 и вы потеряли бы около 15 тысячъ франковъ. Прощайте, цѣлую отъ всего сердца васъ и вашихъ дѣтей. Прощайте».

Въ концѣ декабря болѣзнь ухудшилась: тревожные признаки заставляли опасаться воспаленія кишокъ, неминуемо влекущаго за собой гангрену. 25-го Булгаковъ, наконецъ, рѣшился предложить больному причаститься. Онъ нѣсколько разъ заговаривалъ объ этомъ съ графиней Екатериной, но она отклоняла его предложенія, отчасти потому, что не вѣрила въ дѣйствительность православныхъ св. Тайнъ, отчасти потому, что надѣялась позвать католическаго священника, когда умирающій не будетъ въ состояніи оказать сопротивленія. «Я боюсь напугать его такимъ предложеніемъ», былъ ея постоянный отвѣтъ.

25-го марта графъ, лежа въ постели сказалъ вѣрному Булгакову, ежедневно навѣщавшему его: — Мнѣ

плохо, мой другъ, я крѣпокъ, и еще нѣсколько дней буду бороться съ болѣзнью, но потомъ поддамся ей сразу. «Я не хотѣлъ, пишетъ Булгаковъ, упускать такого благопріятнаго случая и отвѣтилъ: «Послушайте, графъ, если вы опасаетесь этого, хотя доктора не видятъ опасности, успокойте свою душу и причаститесь».

— Кто поручилъ вамъ уговорить меня, жена или докторъ? «Даю слово, никто; эта мысль безпокоитъ меня уже нѣсколько дней. Сегодня вамъ лучше, чѣмъ вчера, но болѣзнь можетъ повернуть къ худшему, къ чему ожидать, чтобы вамъ предложили причаститься Св. Таинъ, когда будетъ грозить дѣйствительная опасность?» Въ эту минуту вошла графиня; больной ей сказалъ: «Екатерина Петровна, пошли за приходскимъ священникомъ». Черезъ часъ пришелъ священникъ. Послѣ его ухода графъ сказалъ, взявъ меня за руку: «Дорогой другъ мой, благодарю васъ за совѣтъ, вы мнѣ доказали свою привязанность. — Вы очень утомились? — Нѣтъ, хотя я много говорилъ, я очень доволенъ собой и священникомъ, онъ умный человѣкъ». Потомъ, обращаясь къ Брокеру [1]): «Адамъ Ѳомичъ, вотъ крестъ съ мощами, сохраняющійся въ нашемъ роду уже болѣе ста лѣтъ, сбереги его свято для Андрея». Онъ хотѣлъ продолжать, но умолкъ, охваченный волненіемъ, со слезами выступившими на глазахъ.

¹) Бывшій полицеймейстеръ, служившій у графа управляющимъ, честнѣйшій и преданнѣйшій человѣкъ. Читатели увидятъ, какъ поступила съ нимъ впослѣдствіи графиня Екатерина. Л. Р.

«Вечеромъ была консультація, и Пфеллеръ нашелъ значительное улучшеніе. Императоръ Николай I участливо справлялся о здоровьи графа у Новосильцева. Графъ хотѣлъ написать императору, поздравить его съ восшествіемъ на престолъ, но не могъ собраться съ силами».

Этотъ разсказъ совершенно противорѣчитъ передачѣ моего покойнаго двоюроднаго брата, маркиза Анатолія де-Сегюръ, въ его «Жизни графа Ростопчина московскаго генералъ-губернатора въ 1812 г.».

Черезъ мое посредство маркизъ получилъ отъ отца разрѣшеніе сдѣлать нѣсколько заимствованій изъ его книги «Матеріалы». Но заимствованія оказались настолько обильны, что разсерженный отецъ не пожелалъ больше никогда встрѣчаться съ племянникомъ. У меня сохранились его письма, полныя негодованія, написанныя по этому поводу. Въ этомъ трудѣ, болѣе католическомъ, чѣмъ достовѣрномъ, господствуетъ предвзятое намѣреніе всегда выставлять жену первенствующей надъ мужемъ, чьи качества являются только «отраженіемъ» достоинствъ жены. Вотъ какимъ образомъ здѣсь разсказано о послѣднихъ дняхъ моего дѣда:

«Въ январѣ 1826 года больной самъ понялъ, что его конецъ приближается. Тогда христіанская вѣра, полученная имъ при крещеніи и сохранявшаяся въ глубинѣ его души, проснулась въ немъ со всей силой, и онъ самъ попросилъ священника, чтобы исповѣдаться и получить послѣднее церковное напутствіе. Его жена, съ нимъ не разстававшаяся и усердно молившаяся о спасеніи его души, съ радостью испол-

нила его просьбу. Она отдала бы все на свѣтѣ, чтобы онъ перешелъ въ католичество передъ смертью, какъ ея возлюбленная дочь, но хорошо сознавала, что всякая попытка такого рода только смутила бы его послѣднія минуты. Она знала, что онъ глубоко преданъ греческой церкви, считаетъ ее неотъемлемой принадлежностью родины и довольно невѣжественный въ религіозныхъ вопросахъ, какъ большинство свѣтскихъ людей, видитъ между вѣрой своей и католической только незначительныя отличія, не имѣющія значенія для Бога[1]). Наконецъ, она знала, что гре-

[1]) Невѣжество французовъ въ религіозныхъ вопросахъ слишкомъ хорошо извѣстно. Нельзя читать эти слова безъ улыбки, зная, что католическая религія воспрещаетъ даже чтеніе Библіи. Чтеніе Евангелія можно услыхать только въ церкви. У православныхъ (называемыхъ еретиками) Св. Писаніе настольная книга, какъ у протестантовъ: они могутъ входить во всѣ храмы и молиться всюду, гдѣ творится служба Господня, не опасаясь проклятія, какого заслужилъ бы въ глазахъ коснаго католическаго священника вѣрный сынъ церкви, осмѣлившійся зайти въ православный храмъ. Наконецъ, мы, русскіе, имѣемъ право читать и читаемъ религіозную литературу всѣхъ народовъ безпрепятственно и невозбранно. Сравните эту свободу съ нравственной повязкой, наложенной на глаза католика цензурнымъ комитетомъ въ Римѣ. Онъ идетъ съ добровольно закрытыми глазами и восклицаетъ: „Я слѣдую за свѣтомъ, и я одинъ спасенъ, вы же всѣ осуждены на вѣчныя муки; всѣхъ васъ ждетъ геенна огненная“. Беркэнъ, безобидный и нравственный авторъ столькихъ прелестныхъ дѣтскихъ вещицъ, тоже значится въ спискахъ „Указателя“, правда въ очень хорошей компаніи, и вѣроятно потомству придется увидать тамъ же и мое имя. Л. Р.

ческая церковь сохранила не только почти всѣ догматы, но такъ-же преданія и обрядности древней церкви, имѣетъ дѣйствительное священство, епископства и таинства. Она поспѣшила исполнить желаніе мужа и послала сейчасъ-же за священникомъ. Графъ Ростопчинъ оставался нѣкоторое время наединѣ со служителемъ алтаря, покаялся въ своихъ грѣхахъ, получилъ ихъ отпущеніе и, когда жена вернулась къ нему, она нашла его спокойнымъ, почти веселымъ. «Какъ я счастливъ, сказалъ онъ растроганно, у меня теперь чиста совѣсть, и я могу умереть спокойно». Божественный миръ, ниспосланный съ небесъ, не покидалъ его до самаго конца: послѣднія его минуты были полны покорности и примиренности, и послѣднимъ движеніемъ было крестное знаменіе. Онъ лежалъ на постели съ закрытыми глазами, какъ будто въ дремотѣ, какъ вдругъ его жена, молившаяся рядомъ, увидала, что онъ приподнялся, открылъ глаза, перекрестился, потомъ снова упалъ на подушки и испустилъ духъ».

Какъ будетъ видно далѣе, графиня Екатерина не присутствовала при смерти мужа. Что ей здѣсь было дѣлать? Для нея эта душа погибла безвозвратно...

26-го декабря Булгаковъ пишетъ: «Графъ часто говоритъ о смерти, вчера онъ мнѣ сказалъ: «Я вижу, что не достоинъ больше жить, но молю Бога избавить меня отъ страданій».—Наоборотъ, возразилъ я, перенесите съ покорностью страданія; можетъ быть, это испытаніе и терпѣніе заслужатъ вамъ милосердіе Господне». 28-го декабря онъ пишетъ: «Пишу тебѣ, мой другъ, у смертнаго одра графа Ѳеодора Василь-

евича. Я пришелъ сюда вчера утромъ и съ тѣхъ поръ не оставлялъ больного; я провелъ около него всю ночь, смѣняясь съ докторомъ и съ Брокеромъ. Прошу Бога умереть такимъ-же хорошимъ христіаниномъ и съ такой-же твердостью. Наканунѣ Рождества онъ исповѣдался и причастился; вчера онъ соборовался, простился со всѣми нами и, хотя всѣ восемь человѣкъ его окружавшіе плакали навзрыдъ, твердость души не покидала его. Онъ роздалъ царскіе подарки; хотя Пфеллеръ и Рамихъ безсильны его спасти, онъ поблагодарилъ ихъ за заботы о себѣ и выдалъ первому три тысячи рублей и второму двѣ тысячи; просилъ меня остаться другомъ графини и ребенка-сына, распредѣлилъ всѣ свои вещи между зятьями, дочерьми и мной. Я сказалъ ему: «Не забудьте бѣднаго Метаксу»[1]).—Да, мой другъ, я объ этомъ подумалъ.—Онъ далъ священнику тысячу рублей за исповѣдь и сказалъ ему въ нашемъ присутствіи: «Батюшка, совершайте погребеніе одни, пусть гробъ будетъ простой и пусть меня похоронятъ рядомъ съ дочерью Лизой, подъ простой мраморной плитой съ надписью: «Здѣсь покоится Ѳеодоръ Ростопчинъ», безъ всякаго другого титула[2])».

«Всѣмъ отцамъ семействъ слѣдовало бы запомнить наставленія, данныя имъ сыну. Онъ часто благодарилъ Бога, что умираетъ окруженный членами семьи,

---

[1]) Выходецъ-грекъ, обремененный большой семьей. Графъ оставилъ ему пять тысячъ рублей въ память дочери Лизы, ему покровительствовавшей. Л. Р.

[2]) Это не было исполнено. Л. Р.

въ Москвѣ, среди друзей. Когда страданія усиливались, онъ говорилъ:

«Боже, сжалься надъ бѣднымъ грѣшникомъ, прекрати мои страданія». Я сказалъ ему, что страданія преходящи, а блаженство вѣчно. — «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я не достоинъ попасть въ царство небесное». Графиня его утѣшала (!), говоря: «Кто унижается передъ Господомъ—возвышается; вспомни, другъ мой, о разбойникѣ и не сомнѣвайся въ милосердіи Божіемъ».

«Когда онъ пересталъ говорить о дѣтяхъ, я замѣтилъ:

«Графъ, на вашемъ старшемъ сынѣ тяготѣетъ вашъ гнѣвъ, простите его передъ смертью [1])».

«Ахъ, мой дорогой другъ, какъ я вамъ благодаренъ, сначала вы мнѣ напомнили, что я христіанинъ, а теперь, что я отецъ». Онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ графинѣ: «Я благословляю и прощаю Сергѣя; если его долги больше оставленнаго мною ему наслѣдства, выплачивай ему ежегодно по двадцати тысячъ».

«Утомленный и взволнованный графъ упалъ на подушки и затихъ. Несмотря на нервный ударъ, поразившій его въ девять часовъ утра и парализовавшій языкъ, можно было разобрать все, что онъ говорилъ. Вечеромъ, чувствуя приближеніе смерти, онъ еще разъ простился со всѣми, приказалъ собрать всю прислугу и просилъ прощенія у нея, потомъ велѣлъ принести шкатулку съ табакерками и самъ ихъ распредѣлилъ, указывая Брокеру: «Эту отдайте послѣ моей смерти Сегюру, эту Натальѣ, князю Масальскому,

---

[1]) Какъ не подумала объ этомъ мать? Л. Р.

Муромцеву, князю А. П. Оболенскому, Кампорецio и т. д.», потомъ сдѣлалъ нѣсколько семейныхъ распоряженiй: «Прощай, Егоръ Павловичъ, (обращаясь къ Метаксѣ) благодарю тебя за дружбу. Адамъ, не забудь, послѣ моей смерти выдавай Метаксѣ пожизненную пенсiю въ двѣ тысячи рублей изъ доходовъ Андрея». Метакса, упавъ на колѣни, благодарилъ его, рыдая; графъ сказалъ ему: «Я радъ, что могу сдѣлать добро такой хорошей семьѣ. Лебланъ и Феликсъ, мои друзья, вы усердно служили мнѣ въ теченiе семи лѣтъ, можете выбирать, хотите ли остаться при моей женѣ, которая вамъ никогда не откажетъ, или, если пожелаете вернуться въ Парижъ, каждому изъ васъ будетъ выдано по три тысячи франковъ. Не забывайте меня». Онъ отпустилъ на волю всю дворню, всѣхъ наградивъ. Неизвѣстно еще, что оставилъ графъ Брокеру, вѣроятно объ этомъ упоминается въ завѣщанiи, находящемся въ Опекунскомъ Совѣтѣ, гдѣ онъ недавно дѣлалъ добавленiя.

«Если мнѣ случается отойти, онъ сейчасъ-же зоветъ меня, и я растираю ему грудь, спину, ноги. Если бы у него были враги, я бы ихъ призвалъ, чтобы сдѣлать свидѣтелями его прекрасной кончины. «Я напишу вашу исторiю», сказалъ я ему. «Зачѣмъ»? «Это послужитъ мнѣ утѣшенiемъ». «Это дѣло другое, но, другъ мой, говорите одну правду. Вамъ ея нечего опасаться».

«Пфеллеръ говоритъ, что больной можетъ прожить еще нѣсколько дней, хотя легкiя парализованы. Увидавъ, что врачи удалились для совѣщанiя, графъ мнѣ сказалъ:—Другъ мой, ради Бога, попросите Пфеллера

не давать мнѣ лекарствъ, чтобы продлить мою жизнь, я страдаю, я мучаю жену и всѣхъ васъ...» Онъ поручилъ мнѣ извѣстить о его смерти стараго Сегюра и Воронцова. «Славный, достойный графъ Семенъ, сорокалѣтній другъ, пожалѣетъ обо мнѣ; желаю ему прожить еще много лѣтъ».

Онъ самъ еще продолжалъ жить къ общему удивленію; его могучее сложеніе боролось съ самыми мучительными болями. 30-го декабря ночью Булгаковъ дежурилъ у его постели вмѣстѣ съ Рамихомъ и тихо сказалъ послѣднему: «Вы увидите, что нашъ больной не уйдетъ изъ жизни вмѣстѣ съ 1825 г., но возродится въ 1826 г.» Графъ приподнялся и сказалъ: «Другъ мой, вы думаете, что я впалъ въ дѣтство и утѣшаете меня небылицами, вы увидите, что я задохнусь въ ту минуту, когда вы менѣе всего будете этого ждать».

«Твердость его голоса привела насъ въ удивленіе.

«Рамихъ поражается сложеніемъ больного, борющагося съ грудной водянкой, изъязвленіемъ лѣваго легкаго, огромнымъ количествомъ желчи, разрушающимъ печень, съ геморроемъ и ревматизмомъ. Дѣйствительно, невѣроятно».

2-го января страданія настолько усилились, что графъ сказалъ: «Ахъ, другъ мой! убѣдите докторовъ кончить мои мученія, я прошу смерти». Ему дали десять капель опіума, онъ успокоился и уснулъ, положивъ голову на колѣна вѣрнаго друга. Онъ услыхалъ, какъ тотъ кашляетъ, когда Булгаковъ ушелъ, чтобы подкрѣпить себя недолгимъ отдыхомъ за двѣ комнаты отъ спальни графа, и увѣрялъ, что кашель

его нисколько не безпокоитъ: «Я привыкъ къ нему, люблю его, онъ меня успокоиваетъ».

8-го января 1826 г. Булгаковъ пишетъ: «Вчера при больномъ зашла рѣчь о князѣ Трубецкомъ (декабристѣ) и его гнусныхъ соумышленникахъ. Рамихъ замѣтилъ:—Повидимому, князь Трубецкой намѣревался устроить здѣсь такую-же революцію, какъ во Франціи.—Графъ Ѳеодоръ услыхалъ нашъ разговоръ и вставилъ слѣдующія замѣчательныя слова:—Какъ разъ наоборотъ. Во Франціи повара захотѣли попасть въ князья, а здѣсь князья—попасть въ повара».

Жизнь и страданія не покидали его. Онъ повторялъ «Канкринъ», и, наконецъ, поняли, что онъ хочетъ сказать гангрена, указывая на грудь. Рамихъ его успокоивалъ, что нѣтъ ничего подобнаго. Больной все время говорилъ, но разобрать его словъ не было возможности. Въ ночь съ 15-го на 16-ое въ его положеніи произошла большая перемѣна, на лбу и на рукахъ появились синія пятна, одинъ глазъ провалился въ орбитѣ; борьба продолжалась, ужасная для всѣхъ окружающихъ. 15-го января графъ послѣдній разъ пожалъ руку Метаксѣ и Булгакову со словами: — Прощайте, прощайте, я умираю! — Далѣе нельзя было понять, что онъ говорилъ.

Булгаковъ писалъ въ этотъ день брату: «Ростопчинъ писалъ въ 1812 г. императору:—Государь, заклинаю васъ, окружайте себя людьми, на васъ похожими, не людьми вамъ льстящими и васъ обманывающими.—У графа были свои недостатки (вѣдь онъ

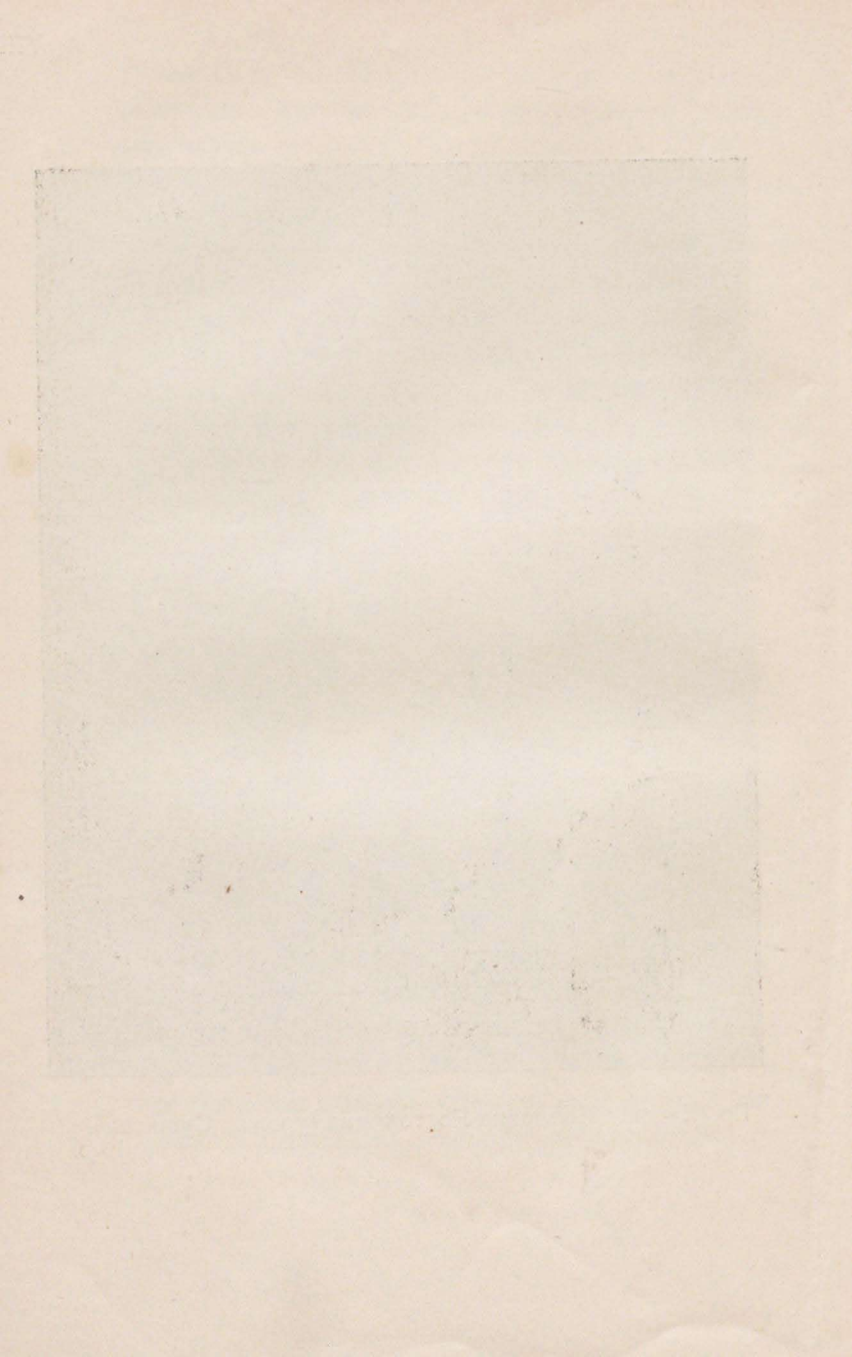
человѣкъ), но онъ обладалъ душой благородной и возвышенной. Чѣмъ онъ былъ, поймутъ только послѣ его смерти».

Москва, 19-го января 1826 г.

«Вчера, въ семь часовъ двадцать минутъ скончался графъ Ѳеодоръ Васильевичъ. Я закрылъ ему глаза; въ его комнатѣ находились только я и Брокеръ. Его послѣднія слова были:—Господи, Боже мой! пріими духъ мой»! Это было въ пять часовъ, потомъ онъ замолкъ, пересталъ стонать, успокоился и не жаловался какъ раньше. Я сидѣлъ рядомъ съ Брокеромъ въ вольтеровскомъ креслѣ, и мы бесѣдовали о больномъ. Брокеръ увѣрялъ, что онъ лишился памяти, и Рамихъ ежеминутно ожидаетъ паралича мозга. Въ это время я увидалъ, что графъ взялъ кисть своей лѣвой руки и сталъ щупать пульсъ:—Адамъ Ѳомичъ, вотъ вамъ доказательство, что больной находится въ полномъ сознаніи, посмотрите, онъ щупаетъ себѣ пульсъ.—Не можетъ быть!—воскликнулъ Брокеръ и подошелъ къ графу, чтобы удостовѣриться. Мы возобновили свою бесѣду. Благодаря глухотѣ я не слыхалъ, какъ Брокеръ, шума, раздавшагося въ груди больного и повторившагося второй разъ. Вѣроятно масса мокроты, наполнявшая грудь и горло больного, бывшаго не въ силахъ ее откашлять, устремилась внизъ. Внезапно насъ встревожило спокойствіе больного, и мы подошли къ нему.—Не скончался ли онъ?—сказалъ Брокеръ. Я взялъ свѣчу и поднесъ ее къ больному: онъ болѣе не дышалъ. Адамъ Ѳомичъ держалъ его голову, я закрылъ ему глаза. Да смилосердуется Го-

Гр. Евдокія Ивановна Ростопчина (урожд. Сушкова).

сподь надъ его душой. Онъ пересталъ страдать. Графини при этомъ не было, ужасная мигрень заставила ее удалиться сейчасъ же послѣ обѣда въ свою комнату, откуда она не выходила больше до сегодняшняго утра. Всякій любитъ по своему, у насъ съ графиней разныя манеры любить.

Москва, 20-го января 1826 г.

«Я только что вернулся изъ церкви. Въ девять часовъ состоялся выносъ тѣла. Согласно выраженному графомъ желанію никому не было послано приглашенія, но все-таки собралась цѣлая толпа. Графъ лежитъ какъ живой: въ немъ не замѣтно никакой перемѣны: въ чертахъ лица и на тѣлѣ не видно никакихъ признаковъ разложенія. Завтра его похоронятъ на Пятницкомъ кладбищѣ, какъ онъ того желалъ, рядомъ съ дочерью Лизой. Къ общему удивленію (но не моему) графини не было въ церкви (она католичка) и даже дома на панихидѣ, когда тѣло ея мужа навѣки разставалось со своимъ роднымъ очагомъ. Я никогда ее не любилъ, но теперь она все потеряла въ моихъ глазахъ. Безъ сомнѣнія, она ускорила кончину графа своимъ вѣроотступничествомъ, постоянными противорѣчіями, капризами и странностями. Графъ этого не показывалъ, но его завѣщаніе свидѣтельствуетъ, до какой степени его сердце охладѣло къ ней. Въ первомъ завѣщаніи, въ 1811 г., онъ оставлялъ ей все свое состояніе, а теперь все отобралъ отъ нея. Я тебѣ разскажу обо всемъ этомъ какъ-нибудь въ другой разъ. Я не заходилъ къ ней, но потомъ она прислала ко мнѣ лакея съ просьбой пройти къ

ней черезъ комнату, гдѣ работали ея дѣвушки. Я исполнилъ ея просьбу; все ограничилось простымъ привѣтствіемъ и вопросомъ о послѣднихъ минутахъ графа. Почему она при нихъ не присутствовала? Она могла бы такъ же меня поблагодарить за то, что я цѣлый мѣсяцъ не видѣлъ ни жены, ни дѣтей и ухаживалъ за графомъ, какъ за роднымъ отцомъ. Мной руководило только чувство привязанности; но она доказала, что обладаетъ сердцемъ холоднымъ и неблагодарнымъ, несмотря на все свое католическое рвеніе.

«Она старалась совратить и меня, но я ей возразилъ, что и въ аду будутъ католики и въ раю православные, и что спасеніе можно обрѣсти во всякой вѣрѣ. Очень боюсь за маленькаго Андрея. Она старается обратить его въ католичество, съ этой цѣлью ужасно балуетъ, и въ концѣ концовъ воспитаетъ изъ него негодяя. Предстоитъ много непріятностей, и дѣло не обойдется безъ ссоръ. Брокеръ намѣревается оказать ей упорное сопротивленіе, и я его поддержу, потому что мнѣ слишкомъ хорошо извѣстна воля графа въ этомъ отношеніи. Я отказался отъ опекунства во избѣжаніе непріятностей съ обоими сыновьями, потому что у одного изъ нихъ долговъ больше, чѣмъ предстоящее наслѣдство, а другой, благодаря матери, находится на краю бездны и не подаетъ никакихъ утѣшительныхъ надеждъ. Опекунами назначены Дмитрій Нарышкинъ и Брокеръ. Мнѣ извѣстно отъ Новосильцева, съ какимъ участіемъ справлялся императоръ Николай о графѣ, о его здоровьѣ и т. д. Наступитъ день, когда императрица Марія Θеодоровна узнаетъ, какую громадную услугу ей оказалъ графъ

при Павлѣ».

Письмо 22-го января 1826 г.

«Я вернулся съ похоронъ своего близкаго друга, графа Ѳеодора Васильевича. Заутреня, обѣдня, панихида, слѣдованіе за гробомъ до Пятницкаго кладбища сильно утомили меня. Я лягу и постараюсь уснуть. Да будетъ воля Господня. Я отдалъ послѣдній долгъ смертнымъ останкамъ своего незабвеннаго друга. Да обрѣтетъ онъ покой въ царствіи небесномъ. Другого Ростопчина не будетъ.

Приглашеній не разсылалось, но на похоронахъ присутствовалъ генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, Графъ Н. Толстой, оберъ-полицеймейстеръ, сенаторы и множество народа. Большая толпа сопровождала тѣло на кладбище. Можно преслѣдовать ненавистью живого, но усопшему воздается по заслугамъ».

Въ письмѣ, написанномъ на слѣдующій день, Булгаковъ добавляетъ: «Нельзя было его не любить и не уважать, зная его хорошо. Я видѣлся съ нимъ ежедневно, и каждый разъ снова очаровывался его увлекательной бесѣдой. Постоянно узнавалъ я отъ него какую-нибудь новую, интересную, историческую подробность».

Сравните описаніе смерти графа Ростопчина, сдѣланное маркизомъ Анатолемъ де-Сегюръ съ разсказомъ этого безпристрастнаго свидѣтеля, описывавшаго каждый день послѣдовательно всѣ событія своему брату. Коментаріи излишни.

Я кончила свой трудъ въ томъ, что касается памяти дѣда, мною благоговѣйно почитаемаго. Въ подробной біографіи я укажу, что онъ представлялъ изъ себя какъ дѣятель политическій и историческій; здѣсь я его описала только какъ человѣка. Заканчиваю словами Булгакова: «Другого Ростопчина не будетъ».

Глава VI.

Графиня Екатерина.—Ея тетка, графиня Анна Протасова.—Анекдоты о ней.—Воспитаніе четырехъ сестеръ Протасовыхъ.—Портреты графини Екатерины.—Любовь къ ней мужа.—Дополнительное письмо о причинахъ перваго изгнанія.

Дочь сенатора генералъ-лейтенанта Петра Степановича Протасова, графиня Екатерина Ростопчина была рано взята ко двору Екатерины II вмѣстѣ съ своими сестрами: Александрой, старшей (замужемъ за княземъ Голицынымъ), Вѣрой (княгиней Васильчиковой), Анной (графиней Толстой) и Варварой, горбатой и потому не вышедшей замужъ. Ихъ тетка, знаменитая графиня Анна Степановна Протасова, взявшая племянницъ къ себѣ, чтобы воспитывать ихъ на своихъ глазахъ, была по матери племянницей Григорія Орлова, фаворита. Она родилась въ 1745 г. и съ ранней молодости состояла фрейлиной при Екатеринѣ II. Близость и привычка скоро сдѣлали ее необходимой для императрицы, питавшей къ ней величайшее довѣріе. Такая дружба государыни, непостоянной въ любви, но сохранявшей неизмѣнное расположеніе къ своему

другу, создала для Протасовой весьма видное положеніе при дворѣ, гдѣ она вскорѣ получила званіе кавалерственной статсъ-дамы, имѣвшей право носить портретъ (портретъ императрицы, осыпанный брилліантами, носился на лѣвомъ плечѣ). Неразлучная спутница императрицы, она сопровождала ее во всѣхъ путешествіяхъ по Россіи. Какъ извѣстно, Екатерина, обладавшая умомъ веселымъ и шутливымъ, любила давать прозвища окружающимъ: Протасова была прозвана «королевой», что очень шло къ ея представительной наружности и внушительнымъ манерамъ. При коронованіи Павла, 5-го апрѣля 1797 г., она была награждена орденомъ Св. Екатерины 2-й степени, а при коронаціи Александра, 15-го сентября 1801 года, получила графскій титулъ, такъ же, какъ три ея незамужнія племянницы. Графъ де-Сегюръ упоминаетъ о ней въ своихъ «Запискахъ». Лордъ Байронъ посвящаетъ ей четыре строки язвительныя, но совершенно несправедливыя въ своемъ «Донъ-Жуанѣ».

Мой отецъ пишетъ въ своихъ «Матеріалахъ»: «Она пользовалась большой благосклонностью Екатерины. Ею были воспитаны пять племянницъ; на одной изъ нихъ женился мой отецъ. За двадцать лѣтъ до смерти, послѣдовавшей въ 1825 г., она ослѣпла. Объѣздила всю Европу, стараясь вернуть себѣ зрѣніе, не сознаваясь, что больше ничего не видитъ, и вернулась умирать въ Петербургъ. Ея характеръ никогда не былъ пріятнымъ для окружающихъ, а теперь, раздраженная слѣпотой, она сдѣлалась положительно невыносимой: любила читать безконечныя наставленія изъ-за всякаго пустяка, сердилась, когда ей не отвѣчали, и племянницы боялись ее какъ огня».

Заимствую изъ переписки графа Өеодора съ женой забавныя подробности, дающія представленіе объ обычномъ слогѣ его писемъ:

Карлсбадъ, 1816 г.

«Вернувшись сегодня изъ Францбруна, спѣшу запечатлѣть, мой другъ, на письмѣ отчетъ о моемъ свиданіи съ твоей теткой. Она извѣстила меня о своемъ прибытіи, и я отправился третьяго дня въ десять часовъ утра вмѣстѣ съ Рейманомъ. Пріѣхавъ въ шесть часовъ, хотя разстояніе всего сорокъ двѣ версты по прекрасному шоссе, я сначала попросилъ къ себѣ г-жу Ласовикову, чтобы справиться, извѣстно ли теткѣ о смерти твоей сестры (княгини Вѣры Васильчиковой). Оказывается, ей никто о томъ не говорилъ, но она давно догадывается сама. Она представлялась В. К. Екатеринѣ[1]) и та, при видѣ ея слезъ,

---

[1]) Выдержка изъ „матеріаловъ". В. К. Екатерина Павловна, когда была замужемъ за принцемъ Ольденбургскимъ, имѣла резиденцію въ Твери, гдѣ ее часто посѣщали. Гостили у нея по недѣлѣ и болѣе отецъ и Карамзинъ. Она познакомила императора съ Карамзинымъ, пославъ ему докладную записку нашего знаменитаго историка. Она особенно любила отца, о чемъ свидѣтельствуетъ ея переписка съ нимъ, находящаяся въ моихъ рукахъ; она настояла передъ братомъ на пожалованіи отца оберъ-камергеромъ въ 1808 г., ей онъ обязанъ въ значительной степени своимъ назначеніемъ московскимъ генералъ-губернаторомъ. Ее боготворили въ Штутгартѣ, и вюртембержцы до сихъ поръ чтятъ ея память. Въ наше время мы видимъ повтореніе того-же самаго, и В. К. Ольга, супруга принца Вюртембергскаго, подобно своей теткѣ, сумѣла покорить всѣ сердца.

Андрей Ростопчинъ.

посовѣтовала ей смириться. То-же самое сказала ей графиня Гурьева. Пока г-жа Ласовикова передавала мнѣ эти подробности, тетка проснулась, вышла изъ своей комнаты и была очень рада меня видѣть или вѣрнѣе слышать. Мы пробесѣдовали около двухъ часовъ, и рѣчь все время шла о племянницахъ, внукахъ и внучкахъ, но ни разу не было упомянуто имя Вѣры, ея мужа и ребенка. Она предложила мнѣ пойти пройтись, зашла къ г-жѣ Гурьевой, пила тамъ чай и по возвращенiи заявила, что ей нужно со мной поговорить. Мы пробыли вдвоемъ до одиннадцати часовъ, бесѣдуя о васъ и о безразличныхъ вещахъ, потомъ я пошелъ спать. На другой день въ семь часовъ я провожалъ ее къ источнику, затѣмъ мы позавтракали, и она коснулась вопроса о своемъ положенiи, возвращенiи и необходимости прожить зиму заграницей. Она забрала себѣ въ голову, что строгое исполненiе предписанiй врачей, леченiе у окулиста Вальтера и климатъ вернутъ ей зрѣнiе. Въ дѣйствительности, она почти ничего не видитъ, ее надо водить, предупреждать о всемъ, нарѣзать ей мясо, называть лицъ, съ ней заговаривающихъ. Несмотря на почти полную слѣпоту, она дѣлаетъ видъ, будто видитъ, увѣряетъ, что видитъ и носитъ очки. Глазъ, на которомъ была сдѣлана операцiя, менѣе мутенъ, но докторъ Любошитцъ говорилъ мнѣ, что операцiя не удалась, и самъ Вальтеръ не надѣется на возможность вернуть зрѣнiе; несмотря на это, онъ предписалъ графинѣ укрѣпляющiй режимъ, баденскiя ванны, какiя она уже брала, и воды Эгра, которыя она пьетъ теперь. Она намѣревается снова поселиться въ Ландс-

херте, местопребываніи Вальтера, и прожить тамъ до мая месяца. Но боится, чтобы изъ ея отсутствія не создали исторіи, какъ бы императоръ не разсердился, въ обществе не начались бы разговоры и т. д. Она спросила моего мненія, и я посоветовалъ ей вернуться въ Петербургъ; оказывается, она непременно хочетъ отправиться въ Кіевъ, потому что дала обетъ побывать тамъ, если къ ней вернется зреніе. У нея осталось всего шестьдесятъ дукатовъ изъ трехъ тысячъ, присланныхъ ей въ декабре месяце. При ней находится поваръ, три лакея, горничная, г-жа Ласовикова, и русскій врачъ, соскучившійся и всеми силами стремящійся вернуться поскорее въ Россію. Надо сказать, что за полгода своего пребыванія въ Ландсхерте она не платила за квартиру, такъ какъ король Баварскій разрешилъ ей поместиться въ своемъ замке. Я сослался на два основанія: во-первыхъ, что она не будетъ въ одиночестве въ Петербурге; во-вторыхъ, что ея присутствіе поможетъ поправить ея дела посредствомъ займа, разрешеннаго милостью императора, иначе ей грозитъ опасность лишиться своихъ именій; наконецъ, что продолжительное отсутствіе приведетъ къ тому, что она останется совершенно безъ денегъ. Она соглашалась съ моими доводами, но все-таки осталась въ нерешительности, проявляемой ей теперь изъ-за всякаго пустяка. За обедомъ присутствовало еще двое гостей, и после ихъ ухода она то говорила, что поедетъ, то, что останется, и повторяла несколько разъ: «Никогда въ обществе не смели говорить обо мне, что скажутъ теперь». Вдругъ она спросила у меня: «Өеодоръ Васильевичъ, прав-

да-ли, что Вѣра умерла»? Я отвѣчалъ, что она должна была догадываться объ этомъ, такъ давно не получая отъ нея писемъ. Она воскликнула: «Не говорите, не разсказывайте ничего»! Затѣмъ послѣдовалъ діалогъ, длившійся четыре часа; она разспрашивала меня обо всѣхъ подробностяхъ, потомъ заговорила о сиротахъ и выразила увѣренность, что Васильчиковъ женится на графинѣ Строгановой. Я возразилъ на это, что въ обществѣ говорятъ о его намѣреніи жениться на Пашковой. Она отвѣчала: «Никогда больше не вспоминайте о немъ при мнѣ». Она проникнута благодарностью къ императрицѣ Елизаветѣ за заботливость, съ какой она постаралась скрыть отъ нея смерть Вѣры. Г-жа Ласовикова мнѣ передавала, что у графини ужасно разстроены нервы, и она часто пугаетъ всѣхъ; все ее обижаетъ, все раздражаетъ ея самолюбіе. Она хочетъ, чтобы ее всюду приглашали, чтобы всѣ у нея бывали: сердится на принца Вюртембергскаго, не бывшаго у нея съ визитомъ, хотя великая княгиня посѣтила ее два раза. Я оставилъ ее въ нерѣшительности. Путешествіе было ужасное, я страшно утомленъ и ложусь спать, хотя всего девять часовъ. До свиданья, мой другъ».

Въ другомъ письмѣ изъ Карлсбада графъ пишетъ, что ужасная тетка пріѣхала изъ Эгра и два дня прогостила у него. «Это было сплошное волненіе и мученіе. Она ни словомъ не упомянула ни о тебѣ, ни о твоихъ сестрахъ, но говорила о Вѣрѣ со всѣми, посѣтившими ее, выражала свое отчаянье, какъ она вернется въ Россію и не застанетъ тамъ больше своего единственнаго друга. Она по-прежнему старается

всѣхъ увѣрить, что видитъ, хотя слѣпа совершенно; сердитая даже на смерть Вѣры, потому что это ее волнуетъ, а окулистъ строго запретилъ ей волноваться.

«Она говоритъ о слѣпотѣ въ прошломъ: «Когда я была слѣпа», «когда ко мнѣ вернулось зрѣніе». Она гуляетъ и воображаетъ, что узнаетъ людей, судитъ о платьяхъ, цвѣтахъ, разсматриваетъ карточки дѣтей. Обижена тѣмъ, что король прусскій не навѣстилъ ее. Вечеромъ была у графини Воронцовой, гдѣ обращалась съ разговорами, не зная къ кому. Она все хотѣла купить и, подержавъ въ рукахъ рабочій ящичекъ, ударила имъ по головѣ стоявшую рядомъ даму, не видя ее. Наконецъ, въ день ея отъѣзда произошла ужасная сцена. Вернувшись домой отъ источника, я получилъ приглашеніе на завтракъ къ принцу Веймарскому; бесѣда была увлекательная, и я вернулся домой только въ половинѣ десятаго. Меня уже вездѣ искали, тетка плакала навзрыдъ; она думала, что я разсердился на нее и уѣхалъ совсѣмъ. Суди сама о такой блестящей выдумкѣ. Наконецъ, она уѣхала, рѣшивъ отправиться въ Ландсхертъ, чтобы посовѣтоваться съ Вальтеромъ. Гдѣ она думаетъ провести зиму, никому неизвѣстно».

За нѣсколько лѣтъ до того графъ писалъ князю Тиціанову изъ Воронова: «Жена ѣдетъ на мѣсяцъ въ Петербургъ съ дочерьми, чтобы отдать дань почтенія теткѣ, странствующей и мореплавающей, вернувшейся и вступившей въ права, связанныя съ ея положеніемъ. У нея уже было два портрета императрицъ, теперь она получила третій, и такъ какъ носитъ ихъ всѣ три сразу, то имѣетъ видъ странствующей галлереи портретовъ царской фамиліи».

Такова была личность, чьимъ заботамъ судьбой было поручено воспитаніе пяти племянницъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ ихъ образованіи были допущены прискорбные пробѣлы; они изучали языки: латинскій, французскій, англійскій и нѣмецкій, были забыты только русскій и славянскій, на которомъ совершается богослуженіе, чѣмъ до извѣстной степени оправдывается вѣроотступничество четырехъ сестеръ Протасовыхъ. На этой почвѣ полнаго и крайняго невѣжества всего, что касается Россіи и ея исторіи, религіи и языка, произошло ихъ совращеніе въ католичество, если можно отрицать то, чего не знаешь. Воспитанныя суетной теткой, для которой дворъ былъ альфой и омегой существованія, а свѣтъ единственнымъ интересомъ жизни, онѣ были совершенно чужды вѣрѣ и вспоминали о Богѣ только, когда жизнь доказала имъ пустоту свѣтскаго времяпрепровожденія. Тогда онѣ захотѣли пріобщиться къ церкви, но не зная ни языка, ни молитвъ, не могли понять величественной красоты православной церкви, и ея двери остались для нихъ закрытыми. Огорченныя и смущенныя онѣ вернулись въ свои дворцы, гдѣ ихъ ожидали эмигранты-іезуиты; передъ ними онѣ упали на колѣни, прося указать себѣ путь къ спасенію. Но я забѣгаю впередъ; для разсказа объ этомъ будетъ свое время и мѣсто.

У меня очень мало свѣдѣній о томъ, что представляла изъ себя моя бабка до своего замужества. Мнѣ извѣстно только, что она обладала красотой, но не привлекательностью; случайно мнѣ удалось найти ея портретъ, неизвѣстный въ семьѣ. Въ апрѣлѣ 1901 г.

я пріѣхала изъ Парижа, гдѣ живу, въ Москву, чтобы навѣстить племянника, графа Бориса Ростопчина, и посѣтила здѣсь художественную выставку. Мой двоюродный братъ, князь Павелъ Алексѣевичъ Голицынъ, (директоръ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, скончавшійся въ томъ же году) показалъ мнѣ небольшой, выставленный имъ портретъ, доставшійся ему отъ его бабки и изображавшій мою бабку въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ, съ попугаемъ на кончикѣ пальца вытянутой руки (у нея уже развивалась ея страсть къ этимъ глупымъ птицамъ). Причесанная à la Titue, (прическа, сохраненная ею до старости), съ роскошными каштановыми волосами, задрапированная красной шалью, она необыкновенно изящна. Художникъ, написавшій этотъ портретъ, былъ, кажется, австріецъ.

У меня сохранился портретъ бабки карандашомъ съ небольшой тушевкой краснымъ же карандашомъ, работы Бушарди, исполненный въ Парижѣ въ 1820 г. и представлявшій по модѣ того времени три портрета одинъ надъ другимъ: отца, еще ребенкомъ, бѣлокурымъ, съ шаловливымъ видомъ, прелестную Лизу, съ красотой креолки, и графиню Екатерину, съ живыми черными глазами, опущенными длинными рѣсницами. У отца былъ ея великолѣпный портретъ масляными красками, кисти знаменитаго Кипренскаго, находящійся въ настоящее время въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ. Моей бабкѣ было въ то время около сорока лѣтъ; лицо у нея выразительное и благородное, черты правильныя, цвѣтъ лица свѣжій. Она изображена въ три четверти, сидя, въ простомъ редин-

готѣ бронзоваго оттѣнка, скрещенномъ на груди, въ стилѣ ампиръ,—которому она не измѣняла до самой смерти,—съ кашемировой шалью, необходимой принадлежностью туалета тѣхъ временъ, наброшенной на плечахъ, съ легкой тюлевой наколкой на волосахъ, обрамляющей лицо. Эта наколка также сохранилась безъ измѣненій, только рюшъ становился гуще по мѣрѣ того, какъ рѣдѣли волосы.

Существуетъ еще нѣсколько портретовъ, работы Тончи, художника-итальянца, проживавшаго у Ростопчиныхъ,—между прочимъ, портретъ, гдѣ она изображена en face въ жилетѣ съ шалью, редингтотѣ съ отворотами и бѣлой наколкѣ съ прикрѣпленнымъ къ ней черньмъ вуалемъ, падающимъ сухими, суровыми складками. На видъ ей тамъ лѣтъ около тридцати. Въ послѣднемъ письмѣ къ князю Тиціанову (24-го января 1825 г.) дѣдъ пишетъ: «Жена продолжаетъ позировать для портрета, предназначаемаго для тебя и желаетъ, чтобы онъ оказался болѣе похожимъ, чѣмъ тотъ, гдѣ она изображена подъ вуалью».

Всѣ портреты создаютъ безспорно представленіе о женщинѣ умной и энергичной; видъ у нея вездѣ надменный и гордый, никакого проблеска доброты не отражается въ лицѣ, съ раннихъ поръ добровольно принявшемъ выраженіе суровости. Екатерина Протасова безъ сомнѣнія не обладала привлекательностью, потому что по собственному признанію съ молодыхъ лѣтъ пріобрѣла привычку нюхать табакъ, чтобы не засыпать на балахъ, гдѣ мало танцовала. Не надо забывать, что при русскомъ дворѣ много танцовали, о чемъ свидѣтельствуютъ великолѣпные портреты Ле-

вицкаго и Боровиковскаго, выставленные осенью 1906 г. во дворцѣ на картинной выставкѣ: почти всѣ молодыя фрейлины Елизаветы и Екатерины изображены въ балетныхъ позахъ.

Такое пренебреженіе, оказываемое ей кавалерами, не находившими молодую Екатерину Протасову привлекательной, внушило ей отвращеніе къ танцамъ и баламъ, объявленнымъ ею развлеченіемъ безнравственнымъ и пагубнымъ. Можетъ быть, такая суровость очаровала графа Θеодора, обладавшаго характеромъ положительнымъ и серьезнымъ и цѣнившаго въ женщинахъ только умъ и развитіе.

Онъ привязался къ женѣ искренно и глубоко, что выражаетъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ.

Въ VIII томѣ интереснаго труда «Архивъ графа Воронцова[1])», графъ Θеодоръ пишетъ 10-го февраля 1791 г., что принцъ Нассаускій, подъ чьимъ начальствомъ онъ командовалъ батальономъ гренадеръ 22 и 28-го іюня во время финляндской войны, хотѣлъ подъ соблазномъ заслуженной награды (камеръ-юнкерскаго званія) женить его на своей незаконной дочери. «Потому что къ несчастью я обладаю состояніемъ, оставшись единственнымъ сыномъ» [2]),—прибавляетъ онъ. Возмущенный такимъ неблаговиднымъ поступкомъ, я покинулъ Петербургъ, отказавшись отъ всякихъ надеждъ».

---

[1]) Изданномъ подъ заглавіемъ „Бумаги графа Семена Романовича Воронцова“ и обнимающемъ цѣлый періодъ русской исторіи. Л. Р.

[2]) Его братъ погибъ въ морской битвѣ съ шведами 13 августа. Л. Р.

14-го апрѣля 1793 г. графъ писалъ изъ Петербурга: «Я скучаю смертельно. Я влюбился или вѣрнѣе почувствовалъ склонность къ одной изъ племянницъ Протасовой, но хорошо все обдумавъ, боюсь поддаваться этой склонности и сейчасъ нахожусь въ борьбѣ съ самимъ собой. Эти племянницы получили прекрасное воспитаніе, благодаря заботамъ нѣкоей г-жи де-Понъ, случайно выбранной г-жей Протасовой, я поддерживавшей благотворныя усилія этой уважаемой женщины».

Письмо отъ 6/17 октября 1793 г. Петербургъ.

«Я переживаю сейчасъ минуты величайшаго безпокойства. Я хотѣлъ разсѣять сомнѣнія г-жи Протасовой по поводу моего ухаживанія за ея племянницей. Написалъ ей письмо, гдѣ высказывалъ свои намѣренія. Обрисовалъ себя и просилъ сказать мнѣ, на что я могу надѣяться. Еще ничего не рѣшено. Тетка проситъ меня подождать и вооружиться терпѣніемъ. Ея племянница имѣетъ печальный, озабоченный видъ, я ей нравлюсь; свиданія наши обставлены прежними стѣсненіями; я теряю голову и надежду обладать этимъ прелестнымъ созданьемъ, чей портретъ вамъ нарисуетъ Корсаковъ. Я никогда не буду счастливъ; чтобы меня ждало счастье мнѣ необходимо обладать Протасовой и вашей дружбой».

1-го декабря графъ уже говоритъ о Екатеринѣ, какъ о своей невѣстѣ, но письма, гдѣ бы онъ сообщалъ, что его предложеніе принято, нѣтъ.

Письмо отъ 28-го мая 1794 г.

«Хотя я имѣю разрѣшеніе жить въ Царскомъ Селѣ,

но я переселился въ городъ: съ жены пишутъ портретъ для моего отца... Она прекраснѣйшая женщина, способная составить счастье добродушнаго, толстаго буржуа. Она беременна и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ минуты, когда сдѣлается матерью. Я люблю Анну Степановну, но она слишкомъ многимъ жертвуетъ въ угоду общественному мнѣнію и хочетъ играть слишкомъ трудную роль философа, состоящаго при дворѣ и рабски преданнаго ему».

Въ письмѣ отъ 20-го іюля 1794 г. изъ Царскаго Села, онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ причину своего изгнанія. Не могу воздержаться отъ желанія привести это объясненіе, хотя оно является какъ бы добавленіемъ.

«Вы очень удивитесь, узнавъ, что мнѣ приказано удалиться на годъ въ имѣніе отца. Всѣ недоумѣваютъ по поводу этого событія. Ухватились за мое письмо, написанное уже полтора мѣсяца тому назадъ оберъ-камергеру съ жалобой на моихъ коллегъ, отказавшихся нести свои обязанности. Дѣйствительно, по своей вспыльчивости я назвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ шелопаями. Они позволяли себѣ всякаго рода некрасивыя выходки, на какія способны только негодяи. Пятеро изъ нихъ потребовали, чтобы я написалъ опроверженіе своего письма. Потомъ въ тотъ-же день, каждый изъ нихъ въ отдѣльности предложилъ мнѣ извиниться или драться на дуэли: я отвѣчалъ имъ всѣмъ. Вызовъ приняли только двое, Голицынъ и Шуваловъ. Первый раздѣлся, чтобы драться на шпагахъ и не дрался; второй хотѣлъ стрѣляться на смерть изъ пистолетовъ и не взялъ ихъ съ собой. Когда вся эта исторія кончилась, на меня стали взводить

другія обвиненія. Мятлевъ распустилъ слухи черезъ нѣкоего Всеволожскаго, разсказывавшаго это со своимъ обычнымъ нахальствомъ, что я на колѣняхъ просилъ прощенія у всѣхъ, кого оскорбилъ. Такъ какъ я былъ дежурнымъ при великомъ князѣ, я написалъ Всеволожскому, спрашивая, откуда онъ почерпнулъ слухи, имъ распространяемые. На его отрицательный отвѣтъ, я вспылилъ и назвалъ его, какъ онъ того заслуживаетъ. Сказалъ, что жду его на условленномъ мѣстѣ въ понедѣльникъ. Но еще до этого дня мои письма были показаны Зубову. Полицеймейстеръ доложилъ императрицѣ, что завтра предстоитъ дуэль. Мнѣ было выражено неудовольствіе Ея Величества. Когда все кончилось, Всеволожскій явился съ письмомъ къ императрицѣ, прося ее отомстить за его мундиръ и крестъ имъ носимый. Дѣло поднялось снова. У меня были отобраны письма и разсмотрѣны, мнѣ было велѣно не выходить изъ дома, а затѣмъ генералъ Пасекъ объявилъ мнѣ приказъ удалиться въ имѣніе отца. Въ указѣ не говорится ни о дуэли, ни объ оскорбленіи Всеволожскаго, мнѣ вмѣняется въ вину только письмо къ оберъ-камергеру. Замѣтьте, что она (императрица Екатерина) сама читала это письмо, надъ нимъ смѣялась, со мной по поводу него говорила и велѣла мнѣ написать исторію камеръ-юнкера, обратившись за справками къ оберъ-камергеру. Забылъ вамъ сказать, что Мятлевъ предупредилъ полицеймейстера, что у меня съ княземъ Голицынымъ и Шуваловымъ предстоитъ дуэль. Зубовъ пожертвовалъ мною для графини Шуваловой, а Ея Величество, основываясь только на сдѣланномъ ей докладѣ, наказала меня од-

ного... Я уѣзжаю сегодня, чтобы прожить годъ въ прекрасномъ имѣніи отца, въ Орловской губерніи. Жена, умная и разсудительная не по-лѣтамъ, послѣдуетъ за мной. Она радуется мысли провести со мной наединѣ цѣлый годъ. Мечта о ребенкѣ, ее занимающая, перспектива спокойной жизни не рисуютъ въ ея воображеніи неудовольствій жизни, скучной для тѣхъ, кто боится остаться вдвоемъ. Молодой великій князь Александръ обладаетъ душой рѣдкой въ нашъ вѣкъ. Его дружба страдаетъ за меня. Не колеблясь ни минуты, онъ навѣстилъ меня. Онъ ничего не можетъ сдѣлать, но слезы доказываютъ его сожалѣніе. Я возлагаю на него надежды и смѣю думать, что мое вліяніе отдалило бы отъ него порчу и лесть. Но намъ приходится разстаться. Великій князь (Павелъ) очень разсерженъ и прислалъ мнѣ сказать, что я долженъ быть увѣренъ въ его чувствахъ».

Письмо отъ 20-го сентября 1794 г. Ливны, Орловской губерніи.

«Жена мнѣ замѣняетъ все. Въ ней столько же кротости, сколько твердости. Поглощенная исключительно заботой о моемъ счастьѣ, она очень довольна, что очутилась въ такой обстановкѣ, гдѣ можетъ всецѣло отдаться своей склонности къ занятіямъ. Она очень свѣдующа въ исторіи и литературѣ и мастерски рисуетъ».

Впослѣдствіи въ письмѣ къ Александру Булгакову, отъ 19-го августа 1817 г. я нахожу слѣдующія строки: «Мою жену довольно трудно узнать, хотя она чрезвычайно проста, но въ ея характерѣ есть что-то, удерживающее ее отъ откровенныхъ изліяній».

Это что-то, не похоже-ли на пружину, двигающую самыми сложными механизмами? Отсутствіе этого чего-то, вначалѣ незамѣченное влюбленнымъ мужемъ, было имъ, наконецъ, сознано, и въ письмахъ къ графу Воронцову, сначала преисполненныхъ восхваленія жены, съ 1814 г. встрѣчаются только короткіе фразы о здоровьи графини Екатерины.

Глава VII.

Іезуиты въ Россіи.—Пропаганда.—Обращенія.—Многочисленные случаи перехода въ католизмъ.—Изгнаніе іезуитовъ указомъ Правительствующаго Сената.—Тайныя исповѣди аббата Сюррюгъ.—Шкафъ-дарохранительница.—Докторъ-атеистъ.—Видѣніе и поиски вѣры.

Тайная причина, вызвавшая духовный разладъ между супругами, такъ счастливо жившими въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, настолько близко связана съ нравственной и религіозной исторіей Россіи, что я должна ей посвятить отдѣльную главу.

Никто такъ подробно не изучилъ и не описалъ исторію вліянія католичества въ Россіи, какъ Дмитрій Толстой, министръ народнаго просвѣщенія. Не имѣя подъ руками оригинальнаго изданія этого труда, конечно, преданнаго цензурнымъ комитетомъ запрету, я пользуюсь русскимъ переводомъ самого графа. Французское изданіе было выпущено у Дантю въ 1864 г.

«При раздѣлѣ Польши, вмѣстѣ съ Бѣлоруссіей, Россія получила въ даръ орденъ іезуитовъ. Находя этотъ орденъ болѣе предательскимъ и опаснымъ, чѣмъ всѣ остальные католическіе ордена, Екатерина приказала

всѣмъ губернаторамъ имѣть за ними неослабное наблюденіе. Это происходило въ 1773 году, а въ слѣдующемъ году орденъ былъ упраздненъ Климентомъ XIV. Изгнанные отовсюду, іезуиты пользовались свободой жительства только въ Россіи. Въ 1814 г. римская курія торжественно подтвердила приговоръ, совершенный надъ орденомъ, нашедшимъ у насъ убѣжище. Какъ отблагодарили іезуиты Россію за ея терпимость? Они совратили въ католичество юношей, воспитаніе которыхъ было имъ поручено, и женщинъ высшаго круга. Могущественную поддержку оказывало имъ вліяніе и высокое положеніе графа де-Местра, посланника короля Сардиніи и секретнаго агента римской куріи. Онъ руководилъ іезуитами, наблюдалъ за католическимъ духовенствомъ и дѣйствовалъ не какъ посланникъ, но какъ шпіонъ. Впослѣдствіи, онъ признавалъ письменно, что всякій государь обязанъ защищать религію своей страны отъ иностраннаго вторженія, и что обращенія въ католичество въ Россіи были совершены съ излишней поспѣшностью и необдуманностью.

«Величайшей неосторожностью усердныхъ проповѣдниковъ было совращеніе несовершеннолѣтняго племянника министра, князя Александра Николаевича Голицына. Ловушка была искусно подстроена: новообращенный случайно нашелъ у себя въ печкѣ католическій молитвенникъ, какъ будто забытый его прежнимъ воспитателемъ, іезуитомъ, прочелъ его и совратился. Все произошло совершенно просто и естественно, но власти взглянули на дѣло иначе. Былъ сдѣланъ докладъ императору, и докладъ этотъ послѣдовавшій за цѣлымъ рядомъ подобныхъ-же, вызвалъ

царскій указъ отъ 16-го декабря 1816 г. объ изгнаніи іезуитовъ. Они были высланы одновременно изъ Москвы и Петербурга.

Въ виду современнаго изгнанія (въ 1864 г.) изъ Франціи нѣкоторыхъ религіозныхъ орденовъ и появленія въ С.-Петербургѣ нѣсколькихъ ихъ представителей, между прочимъ, отца Дюлака, я нахожу нужнымъ напомнить здѣсь указъ Правительствующему Сенату:

«По возвращеніи и счастливомъ завершеніи дѣлъ заграницей въ наше возлюбленное отечество, ввѣренное намъ Господомъ Богомъ, мы убѣдились изъ многочисленныхъ справокъ, жалобъ и донесеній, дошедшихъ до насъ, въ безусловной справедливости слѣдующихъ фактовъ: іезуитское общество уничтожено папской буллой, и іезуиты изгнаны всѣми народами; у нихъ нигдѣ не оставалось убѣжища. Одна Россія, изъ христіанской добродѣтели, любви къ ближнему и терпимости въ вопросахъ вѣры ихъ оставила, пріютила и оказала свое могущественное покровительство этимъ изгнанникамъ. Она не мѣшала имъ посѣщать людей одного съ ними вѣроисповѣданія, не употребляя для этого ни силы, ни гоненій, ни обольщеній, имѣя право взамѣнъ того требовать отъ нихъ вѣрности, усердія и услугъ. Въ этой надеждѣ имъ было разрѣшено заниматься воспитаніемъ и образованіемъ юношества. Отцы семействъ довѣрчиво поручили имъ обучать своихъ дѣтей наукамъ и нравственности. Теперь несомнѣнно установлено, что ими нарушенъ долгъ благодарности: вмѣсто того, чтобы сохранить смиреніе, повелѣваемое вѣрой, и жить покорными гражданами иностраннаго государства, они старались поколебать

православную религію, съ давнихъ поръ господствующую въ нашей имперіи, и на которой зиждится благоденствіе и преуспѣяніе многочисленныхъ народовъ, подвластныхъ нашему скипетру. Они злоупотребили оказаннымъ имъ довѣріемъ, осмѣлились внушеніями своими обольщать ввѣренныхъ питомцевъ и другихъ людей, принадлежащихъ къ Греко-Россійской церкви, и привлекать ихъ въ свое исповѣданіе. Сами пользуясь благами терпимости, они поселяютъ въ сердцахъ, ими обманутыхъ, жестокую нетерпимость, стремясь уничтожить оплотъ царства, привязанность къ вѣрѣ отечественной и тѣмъ разрушить счастье семействъ, производя въ нихъ разномысліе. Таковъ-ли глаголъ и воля Господа, миролюбца, и Его единственнаго сына, Іисуса Христа, пролившаго Пречистую кровь свою, чтобы мы жили въ мирѣ и единеніи? Поэтому не будемъ больше удивляться, что этотъ монастырскій орденъ былъ изгнанъ всѣми народами, и никто не нашелъ возможнымъ допустить его проживанія въ своей странѣ. Кто выноситъ присутствіе людей, сѣющихъ ненависть и раздоры? Принимая это во вниманіе, заботясь о благоденствіи нашего возлюбленнаго народа и почитая своей священной и законной обязанностью вырвать зло съ корнемъ, не давая ему разростись и принести плоды, Мы повелѣваемъ возстановить здѣсь католическую церковь въ тѣхъ условіяхъ, какъ она находилась въ царствованіе покойной нашей бабки, императрицы Екатерины II до 1800 г., и немедленно выслать изъ С.-Петербурга всѣхъ членовъ іезуитскаго ордена, запретивъ имъ въѣздъ въ обѣ столицы».

Александръ.

С.-Петербургъ, 20-го сентября 1815 года.

Въ исполненіе этого указа 318 іезуитовъ покинули Россію. Они удалились невозмутимо, со спокойной, іезуитской совѣстью, унося съ собой разрушенное счастье и покой многихъ семей. По примѣру того, что произошло въ нашей семьѣ, можно судить о томъ, что творилось во многихъ другихъ.

Правительствомъ было истрачено 20,000 рублей для ускоренія изгнанія іезуитовъ. Они удалились въ апрѣлѣ и въ іюнѣ; 223 человѣка изъ нихъ переѣхали границу въ Радзивиллѣ. Остальные 95 человѣкъ покинули Россію только въ слѣдующемъ году, а 23 вышли изъ ордена и поселились здѣсь навсегда. Предположивъ, что каждому изъ этихъ 318 іезуитовъ удалось соблазнить и совратить только одного человѣка, это уже составляетъ сотни семей, обреченныхъ на отчаяніе и борьбу въ своей средѣ.

Невозможно точно установить время, когда моя бабка перешла въ католичество. Тайна была глубокая, и охранялась тщательно. Если срокъ, указанный въ письмѣ аббата Сюррюгъ вѣренъ, то событіе это произошло около 1802 г.

Гастонъ де-Сегюръ въ своемъ сочиненіи «Моя мать», относитъ его къ 1806 г.

Аббатъ Сюррюгъ былъ священникомъ католической церкви Св. Людовика въ Москвѣ. Онъ писалъ одному изъ своихъ друзей въ С.-Петербургъ, что графиня Ростопчина не только посылала сына слушать его проповѣди, но что даже иногда приходилъ ея мужъ Въ 1812 г. онъ писалъ: [1]) «Несмотря на мое строгое за-

---

[1]) „Римское католичество въ Россіи“, графа Дмитрія Андреевича Толстого.

прощеніе и всѣ мои убѣжденія, она (графиня Ростопчина) открыла тайну мужу. Можете себѣ представить, какъ онъ принялъ подобное признаніе. Онъ ей сказалъ: «Ты совершила безчестный поступокъ». Увидавъ ее два года спустя, я былъ смущенъ, узнавъ о такой необдуманности.

Послѣ того мнѣ пришлось встрѣтиться съ графомъ Ростопчинымъ, но онъ бросилъ на меня яростный взглядъ и повернулся ко мнѣ спиной.

Аббатъ Сюррюгъ, главный виновникъ совращенія, написалъ небольшую брошюру о пожарѣ Москвы. Домергъ, актеръ, утверждаетъ въ своемъ сочиненіи «Россія», что аббатъ Сюррюгъ умеръ въ Москвѣ вскорѣ послѣ пожара. Послѣ него графиня Екатерина перешла въ руки другого духовника, аббата Мальзерба. Въ письмахъ къ брату Александръ Булгаковъ говоритъ, что «Мальзербъ человѣкъ крайне испорченный, живетъ открыто съ женщиной, содержащей пансіонъ, и имѣетъ отъ нея дѣтей». Неоднократно Булгаковъ упоминаетъ съ негодованіемъ о недостойномъ священникѣ. Къ несчастью домъ моего дѣда, на Лубянкѣ, находился въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ церковью Св. Людовика, что облегчало свиданія исповѣдницы съ ея послѣдовательными духовниками.

Аббатъ Сюррюгъ сообщаетъ въ своихъ письмахъ въ Римъ о томъ, какимъ образомъ онъ исповѣдывалъ и причащалъ свою тайную паству[1]). «Я могу свободно исповѣдывать, гуляя по гостиной, доступной для

[1]) „Римское католичество въ Россіи“, графа Толстого.

всѣхъ, не возбуждая ничьихъ подозрѣній, но подвергаюсь опасности, давая св. причастіе. Поэтому я изобрѣлъ небольшой «серебряный ящичекъ, гдѣ легко помѣщаются Св. Дары». Аббатъ подробно описываетъ эту дароносицу, передаваемую имъ украдкой своей дорогой паствѣ, и святыя женщины сами причащались Св. Тайнъ, обманывая бдительность и довѣріе своихъ мужей. Читая эти изумительныя подробности переносишься во времена Нерона и катакомбъ. Какъ извѣстно, Римъ допускаетъ причастіе безъ всякаго подготовленія, молитвы или исповѣди; оно совершается обыкновенно въ субботу. Такое разрѣшеніе даровано въ видѣ особой милости людямъ извѣстнымъ своимъ благочестіемъ и добродѣтелями; но сколько находится въ числѣ ихъ фарисеевъ, людей, у которыхъ привычка замѣняетъ набожное благоговѣніе, совершающихъ это таинство съ сердцемъ холоднымъ! Мнѣ случалось жить во многихъ замкахъ во Франціи, и меня всегда возмущало, какъ нѣкоторыя женщины отправлялись къ причастію прямо съ постели, не умывшись, не причесавъ растрепанныхъ волосъ, набросивъ шаль или накидку поверхъ капота, надѣвъ шляпу или прикрывъ голову кружевной косынкой, и въ такомъ непристойномъ видѣ являясь въ церковь. Потомъ онѣ пьютъ шоколадъ въ семейномъ кругу, ссорятся со своими ближними или распекаютъ прислугу. У насъ, бѣдныхъ еретиковъ, осужденныхъ на проклятіе, можно причащаться только послѣ недѣльнаго поста, прилежнаго посѣщенія церкви, положенныхъ молитвъ, и очистивъ душу, мы украшаемъ тѣло: молодыя дѣвушки и молодыя женщины, одѣваются въ бѣлое, старухи

въ свѣтлыя платья, даже простыя крестьянки надѣваютъ бѣлые платки.

Такимъ-же образомъ прогуливаясь, аббатъ Сюррюгъ исповѣдывалъ графиню Екатерину. Для облегченія этого благочестиваго подвига она приняла привычку гулять послѣ обѣда по безконечной амфиладѣ покоевъ. Графъ Ѳеодоръ, сидя въ кабинетѣ, курилъ трубку, бесѣдуя съ друзьями, потому что въ тѣ времена никогда не обѣдали въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ и всегда накрывались приборы для нѣсколькихъ человѣкъ друзей и близкихъ людей. Дойдя до послѣдней комнаты, искусный фокусникъ быстро надѣвалъ на шею своей спутницы цѣпь съ дароносицей, а та ставила ее въ шкафъ въ стилѣ ренессансъ, чернаго дерева съ инкрустаціей изъ слоновой кости, еще существовавшій у моего отца въ 1865 г. Среди ящиковъ находилась миніатюрная площадка со штучной доской, зеркалами и рисунками масляной краской. Нажатіемъ секретной пружины въ глубинѣ открывалось свободное пространство, служившее дарохранительницей.

У меня живо сохранился въ памяти разсказъ матери о первоначальной причинѣ вѣроотступничества ея свекрови. Почтеннаго доктора Крафта, скончавшагося въ 1804 г., замѣнилъ врачъ-англичанинъ, совершенный атеистъ, матеріалистическія убѣжденія котораго имѣли большое вліяніе на умъ графини, склонный къ бесѣдѣ о вопросахъ высшей философіи и къ религіознымъ диспутамъ. Жизнь въ деревнѣ, гдѣ зимніе вечера такъ долги, благопріятствовала подобнымъ собесѣдованіямъ наединѣ во время ежедневныхъ про-

гулокъ вдоль покоевъ. Въ одинъ прекрасный день докторъ упалъ съ лошади, смертельно расшибся и призвавъ къ себѣ мою бабку, сказалъ ей, что чувствуя себя на порогѣ смерти, слишкомъ поздно созналъ свои заблужденія и заклинаетъ ее подумать о спасеніи своей души. «Богъ существуетъ», сказалъ онъ ей, «мы его слишкомъ долго отрицали; мои глаза открылись слишкомъ поздно».

Въ ночь, послѣдовавшую за его смертью у графини было видѣніе. Разсказываютъ, будто, что ей явился докторъ, окруженный адскимъ пламенемъ, (чѣмъ объясняется ея слишкомъ частое упоминаніе объ этомъ пламени). Утромъ ее нашли въ обморокѣ, лежавшей на полу. Придя въ себя, она обнаружила признаки сильнаго нервнаго разстройства и къ общему удивленію, отправилась въ церковь въ концѣ парка. Домой она вернулась смущенная и разочарованная, не уловивъ смысла словъ, не постигнувъ непокорной душой красоты богослуженія. Она подѣлилась своимъ душевнымъ состояніемъ съ старшей сестрой, Александрой Голицыной, уже тайно перешедшей въ католичество и проживавшей въ имѣніи близъ Москвы, гдѣ ее часто посѣщалъ аббатъ Сюррюгъ. Обрадованная случаемъ, послѣдняя поторопилась послать младшей сестрѣ духовника, чтобы наставить ее на вѣрный путь спасенія.

Двѣ другія младшіе сестры, княгиня Вѣра Васильчикова и графиня Варвара Протасова, также перемѣнили религію. Послѣдняя, Анна, замужемъ за графомъ Варфоломеемъ Толстымъ, одна осталась въ лонѣ православной церкви. Она скончалась въ 1861 или 1862 г.

въ Петербургѣ, гдѣ мы ее часто навѣщали. Она обладала большимъ умомъ и представительностью и также, какъ бабка, одѣвалась всегда по модѣ директоріи. Она была близка къ императрицѣ Елизаветѣ, супругѣ Александра, и вспомнила о ней съ трогательнымъ уваженіемъ.

Среди лицъ, совращенныхъ въ католическую вѣру аббатомъ Сюррюгъ, находилась другая княгиня Голицына, двоюродная сестра моей бабки, князь Одоевскій, графиня Пушкина, князь Долгорукій. Подробности преступнаго прозелитизма этого священника находятся въ его перепискѣ съ Римомъ [1]).

---

[1]) „Католичество въ Россіи“.

Глава VIII.

Переписка Александра Булгакова.—Смерть Лизы Ростопчиной.—Католическое причастіе силой данное умирающей.—Предсмертное сознаніе невольной свидѣтельницы возмутительной сцены.—Передача маркиза Анатолія де Сегюръ.—Гастонъ де Сегюръ.—Канонизація въ семейномъ и дружескомъ кругу. —Брокеръ отказывается дать ключъ отъ бюро. — Месть.—Недостойные воспитатели, избранные для младшаго сына.—Николай I вынужденъ отстранить графиню отъ воспитанія этого сына.—Несправедливый искъ, учиненный ею къ Брокеру.—Она прогоняетъ его въ двадцать четыре часа. —Несостоятельность банкира Левіо.—Бумаги, найденныя въ папкахъ, забытыхъ въ Нуэттѣ.—Реабилитація Брокера.

Прежде чѣмъ перейти къ личнымъ воспоминаніямъ о своей бабкѣ, я должна привести нѣсколько интересныхъ отрывковъ изъ писемъ Александра Булгакова, рисующихъ ее необыкновенно живо. Въ произведеніяхъ поэта князя Петра Вяземскаго, мы находимъ слѣдующія строки, характеризующія письменную плодовитость этого великаго писмописателя.

«Вся исторія Россіи, ея жизнь повседневная, политическая и внутренняя, событія, слухи, дѣла и сплетни, учрежденія и люди — обо всемъ говорится го-

рячо и точно въ его письмахъ, животрепещущей стенографіи событій дня. Онъ получалъ письма, отправлялъ ихъ, писалъ, однимъ словомъ—онъ плавалъ и купался, такъ сказать, въ письмахъ, какъ рыба въ водѣ».

Неутомимый авторъ столькихъ писемъ умеръ въ Дрезденѣ у младшаго сына. Громадное количество писемъ его и сына было передано его внучкой Александрой Львовой (урожденной княжной Долгорукой) Бартеневу, доставившему ихъ въ Россію.

Вотъ какимъ образомъ этотъ вѣрный другъ разсказываетъ о смерти молодой Лизы Ростопчиной, когда тайная вражда между православнымъ мужемъ и женой католичкой сильно обострилась. (Рус. Архивъ, 1901 г.).

Москва, 4-го марта 1824 г.

«Мои печальныя предчувствія оправдались, но я не могъ предвидѣть такого быстраго наступленія утраты, вызывающей сожалѣніе у самаго безчувственнаго человѣка. Завяла прекрасная роза; графини Елизаветы Ѳеодоровны не стало: она скончалась сегодня въ шесть часовъ утра. Можешь себѣ представить, въ какомъ состояніи находится ея отецъ. За мной прислали въ девять часовъ, и съ этой минуты, до сихъ поръ (теперь полночь) я пробылъ тамъ. Я почти не видалъ своей бѣдняжки Екатерины[1]), чей сегодня день рожденія; но какъ было оставить графа въ такую минуту? Онъ надрываетъ душу и бродитъ вездѣ, какъ тѣнь; къ счастью онъ можетъ

[1]) Его дочь, затѣмъ вышедшая замужъ за Соломірскаго. Л. Р.

плакать. Мы съ Наташей[1]) обѣдали у нихъ; Елизавета Өеодоровна тоже обѣдала съ нами: съ этой минуты ея силы начали угасать. Она выказала удивительную силу духа. Завтра въ восемь часовъ выносъ тѣла въ приходскую церковь, погребеніе состоится въ понедѣльникъ... Кто имѣлъ больше нея права жить? Красота, молодость, умъ, доброта, богатство, высокое положеніе—смерть унесла все, это ужасно! Она умерла въ объятіяхъ отца и, повидимому, безъ страданій».

Бартеневъ добавляетъ: «Судя по III тому Архива князя Воронцова, Александръ Булгаковъ не зналъ или не хотѣлъ сообщить брату, что несчастному отцу пришлось писать митрополиту Филарету по поводу смерти дочери, такъ какъ мать требовала, чтобы она была похоронена по обрядамъ католической церкви. (Она сама перешла въ католичество)».

Я должна добавить къ этому, разсказъ часто слышанный мною отъ матери. Лиза Ростопчина не умерла въ объятіяхъ отца, какъ представляетъ себѣ Булгаковъ въ смятеніе перваго дня: графа увѣрили, что смерти еще нечего опасаться—его намѣренно хотѣли удалить. Истомленный усталостью и горемъ онъ легъ въ постель. Воспользовавшись его отсутствіемъ ужасная фанатичка послала за католическимъ священникомъ и заперлась съ нимъ и одной изъ своихъ компаньонокъ въ комнатѣ умирающей... Утромъ она разбудила мужа и сообщила ему, что Лиза умерла, принявъ католичество и пріобщившись по католическому

---

[1]) Его жена. Л. Р.

обряду. Графъ отвѣчалъ, что когда разстался съ дочерью, она была православной, и послалъ за приходскимъ священникомъ. Внѣ себя графиня, въ свою очередь, послала за аббатомъ—оба священника встрѣтились у тѣла усопшей и разошлись не сотворивъ установленныхъ молитвъ. Тогда дѣдъ увѣдомилъ о событіи уважаемаго митрополита, приказавшаго похоронить скончавшуюся по обряду православной церкви. Мать не присутствовала на погребеніи, какъ не появлялась впослѣдствіи на панихидахъ, выносѣ и похоронахъ мужа... Можетъ быть, Булгаковъ умолчалъ объ этомъ, чтобы не выдавать тайной скорби человѣка, столь же имъ почитаемаго, какъ любимаго. Онъ не хотѣлъ нарушить печальной семейной тайны.

Въ 1904 году, въ «Историческомъ Вѣстникѣ», мною былъ помѣщенъ рядъ статей подъ заглавіемъ: «Правда о моей бабкѣ, графинѣ Екатеринѣ Ростопчиной». За два года до того, я покинула Парижъ, свое обычное мѣстопребываніе, и проводила зиму въ Римѣ, куда меня привлекали литературныя занятія, а лѣто въ Россіи, гдѣ не могу оставаться дальше сентября. Я вернулась въ Парижъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1903 года. Когда сестра моя, графиня Ольга Торніелли, вдова итальянскаго посланника во Франціи [1]) прочла весной слѣдующаго года мое описаніе смерти Лизы Ростопчиной, она рѣшилась мнѣ разсказать слѣдующій фактъ: «Наша бабка умерла 14-го сентября 1859 года, и уже съ годъ тому назадъ нашъ отецъ поселился

[1]) Графъ Іосифъ Торніели скончался въ Парижѣ 9 апрѣля 1908 г. Л. Р.

въ Петербургѣ, получивъ возможность послѣ смерти матери вступить на придворную службу. Въ 1861 г. насъ посѣтилъ старый дворецкій отца, нѣкій Артемій, отпущенный съ щедрой наградой при нашемъ отъѣздѣ и открывшій лѣсную торговлю. Онъ пріѣхалъ по дѣламъ, и такъ какъ это былъ прекрасный человѣкъ, очень честный, много лѣтъ служившій у нашихъ родителей, то мы ему обрадовались. Тутъ онъ повѣдалъ сестрѣ тайну, давно уже лежавшую у него на совѣсти, и его очень тяготившую. Когда умирала очень старая горничная бабки, Прасковья Михайловна, она позвала его передъ смертью и сказала, что поручаетъ ему сообщить одной изъ насъ слѣдующій фактъ, невольной свидѣтельницей котораго ей пришлось быть, мучившій ея совѣсть за всю долгую жизнь проведенную въ услуженіи графинѣ Ростопчиной. Племянница бабкиной горничной, она была взята въ домъ дѣвочкой и спала въ комнатѣ бонны, рядомъ съ комнатой, гдѣ угасала Лидія Ростопчина. Въ ночь ея смерти, услыхавъ странный шумъ, она проснулась и босикомъ подкралась къ полупритворенной двери. Тутъ она увидала бабку крѣпко державшую при помощи нѣкоей Турнье, компаньонки, умирающую, бившуюся въ ихъ рукахъ, между тѣмъ, какъ католическій священникъ насильно вкладывалъ ей въ ротъ причастіе... Послѣднимъ усиліемъ Лиза вырвалась, выплюнула причастіе съ потокомъ крови и упала мертвой...»

Ужасное воспоминаніе объ этой возмутительной сценѣ преслѣдовало Прасковью всю жизнь, но она молчала до тѣхъ поръ, пока чувствуя приближеніе смер-

ти, не рѣшалась освободить совѣсть отъ тяжелаго гнета.

Всякія комментаріи излишни. Можно ли возвести болѣе тяжелое обвиненіе для памяти бабки, чѣмъ такая предсмертная исповѣдь невольной свидѣтельницы посягательства, совершеннаго на душу умирающей дочери? Я убѣждена, что всякій добрый католикъ осудитъ бабку, и заявляю здѣсь, что никоимъ образомъ не возлагаю на католическую религію отвѣтственности за преступныя дѣянія, совершаемыя невѣжественными фанатиками.

Продолжаю выписку изъ писемъ очевидца, видѣвшаго только поверхность семейной драмы, сокрытой величественнымъ покровомъ смерти. Булгаковъ пишетъ 6-го марта:

«Мы все еще подъ ужаснымъ и безжалостнымъ впечатлѣніемъ смерти Лизы Ростопчиной. Все содѣйствуетъ ужасу этого событія: красота, молодость, твердость души—и непредвидѣнность такого удара! Представь себѣ, другъ мой, она знала опасность своего положенія, скрывала ее отъ родителей и настояла, чтобы Альбини далъ ей честное слово не говорить имъ о грозящей ей опасности, пока она этого не сдѣлаетъ сама. Хотя чувствуя себя очень слабой, она обѣдала вмѣстѣ съ нами въ четвергъ; на слѣдующій день она опять хотѣла выйти къ обѣду, но этому воспротивилась ея мать и заставила ее лечь въ постель. Къ вечеру ей не стало хватать воздуха; врачъ сказалъ, что близокъ конецъ; для успокоенія ей дали опіума, произведшаго желанное дѣйствіе. Она

исповѣдывалась, причастилась и соборовалась[1]) съ большой твердостью; нѣсколько разъ справлялась не пришла-ли г-жа Тончи; она поручила ей продать большую часть своихъ нарядовъ и съ нетерпѣніемъ ожидала денегъ, чтобы самой раздать ихъ своимъ горничнымъ. Такъ какъ отецъ и мать не отходили отъ ея постели, она приподнялась, несмотря на крайнюю слабость, надѣла ночной чепчикъ, завела часы и сказала: «Мнѣ лучше, я, кажется, засну, ступайте, ложитесь также; когда я проснусь, вамъ придутъ сказать». Однако они не уходили. Собравъ всѣ свои силы, она взяла руку отца и сказала ему:

«Папа, во время своей болѣзни я часто бывала нетерпѣлива. Прошу всѣхъ меня простить, особенно мою сестру, Наталію. Напишите ей, что мнѣ трудно было говорить громко: она плохо слышитъ». Затѣмъ поцѣловавъ руку отца, она продолжала:

— Папа, умоляю васъ, когда меня не станетъ, раздѣлите все мое приданое по-ровну между моими сестрами».

«Какая стойкость и ангельская доброта. Обращаясь къ брату, она сказала:

«Андрей, вотъ мои часы и цѣпочка; возьми ихъ и не забывай сестру Лизу».

Всѣ присутствующіе рыдали; она одна оставалась спокойна.

Въ три часа она сказала отцу: «Мнѣ лучше», и

---

[1]) Согласилась ли бы она на это, если бы хотѣла перейти въ католичество? Остается только удивляться ужасной рѣшительности ея матери. Л. Р.

затѣмъ умолкла. Этотъ ангелъ отдалъ Богу душу свою въ шесть часовъ, отецъ держалъ ее за руку.

Этотъ разсказъ могъ бы вызвать слезы у людей ее не знавшихъ. Что же испытывалъ отецъ, терявшій дочь, радовавшую его своими душевными качествами и льстившую его самолюбіе очарованіемъ своей личности?

Лиза лежала въ гробу какъ живая. Никогда я не замѣчалъ такой очаровательной улыбки у почившихъ.

Сегодня выносъ тѣла, завтра похороны. Ее будутъ хоронить на Пятницкомъ кладбищѣ, гдѣ покоится ея братъ и сестра [1]) давно умершіе».

Здѣсь я прерываю выдержки изъ письма, чтобы замѣтить, что между послѣдними словами умирающей и минутой смерти прошло около трехъ часовъ. Этого времени вполнѣ было достаточно, чтобы вызвать священника, если бы онъ заранѣе не скрывался въ аппартаментахъ графини. Легко представить себѣ, что она, желая удалить мужа, посовѣтовала ему идти отдохнуть. Вотъ какимъ образомъ графъ де-Сегюръ говоритъ объ этой кончинѣ:

«При этомъ страшномъ извѣстіи, полученномъ отъ доктора, графъ Ростопчинъ пришелъ въ отчаяніе. Можно сказать, что онъ пережилъ медленную и мучительную агонію своей возлюбленной дочери.

Молчаливый и мрачный, онъ не слышалъ словъ утѣшенія, оплакивая дочь еще до ея погребенія. Его жена въ такомъ же отчаяніи болѣе стойко переносила свое горе, будучи хорошей христіанкой. Думая

---

[1]) Павелъ и Марія.

о душѣ своего ребенка, она этотъ вопросъ ставила выше вопроса жизни и здоровья.

Лиза оставалась вѣрна православной церкви, и это сильно озабочивало ея мать. Очень долго графиня Ростопчина ограничивалась лишь молитвами, но, видя свою дочь на краю могилы, она не скрыла отъ нея своего желанія и со слезами упрашивала ее перейти въ католичество.

Бѣдная дѣвушка поспѣшила дать свое согласіе, и ея готовность послужила матери доказательствомъ, что она согласилась бы и раньше обратиться въ католичество, если бы не страхъ передъ гнѣвомъ отца. Графиня тотчасъ-же, не теряя ни минуты, поспѣшила къ своему мужу.

Рѣшившись на все для спасенія своей семьи, она, однако, не желала, чтобы это великое событіе произошло безъ вѣдома графа. Когда она вошла въ его комнату, онъ сидѣлъ у стола, закрывъ лицо руками, убитый горемъ. «Лиза умираетъ», сказала она, «но ранѣе, чтобы предстать передъ Богомъ, она желаетъ перейти въ католичество». Быть можетъ, не желая давать своего согласія, или, поглощенный своимъ горемъ, онъ ничего не отвѣчалъ и даже не поднялъ головы.

Графиня Ростопчина тотчасъ-же послала за священникомъ въ католическую церковь въ Москвѣ. Онъ явился, принялъ отреченіе умирающей и причастилъ ее въ полномъ сознаніи. Черезъ нѣсколько часовъ 1-го марта 1824 г. Лиза Ростопчина тихо скончалась. Покинувъ свѣтъ, гдѣ ей предстояло, вѣроятно, блистать, но и немало выстрадать, она переселилась въ

обитель мира, уготованную въ вѣчность душамъ чистымъ. Одно слово графини Ростопчиной передаетъ глубокую вѣру этой матери—истинной христіанки.

Въ день смерти своей дочери, она пишетъ своей сестрѣ, княгинѣ Голицыной письмо, которое начинается такъ: «Сестра! Поздравь меня! Лиза умерла, но она умерла католичкой».

Меня такая *истинно-христіанская вѣра* приводитъ въ негодованіе. Впрочемъ, графъ де-Сегюръ, передавая этотъ фантастическій разсказъ, имѣлъ въ виду одну цѣль: прославить вѣроотступничество жены на счетъ ея мужа. Въ его разсказѣ много неточностей, на которыя указываетъ Булгаковъ. Если Лиза Ростопчина тайно желала обратиться въ католичество, почему согласилась она принять православнаго священника, исповѣдоваться, причащаться и принять соборованіе?

Безъ сомнѣнія, если бы она въ эту минуту заявила своему отцу о желаніи умереть католичкой, онъ бы этому не воспротивился. И какое іезуитство въ этомъ разсказѣ объ отцѣ, который молчитъ, когда жена ему сообщаетъ извѣстіе, способное вызвать его негодованіе. Пусть вспомнятъ, что писалъ отецъ Сюррюгъ о томъ, какъ графиня призналась мужу въ своемъ обращеніи въ католичество: «Ты совершила подлость», воскликнулъ онъ. Могъ ли онъ молчать, когда его жена возвѣстила ему о второмъ обращеніи въ его семьѣ?

Маркизъ де-Сегюръ можетъ найти оправданіе въ своемъ невѣдѣніи относительно семейныхъ дѣлъ своей матери, въ незнаніи русскаго языка, православной

религіи, русскихъ нравовъ и обычаевъ. Онъ зналъ Россію только по разсказамъ своего старшаго брата Гастона, два раза бывшаго въ Россіи. Въ первый разъ въ 1841 г., когда ему было 21 годъ; второй разъ Гастонъ вернулся въ Вороново въ 1843 г. лѣтомъ, передъ поступленіемъ въ семинарію. Онъ пріѣхалъ искать утѣшенія у бабушки, которая, пробывъ въ Парижѣ зиму 1838—39 г.г., сильно привязалась къ этому внуку.

Въ это время онъ испыталъ разочарованіе въ любви, получивъ отказъ отъ молодой особы, которой сдѣлалъ предложеніе. Это сильное горе открыло ему его призваніе.

Совершенно не зная людей, предубѣжденный противъ Россіи и русскихъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія де-Мэстра, онъ не выходилъ изъ узкой католической среды своей бабушки. Считая ее святой, онъ зналъ о прошломъ лишь то, что она считала нужнымъ ему сообщить. Благочестивый, какъ ангелъ, онъ съ восторгомъ относился къ графинѣ Екатеринѣ за ея строгую монашескую жизнь. Онъ сопровождалъ ее въ церковь св. Людовика, гдѣ французская колонія ихъ встрѣчала съ уваженіемъ, а духовенство, получавшее отъ нея щедрыя даянія, съ раболѣпной почтительностью.

Совершенно незнакомый съ семейной драмой, скрываемымъ отступничествомъ графини, не зная какимъ страданіямъ подвергались несчастные крестьяне Воронова, внукъ умилялся внѣшнимъ благочестіемъ графини и сообщалъ свои впечатлѣнія близкимъ себѣ людямъ. Такимъ образомъ совершилась семейная канонизація, превратившаяся позднѣе въ поклоненіе. Моя

остроумная кузина, графиня Ольга де-Питрэ, упоминая о своей бабушкѣ въ своихъ двухъ произведеніяхъ: «Добрый Гастонъ» и «Дорогая мама», говоритъ о ней не иначе, какъ о святой. Ея братъ, маркизъ, въ своей книгѣ о графѣ де-Сегюръ: «Воспоминанія и разсказы брата», говоритъ по поводу писемъ бабушки къ внучку (отъ 12-го октября 1854 г.), когда тотъ окончательно ослѣпъ, слѣдующее: «Это, дѣйствительно, письмо отъ святой къ святому». Святымъ, я готова считать моего двоюроднаго брата; я готова преклоняться передъ величественной личностью этого человѣка. Я имѣла счастье его видѣть близко и получить отъ него благословеніе на его смертномъ одрѣ. Что касается «святой», безжалостный свидѣтель ея ежедневной жизни показываетъ намъ ее въ настоящемъ свѣтѣ.

Булгаковъ кончаетъ свое письмо отъ 6-го марта такими словами: «Графиня переноситъ горе съ необыкновенной стойкостью; счастье, что она можетъ плакать. У графа глаза сильно опухли; онъ страдаетъ судорогами въ желудкѣ; но еще держится на ногахъ.

13-го марта 1824 года.

У графа большое состояніе, онъ имѣетъ все въ избыткѣ. Но я бы не желалъ помѣняться съ нимъ судьбой. Мнѣ приходится его утѣшать ежедневно. Съ своими дочерьми онъ въ разлукѣ, старшій сынъ— негодяй, второй болѣзненный; очаровательная младшая дочь недавно умерла; у его жены, хотя и добродѣтельной, весьма странный характеръ. У графа много непріятностей, его здоровье разстроено. Къ чему ему

богатство? Послѣ смерти обожаемой дочери его здоровье ухудшается съ каждымъ днемъ. Семейная жизнь довела его нервы до полнаго разстройства».

Я перехожу къ выдержкамъ изъ писемъ Булгакова, послѣ смерти графа.

Отдавая справедливость графу и перечисляя всѣ горести его существованія, онъ пишетъ 23-го января 1826 г.:

«27-го декабря графъ, пособоровавшись и считая себя на краю смерти, простился съ нами; взявъ ключъ отъ денежнаго шкафа, гдѣ лежали деньги, бриліанты, документы и завѣщаніе, онъ передалъ его въ присутствіи своей жены Брокеру, говоря: «Прощайте друзья, я умираю. Не забывайте меня. Адамъ Ѳомичъ, возьми ключи, ты знаешь, что дѣлать. Пересмотри всѣ бумаги съ Булгаковымъ и приведи все въ порядокъ. Когда Андрей станетъ совершеннолѣтнимъ вы ему все это передадите». На другой день послѣ его смерти графиня потребовала ключъ отъ Брокера.—Если бы этотъ ключъ,—отвѣчалъ онъ,—долженъ былъ храниться у васъ, графъ вручилъ бы его вамъ, а не мнѣ. Вы присутствовали при его кончинѣ вмѣстѣ съ нами. — Тамъ есть бумаги, которыя я желаю сжечь.—Этого я дозволить не могу; графъ былъ очень предусмотрителенъ; онъ задолго приготовлялся къ смерти, зная очень хорошо, что слѣдуетъ уничтожить или сохранить. Я исполню его послѣднюю волю; все останется въ цѣлости и будетъ передано Андрею Ѳеодоровичу.— Но тамъ хранятся бумаги на французскомъ языкѣ; вы ихъ не можете понять. Есть вещи оскорбительныя для французовъ.

— Г. Булгаковъ разсмотритъ французскія бумаги; если графъ дурно отзывался о французахъ, онъ былъ правъ: они были нашими врагами и сократили его жизнь, внося разладъ въ его семью.

— Въ мірѣ существуетъ только одна религія—католическая,—внѣ ея нѣтъ спасенія.—Вы, графиня, рѣшаетесь это утверждать? Вы, однако, видѣли съ какой душевной стойкостью, съ какимъ благоговѣніемъ и съ какимъ спокойствіемъ умеръ графъ? Да поможетъ вамъ Господь Богъ умереть такъ же спокойно въ вашей религіи.—Никто, кромѣ меня, не долженъ руководить воспитаніемъ Андрея.—Этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ согласно завѣщанію.—Мнѣ извѣстно его содержаніе.—Это невозможно; графъ Ѳеодоръ Васильевичъ недавно уничтожилъ первое завѣщаніе и написалъ другое (это ее удивило). Духовникъ графа будетъ преподавать Законъ Божій молодому графу. Онъ долженъ по воскресеньямъ бывать у обѣдни, какъ при жизни отца, въ сопровожденіи Мэтакса.—Все, что вы говорите, мнѣ очень непріятно.—Мнѣ очень жаль, графиня, но эти непріяности будутъ повторятся ежедневно. Пока я живъ, воля графа будетъ исполняться. Одна могила мнѣ можетъ помѣшать. Я оправдаю его довѣріе и никогда не рѣшусь оскорбить его память.—Вы меня не знаете; я одна воспитала всѣхъ моихъ дѣтей.—Чѣмъ вы хвалитесь? Графъ Сергій негодяй и только позоритъ имя Ростопчиныхъ; вы воспользовались слабостью и невѣдѣніемъ вашихъ двухъ дочерей, чтобъ заставить ихъ перемѣнить религію, нарушая такимъ образомъ главную обязанность христіанина: оставаться вѣрными своей церкви. Вы из-

баловали графа Андрея, уступая всѣмъ его прихотямъ, чтобъ, пользуясь его расположенiемъ, заставить и его принять католичество. Что изъ этого вышло? Онъ васъ не уважаетъ и васъ не слушается.—Мои дочери сами пожелали перейти въ католичество, мой мужъ это зналъ (!!!)[1]). Я ихъ не принуждала къ отреченiю. Наталья осталась православной.—Кому вы это говорите, графиня? Графъ молчалъ во избѣжанiе ссоры, скандала и окончательнаго разрыва съ вами. Наталья Θеодоровна, благодаря своей стойкости, противодѣйствовала вашимъ усилiямъ обратить ее въ католичество. Вы отлично знаете, что за это отецъ ей всегда отдавалъ предпочтенiе. Вамъ тоже извѣстно, что отступничество графини Софьи заставило графа выдать ее за француза. Что касается Елизаветы Θеодоровны, вы заставили ее причаститься передъ смертью тайно отъ графа. Онъ это узналъ позднѣе и вотъ причина, почему онъ въ могилѣ[2]). Не заставляйте меня высказывать другiя истины. Не давайте мнѣ забыть, чья вы жена.

Она отвѣчала съ поклономъ: «Объ этомъ я поговорю съ Александромъ Яковлевичемъ». Я готовъ на это непрiятное свиданiе и буду говорить съ полной

---

[1]) Онъ былъ объ этомъ такъ плохо освѣдомленъ, что, не вѣря въ дѣйствительность причастiя, принятаго умирающей, обратился къ митрополиту съ просьбой похоронить дочь по обряду православной церкви. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Булгаковъ и Брокеръ въ эту минуту вѣрили въ искренность обращенiя Лизы Ростопчиной. Подробности стали извѣстны позднѣе.

[2]) Это говоритъ человѣкъ, пользовашiйся довѣрiемъ графа Ростопчина. Какое неотразимое обвиненiе!

откровенностью. Я увѣренъ, что Нарышкинъ меня поддержитъ. Надо спасти Андрея изъ когтей его матери. Онъ скоро ее начнетъ бить; она, по христіанскому смиренію подставитъ и другую щеку. Всѣ онѣ ищутъ славы и вѣнца мученичества!

Я нахожу утѣшеніе, думая о графѣ, и послалъ одну статью въ «Сѣверную Пчелу», другую къ Северину въ «Петербургскій журналъ». Я писалъ по совѣсти полную истину и показалъ эти статьи строгимъ судьямъ. Всѣ сказали одно и то-же: «Все это правда».

27-го января.

«Сегодня девять дней, какъ графъ скончался. Я вернулся съ кладбища, гдѣ былъ вмѣстѣ съ Андреемъ, Метаксой и Брокеромъ».

29-го января.

«Благодарю тебя за то, что ты отправилъ письмо де-Сегюръ. Воля графа будетъ исполнена; но графиня, которая смотритъ иначе и дѣйствуетъ намъ наперекоръ, написала своимъ дочерямъ о смерти ихъ отца два или три дня по смерти мужа. Если де-Сегюръ и Воронцовъ, которымъ я писалъ, не предупредятъ графиню, эта женщина, которая судитъ о другихъ по себѣ, поселитъ раздоръ въ семьѣ. Удивляюсь, какъ ты ничего не знаешь объ ея отреченіи. Она перешла въ католичество въ 1810 г. во время пребыванія графа заграницей и сообщила ему, что по его возвращеніи въ Россію онъ ее найдетъ весьма убѣжденной въ ея новой религіи. Ты можешь себѣ представить, какой это былъ ударъ для него! Какое полное отсутствіе довѣрія въ этомъ умалчиваніи о своихъ намѣреніяхъ! Какъ человѣкъ умный, онъ молчалъ,

не имѣя возможности измѣнить дѣло, или разубѣдить графиню. Бѣдный графъ былъ настоящій мученикъ этой своенравной женщины. Она пріобщается ежедневно, что я считаю за грѣхъ (а аббатъ Мальзербъ говоритъ: «Нельзя отказать въ этомъ графинѣ, ибо она благодѣтельница нашей церкви»: она ежедневно выдаетъ 25 рублей католической церкви). Это христіанка, не заслужившая уваженія ни своего мужа, ни своихъ дѣтей, ни своихъ родныхъ. Лучше осчастливить людей насъ окружающихъ, нежели дурно отзываться о всѣхъ, выговаривать людямъ, все осуждать, и все чернить. Я право думаю, что она сумасшедшая; она говоритъ не иначе, какъ софизмами и парадоксами. Замѣть, что всѣ наши католички таковы».

Мартъ 1826.

«Брокеръ принесъ мнѣ часы, которые мнѣ завѣщалъ графъ Θеодоръ, это Брегетъ. Всѣ ими восхищаются; они были заказаны англичаниномъ, который не явился за ними. Графъ купилъ ихъ по случаю за 3000 франковъ».

9-го марта.

«Ты находишь, что Ростопчинъ могъ сдѣлать больше для меня. Я согласенъ; но я никогда не касался этого вопроса. Тебѣ извѣстно, какъ я смотрю на это; мои взгляды согласны съ твоими въ этомъ отношеніи. Покойный отличался тѣмъ, что презиралъ всякіе дары. Если ему предлагали бездѣлицу, онъ отдѣлывался шуткой, иногда просто отказывался довольно сухо. Судя о другихъ по себѣ, онъ никогда не дѣлалъ подарковъ. Я помню, какъ въ 1813 г. богатый

сибирскій купецъ прислалъ ему изъ Кяхты 10 фун. чаю съ любезнымъ письмомъ, восхвалявшимъ доблести графа въ Сибири. Графъ отослалъ назадъ подарокъ купцу съ учтивымъ отвѣтомъ. Это безкорыстіе, доведенное до крайности».

1-го мая.

«Одинъ французъ увѣрялъ меня на-дняхъ, что другъ и совѣтникъ графини, князь Масальскій, тоже католикъ. Это возможно. Теперь ему только остается овдовѣть и жениться на графинѣ Ростопчиной».

10-го мая.

«Я получилъ письмо отъ Натальи Нарышкиной: она ѣдетъ въ Одессу: очень меня благодаритъ за услуги, оказанныя ея отцу и пр. и пр. Ея письмо меня тронуло: она на свою мать не похожа. Поступки послѣдней совершенно невѣроятны. Она взяла въ услуженіе Изара, извѣстнаго негодяя, котораго считали такимъ ея собственные братья. Этому негодяю она довѣрила своего сына и управленіе своими имѣніями. Если графъ все это видитъ съ того свѣта, онъ тяжело страдаетъ. Онъ не ошибся, устранивъ ее по завѣщанію отъ управленія, зная ее слишкомъ хорошо. Она, какъ сумасбродная католичка, вмѣстѣ съ аббатомъ Мальзербомъ составляетъ прошеніе къ государю, воображая, что онъ обратитъ вниманіе на ея требованіе уничтожить завѣщаніе такого человѣка, какъ покойный графъ. Къ тому же завѣщаніе вполнѣ законное. Она требуетъ права на управленіе всѣмъ (вещь невозможная), удаленія Брокера, избраннаго покойнымъ графомъ. Вѣрность этого человѣка испытана

на дѣлѣ болѣе двадцати лѣтъ. Не доказываетъ ли это полнаго безумія?»

22-го мая.

«Андрей отданъ на попеченіе Брокера и Нарышкина. Но какъ лишить мать ея естественныхъ правъ на сына? Брокеръ такимъ образомъ находится въ большомъ затрудненіи. Графиня дѣлаетъ глупости; она начала съ того, что взяла къ себѣ Изара. Брокеръ сказалъ послѣднему на ухо, что если онъ и проберется въ домъ по лѣстницѣ, то ему придется выскочить въ окно. Такому негодяю не только не слѣдуетъ поручать воспитаніе сына графа Ростопчина, но его нельзя оставить съ мальчикомъ въ одной комнатѣ.

Несчастный французъ написалъ графинѣ: «Непредвидѣнныя обстоятельства не дозволяютъ мнѣ приняться за воспитаніе вашего сына».

Графиня очень сожалѣла, но дѣлать было нечего. Затѣмъ она выписала другого француза, Ружмона, не посовѣтовавшись съ Брокеромъ. Черезъ мѣсяцъ, однако, оказалось, что и этотъ никуда не годится. Его отослали. Когда Брокеръ уѣхалъ въ деревню, въ его отсутствіе снова пригласили Изара. Графиня увѣряла, что она взяла его на испытаніе, велѣла ему заниматься съ сыномъ ежедневно по три часа, назначила ему 10.000 рублей жалованья и поручила управлять имѣніемъ. Дѣла ея были въ страшномъ безпорядкѣ, она можетъ окончательно разориться черезъ годъ. Ее заставили продать вороновскій лѣсъ за безцѣнокъ.

Феликсъ и Лебланъ, французскіе слуги покойнаго

графа, проливаютъ слезы, видя, что ожидаетъ графиню. Этотъ Мальзербъ человѣкъ вполнѣ развращенный. Онъ находился въ открытой связи съ содержательницей пансіона. Отъ нея онъ имѣетъ дѣтей, но ослѣпленіе графини такъ велико, что она ему повинуется безпрекословно. Если Андрей не будетъ помѣщенъ въ лицей или въ пансіонъ въ Царскомъ Селѣ, мать окончательно испортитъ его какъ и старшаго сына. Это меня такъ огорчаетъ, что я рѣдко ее навѣщаю. Она очень холодна со всѣми друзьями ея покойнаго мужа. Андрей уменъ и все отлично понимаетъ.

— Изаръ не такой человѣкъ, чтобы оставаться при мнѣ,—сказалъ онъ мнѣ однажды. Графиня, послѣ смерти мужа, взяла у Брокера 36.000 рублей, и все это идетъ на аббата; столъ плохой; она почти ничего не тратитъ на личныя нужды Андрея. Въ настоящее время она требуетъ у Брокера деньги впередъ до сентября, намѣреваясь ѣхать въ Вороново».

24-го марта.

«Эта Ростопчина меня выводитъ изъ терпѣнія. Ея сынъ не чувствуетъ къ ней ни любви, ни страха, ни уваженія. На-дняхъ онъ замѣтилъ насчетъ M-lle Турнье (швейцарки, помѣщенной въ домъ аббатомъ Мальзербъ):—Эта потаскушка васъ обманываетъ, вамъ льститъ; я не могу выносить ея общества. Она можетъ быть развѣ только горничной; это лицемѣрка, которая постоянно говоритъ о Богѣ и религіи [1]). Графиня ей никогда не возражаетъ».

---

[1]) Моему отцу было тогда 12 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ. Л. Р.

29-го мая.

«Утверждають, что графиня подала жалобу въ гражданскій судъ. И такъ она рѣшила нарушить послѣднюю волю своего благодѣтеля—мужа, который въ теченіи 33-хъ лѣтъ заботился о ея счастьи. Воля умершихъ всегда и повсюду пользуется уваженіемъ. Завѣщаніе она не имѣетъ права уничтожить, такъ какъ оно совершено согласно всѣмъ требованіямъ закона самимъ графомъ, когда онъ былъ въ полномъ здоровьи. Она навлечетъ на себя большія непріятности. Меня возмущаетъ ея неуваженіе къ праху ея мужа. Дѣла приняли такой серьезный оборотъ, что Брокеръ долженъ прибѣгнуть къ защитѣ государя. Графиня желаетъ быть опекуншей, она требуетъ ключи отъ письменнаго стола, увѣряя, что ей необходимо сжечь нѣкоторыя бумаги. Но развѣ я не видѣлъ, какъ графъ на смертномъ одрѣ передалъ ключи не ей, своей женѣ, а Брокеру, говоря:—Ты здѣсь распорядитель; береги эти бумаги до совершеннолѣтія Андрея.—Затѣмъ, взявъ руку жены и положивъ въ руку Брокера, онъ прибавилъ:—Не оставляй жены послѣ моей смерти.—Это желаніе Брокеръ готовъ исполнить такъ же точно, какъ и остальныя приказанія покойнаго. Вопросъ о ключѣ послужилъ первымъ поводомъ къ ссорѣ. (Здѣсь повторяется разговоръ, приведенный раньше). Графиня запретила Андрею посѣщать Брокера, который живетъ въ томъ же домѣ. Развѣ это не обидно? Кому? Тому человѣку, котораго ея мужъ назначилъ опекуномъ. На чемъ основано такое запрещеніе? Развѣ Брокеръ негодяй? Развѣ онъ не примѣрный отецъ семейства? Не дѣлаетъ-ли ему честь

воспитаніе его дѣтей? Что сдѣлала графиня изъ своего старшаго сына? Негодяя, атеиста; дочь стала отступницей. Брокеръ все переноситъ безропотно. Она взяла у него 36.000 не для Андрея, а для отца Мальзерба. Теперь она забрала впередъ всѣ доходы до октября. Брокеръ исполнялъ всѣ ея желанія по совѣсти, но возможно ли допустить, чтобы графиня внушала своему сыну отвращеніе къ той религіи, въ которой онъ былъ окрещенъ? Она говоритъ о Филаретѣ непочтительно, называя священниковъ пьяницами; по ея мнѣнію нѣтъ спасенія помимо католичества. Можно-ли слушать равнодушно подобныя рѣчи? Теперь она затѣяла офиціальный искъ. Брокеръ будетъ вынужденъ открыть всю правду. Она постоянно повторяетъ: «Графиня Толстая не только сама перешла въ католичество, но и заставила своего сына Эммануила перемѣнить религію, однако, никто, даже самъ государь, не сказалъ ни слова противъ этого». На это я возразилъ Нарышкину, что это не можетъ служить достаточнымъ примѣромъ, что нельзя разыскивать нарушеній закона, но разъ они оказались, молчать не слѣдуетъ, особенно когда дѣло касается религіи. Я думаю, что все это кончится не въ ея пользу. Она никогда со мной не говорила о своихъ дѣлахъ; самъ я не желалъ бы касаться такого непріятнаго вопроса, но мнѣ, быть можетъ, удалось бы удержать ее отъ такого необдуманнаго поступка. Что касается бумагъ, она ихъ не увидитъ! Я совѣтовалъ Брокеру увезти ихъ съ собою въ деревню; это вѣрнѣе. Между ними есть одна очень важная, которую мнѣ графъ показывалъ. Извѣстно, что Павелъ намѣре-

валея судить императрицу Марію Θеодоровну въ Сенатѣ на основаніи ложныхъ подозрѣній. Графу было приказано составить указъ. Больной, страдавшій болѣзнью печени и безпомощный онъ написалъ очень рѣзкое письмо государю въ защиту государыни, увѣряя его, что подобнымъ поступкомъ онъ омрачитъ свою славу. Павелъ одобрилъ мнѣніе графа и подписалъ свое одобреніе на томъ же письмѣ, считая его въ этомъ отвѣтственнымъ. Этотъ фактъ остался никому неизвѣстнымъ, даже императрицѣ. Графъ не любилъ хвалиться благородствомъ своихъ чувствъ. Какъ передать такой документъ, чисто русскій, въ руки католиковъ и французовъ, окружавшихъ графиню?»

8-го іюня 1826 г.

«Графиня Ростопчина находится въ Вороновѣ, гдѣ она успѣла надѣлать много глупостей. Черезъ два года она останется безъ куска хлѣба. Графъ былъ отличный агрономъ, я знаю, что при управленіи Брокера одно масло давало 8.000 ежегоднаго дохода. Скотъ былъ превосходный. Графъ очень долго имъ занимался, равно какъ и земледѣліемъ. Она же собрала крестьянъ, прочла имъ наставленіе, согласилась замѣнить барщину подушной податью, назначивъ каждому платить по 23 рубля и продала лѣсъ за бездѣлицу, разсрочивъ платежъ на двѣнадцать лѣтъ. Она выгнала старика Шрама, вполнѣ честнаго человѣка, прослужившаго у графа двѣнадцать лѣтъ. Теперь великолѣпный скотъ распродается за безцѣнокъ. Однимъ словомъ, она поступаетъ какъ сумасшедшая. Да, она разоряетъ себя во-всю; когда-нибудь она вспомнитъ о своемъ мужѣ и о Брокерѣ, но къ чему тревожитъ она прахъ своего

супруга и благодѣтеля? Ея искъ въ судѣ принимаетъ неблагопріятный оборотъ; иначе и быть не можетъ. Но оставимъ эту послѣдовательницу іезуитовъ».

28-го октября 1826 г.

«Меня посѣтилъ молодой графъ Ростопчинъ, Сергѣй Ѳеодоровичъ, возвратившійся изъ-за границы. Онъ пробылъ у меня довольно долго, мы много толковали объ ихъ дѣлахъ и о враждебныхъ отношеніяхъ между его матерью и Брокеромъ. Онъ находитъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оба неправы. Не желая повторять то, о чемъ я не разъ писалъ, замѣчу, что онъ раздѣляетъ наше мнѣніе относительно своего брата, который окончательно испортится, оставаясь въ рукахъ матери. Она исполняетъ всѣ его фантазіи, и онъ съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе и болѣе непокорнымъ. Отъ неповиновенія и оскорбленій онъ переходитъ къ дракѣ; на-дняхъ онъ избилъ своего гувернера и чуть не выкололъ ему глазъ. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ мать не допускаетъ мысли дать право учителямъ наказывать ученика, когда это необходимо. Она такимъ образомъ балуетъ своего сына, чтобы воспользоваться его привязанностью и заставить его перемѣнить религію, которой онъ пока не имѣетъ. Графъ Сергѣй увѣряетъ, что онъ тщетно старался убѣдить мать; она отказывается допустить къ сыну православнаго священника. Графъ Сергѣй напрасно старался ей внушить, что она не въ состояніи воспитать своего младшаго сына, обучая его религіи, отъ которой она сама отреклась, что она такимъ образомъ поступаетъ противъ законовъ своего отечества и готовитъ себѣ много непріятностей. Она остается непоколебимой. Я вижу съ огорченіемъ, что Андрея ожи-

даетъ гибель. Его дядька Феликсъ, отличный человѣкъ, находящійся при немъ около десяти лѣтъ, сказалъ мнѣ:—Вы были другомъ покойнаго графа, вы бы пожалѣли его ребенка. Если онъ пробудетъ еще полгода въ такихъ условіяхъ, онъ окончательно погибнетъ. Я въ этомъ увѣренъ».

25-го октября.

«Брокеръ переходитъ на гражданскую службу съ званіемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ этимъ очень доволенъ. На основаніи доклада князя А. Н. Голицына князю Д. В. Голицыну, послѣдній велѣлъ Брокеру по приказу Его Величества [1]) оставить домъ Ростопчина, опечатавъ документы и имущество покойнаго графа».

26-го октября.

«Брокеръ долженъ немедленно оставить домъ Ростопчина. Если эта мѣра предпринята графиней (что весьма вѣроятно), я не понимаю, какую выгоду она отъ этого получитъ, въ виду того, что она съ нимъ болѣе не видается и ведетъ съ нимъ переговоры письменно.

Я съ удовольствіемъ узналъ, что графиня Протасова [2]) ей показала письмо князя Александра Николаевича Голицына (быть можетъ рескриптъ Его Величества), который ее предупреждаетъ, что ея младшій сынъ будетъ отнятъ у нея, что императоръ Николай въ знакъ уваженія къ памяти покойнаго графа, беретъ на себя воспитаніе ея сына. Дай Богъ, чтобы

---

[1]) На основаніи жалобы моей бабушки. В. М.

[2]) Его сестра или жена его двоюроднаго брата. Л. Р.

это скоро исполнилось. Графиня, пораженная этимъ извѣстіемъ сказала:—Я должна покориться, но я попрошу государя оставить мнѣ сына на нѣкоторое время.—Что вы этимъ выиграете?—замѣтила графиня Протасова?—Я желаю докончить его религіозное образованіе.—Но государь отнимаетъ у васъ сына именно для того, чтобы этого не допустить.

Что касается сына, онъ очень доволенъ, жалуясь на скуку, которую онъ испытываетъ при чтеніи житій святыхъ, къ чему мать его принуждаетъ ежедневно. Вотъ до чего дошла эта сумасшедшая. Еслибъ она все оставила по-прежнему, она бы получала до 50,000 дохода. Она уничтожила въ Вороновѣ порядки, введенные графомъ и Брокеромъ, распродавъ весь скотъ и замѣнила барщину подушной податью. Она не сумѣла во время отдать въ аренду великолѣпныя орловскія земли и останется безъ гроша. Имѣя при себѣ сына, она постоянно требуетъ денегъ, какъ бы для него; теперь у нея не будетъ этого предлога. Это она поняла и замѣтила:—Я доведена до крайности; мнѣ придется нанять небольшой домикъ и ограничить свои расходы. Кто въ этомъ виноватъ?»

10-го ноября 1826 г.

«Жена Брокера опасно заболѣла, что замедлило отъѣздъ семьи изъ дома Ростопчина. На это графиня подала жалобу въ полицію[1]), хотя она знала о причинѣ замедленія.

Полиція объявила Брокеру, что двери и окна его

---

[1]) Это даетъ понятіе о терпимости и милосердіи католиковъ. Л. Р.

помѣщенія будутъ сняты, если онъ немедленно не выѣдетъ! Семья тотчасъ-же выѣхала, оставила всѣ вещи, и нашла пріютъ у Шафронскихъ. Если этому научаетъ хваленая католическая религія, да сохранитъ насъ Богъ отъ нея! Наша религія научаетъ насъ терпѣнію, милосердію, прощенію обидъ, тогда какъ графиня выгоняетъ изъ дому бѣдную женщину съ девятью дѣтьми на рукахъ, мужъ которой доставилъ графу сбереженіе въ 800,000 рублей, что я самъ слышалъ отъ графа. И вотъ какова благодарность, доброта и «святость» графини! Говорятъ, что она увозитъ своего сына въ Петербургъ. Эта женщина сократила дни своего мужа, сдѣлала изъ старшаго сына негодяя, приготовляя его въ іезуиты и та-же судьба ожидаетъ второго. Имѣя 50,000 руб. вѣрнаго дохода, она разорилась въ одинъ годъ, между тѣмъ, Брокеръ, отложилъ 180,000 рублей для маленькаго Андрея. И она требуетъ, чтобъ Брокера лишили управленія имѣніемъ, поручивъ все ей одной. Она хорошо распорядится, какъ въ Вороновѣ, гдѣ теперь царствуетъ настоящая республика. Она хочетъ просить государя принять часть ея имѣнія въ казну, назначивъ ея ежегодный доходъ въ 40,000 рублей. Такимъ образомъ съ одной стороны она намѣрена управлять сама имѣніемъ своего сына, съ другой она объявляетъ себя неспособной распоряжаться собственнымъ имуществомъ».

13-го ноября 1826 г.

«Г-жа де-Сегюръ послала Брокеру изъ Парижа печатное мнѣніе одного адвоката, желающаго доказать,

что 380,000, утраченныхъ послѣ банкротства Ливіо [1]) должны быть возвращены изъ капитала малолѣтняго Андрея. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы подобные законы существовали во Франціи. Когда Андрей достигнетъ совершеннолѣтія, онъ имѣетъ право передать все свое состояніе своей сестрѣ, но опекуны не могутъ распоряжаться ни одной копѣйкой. Ливіо переслалъ векселя въ Парижъ; графа извѣстили, что его дочь получитъ деньги, и онъ умеръ съ этой увѣренностью. Кто виноватъ, что семья де-Сегюръ пожелала получить лишь 50,000 фр., оставивъ остальной капиталъ безъ удостовѣренія у Ливіо до его банкротства. Почему требовать уплаты отъ Андрея, а не отъ старшаго брата или отъ графини Ростопчиной? Это несправедливо. Мы не принимаемъ этихъ доводовъ, но адвокатъ затѣялъ дѣло. Россія имѣетъ свои собственные законы, какое ей дѣло до мнѣній парижскаго адвоката? Послѣдній смѣетъ говорить:—Во Франціи этотъ законъ утвержденъ давностью, и онъ обязателенъ для каждой страны, гдѣ существуетъ правосудіе и справедливость и пр.—Я нахожу, что нелѣпость требованій г-жи де-Сегюръ не имѣетъ основанія ни по закону, ни по справедливости [2])».

Здѣсь я долженъ сдѣлать отступленіе, чтобъ оправдать память моего отца, освободивъ его отъ неспра-

---

[1]). Извѣстный банкиръ въ Москвѣ, которому было поручено передать графинѣ де-Сегюръ капиталъ подаренный ей отцомъ по смерти дочери Лизы.

[2]) Замѣтка Бартенева въ „Русскомъ Архивѣ.“ Покойный графъ Андрей Ѳеодоровичъ, насколько мнѣ извѣстно, выплатилъ эти деньги своей сестрѣ при своимъ совершеннолѣтіи“.

ведливыхъ обвиненій, укоренившихся въ семьѣ моей тетки, гдѣ его упрекали въ томъ, что онъ разорилъ племянника. Въ знаменитыхъ папкахъ, найденныхъ въ Нуэтѣ, находились письма моей кузины де-Питрэ, которыя она дозволила мнѣ переписать. Тамъ было послѣднее письмо, написанное моимъ дѣдомъ своей дочери. Въ немъ упоминалось о денежныхъ дѣлахъ въ выраженіяхъ довольно печальныхъ для графини де-Сегюръ. Это письмо такъ вѣрно передаетъ характеръ моего дѣда, что я не могу не привести его.

«Я получилъ твое письмо, дорогая Соня. Если ты недовольна моимъ настроеніемъ, то я тѣмъ болѣе. Ограничиваясь объясненіемъ, я не намѣрена возвращаться къ этому вопросу. Цѣлую тебя и считаю дѣло поконченнымъ. Но ты не можешь себѣ представить, какъ меня раздражаетъ мысль о корыстныхъ чувствахъ въ людяхъ, которыхъ я уважаю. Что касается меня, это мнѣ непостижимо. Я всегда имѣлъ отвращеніе къ деньгамъ, къ подлостямъ и къ клеветѣ. Вотъ почему въ теченіе 43 лѣтъ, какъ я вращаюсь въ свѣтѣ, я не нашелъ возможности относиться съ неизмѣннымъ уваженіемъ ни къ кому, кромѣ двухъ людей: къ Головину и Цiціанову».

Моя бабушка, искренно любившая эту дочь, тоже дѣлала ей горькіе упреки.

Когда отцу исполнилось 16 лѣтъ, эта сестра, старше его на 16 лѣтъ, обратилась къ нему съ просьбой возвратить ей 380.000 фр. въ виду ея большого семейства. Мой отецъ отвѣчалъ по рыцарски, обѣщая исполнить ея просьбу, когда вступитъ во владѣніе, и сдержалъ свое слово. Но по справедливости семья

де-Сегюръ потерявши право требовать эти деньги, отказавшись уплатить 20.000 фр. пошлинъ. Иначе деньги были бы имъ уплочены послѣ объявленія о несостоятельности, о которой много говорили въ Москвѣ. Такъ какъ фактъ о великодушномъ пожертвованіи 380.000 фр., о которомъ я никогда не говорила изъ естественной деликатности, остался неизвѣстнымъ семьѣ де-Сегюръ, то я упоминаю объ этомъ, спрашивая, могъ ли человѣкъ настолько великодушный лишить племянника наслѣдства, которое ему бы досталось, если бы имъ не завладѣла семья матери? Я сохраняю копіи всѣхъ этихъ писемъ и печатное мнѣніе адвоката. Уважая память покойной тетки де-Сегюръ, я бы не упоминала объ этомъ печальномъ дѣлѣ, если бы меня къ этому не побуждало чувство дочерней любви. Мой отецъ отличался тяжелымъ характеромъ вслѣдствіе плохого воспитанія, даннаго ему матерью, но онъ былъ великодушенъ до расточительности. Совершенно невѣроятно, сколько онъ роздалъ денегъ своимъ друзьямъ; подарки, которые онъ дѣлалъ своимъ племянникамъ и племянницамъ, можно назвать княжескими. Когда старшая дочь его сестры Наталіи вышла замужъ за барона де-Маларэ, графъ ей подарилъ бирюзовое ожерелье въ 25,000 фр.

Письмо Булгакова отъ 30-го ноября 1826 г.

«Брокеръ былъ у меня. Онъ мнѣ показалъ странное письмо, полученное имъ отъ графини. Она извѣщаетъ его, что ѣдетъ въ Петербургъ съ сыномъ, котораго государь принялъ въ число пажей (слава Богу!). Замѣть, подражая баронессѣ Крюднеръ, она совѣту-

етъ ему молиться о спасеніи своей души и кончаетъ просьбой о деньгахъ. Она жалуется, что Брокеръ исполняетъ лишь тѣ приказанія покойнаго графа, которыя ему нравятся: такъ, напр., онъ выплачиваетъ пенсію въ 2000 рублей, назначенную Метаксѣ и не посылаетъ графинѣ де-Сегюръ 20,000, оставленныхъ ей по завѣщанію. Въ этомъ графиня ошибается. Брокеръ всегда подтверждалъ, что необходимо выслать эти деньги на имя де-Сегюръ. Но такъ какъ дворянская опека во все вмѣшивается, Брокеръ не можетъ отъ себя отправить эти деньги, какъ онъ это дѣлалъ раньше, до опеки. Графиня въ своемъ письмѣ льститъ Брокеру. Но теперь поздно. Она перепутала карты и сразу разорилась. Крестьяне въ Вороновѣ бунтуютъ, отказываясь платить и повиноваться».

2-го декабря 1826 г.

«Масальскій передаетъ, что, по словамъ князя А. Н. Голицына, государь не раздѣляетъ мнѣнія графини насчетъ лицея, изъ котораго будто бы выходятъ одни негодяи[1]). Не желая, однако, ей противорѣчить, Его Величество приказалъ помѣстить ея сына въ пажескій корпусъ. Я очень радъ, что Андрей не будетъ учиться въ одномъ заведеніи съ моимъ сыномъ Константиномъ. Дружба отцовъ переходитъ къ дѣтямъ, но благодаря своей матери, Андрей страшно избалованъ. Съ нимъ трудно будетъ справиться. Съ первыхъ же дней необходимо держать его строго».

---

[1]) Трудно себѣ представить Императора Николая Павловича выслушивающимъ этотъ отзывъ о томъ, что онъ считалъ благодѣяніемъ съ своей стороны.

8-го января 1827 г.

«Метакса въ большомъ огорченіи. Княжна Голицына, племянница графини, дѣлами которой онъ завѣдываетъ, поступила въ монастырь, во Франціи. Она увезла съ собой 60,000 рублей, которые надо вычитать въ теченіе семи лѣтъ съ доходовъ; затѣмъ ея имѣнія отойдутъ братьямъ. Вся эта семья переходитъ къ католичество».

9-го мая 1827 г.

«Графиня оставила домъ на Лубянкѣ и переселилась въ домъ Карасса рядомъ съ домомъ Масальскать ея въ домъ. Графинѣ внушили мысль, выкуберетъ на себя отвѣтственность. Графиня надѣлала много глупостей, и послѣдствія окажутся пагубны. Она попала въ руки Крюкова или скорѣе въ руки его жены (отъявленной мошенницы, хотя она родственница Лонгинова). Графъ Ѳеодоръ не велѣлъ пускать ея въ домъ [1]) Графинѣ внушили мысль, выкупить векселя графа Сергѣя. Я знаю, что одному изъ моихъ друзей предлагали за 6000 рублей вексель въ 3000 руб. выданный графомъ Сабурову. Теперь заставили графиню купить этотъ вексель за 14,000 руб. Она воображаетъ, что это дѣло выгодное, тогда какъ это лишь простая спекуляція ея совѣтниковъ. Предводитель дворянства увѣряетъ, что никогда еще не видалъ такихъ удовлетворительныхъ отчетовъ, какъ тѣ, которые представилъ Брокеръ при управленіи дѣлами малолѣтняго. — Намъ никогда еще не приходилось встрѣтить такого порядка, такой заботливости объ интересахъ малолѣтнихъ не только у опекуновъ, но даже и у родителей».

Завидово. 14-го марта 1826 г.

«Я встрѣтился съ графиней въ Миднѣ, когда она ѣхала въ Петербургъ. Она доѣхала сюда изъ Москвы въ 58 часовъ. Правда, ея дорожная карета—настоящій домъ».

28-го марта.

«Брокеръ только что былъ у меня. Графиня, или вѣрнѣе ея повѣренный, Крюкова, представила жалобу, полную клеветы, на Брокера. Въ ней стараются доказать плохое управленіе человѣка, который въ два года успѣлъ сдѣлать сбереженіе въ 180,000 рублей, Графиня, устраненная отъ опеки по рѣшенію Комитета Министровъ, требуетъ, чтобъ вмѣсто Нарышкина назначили князя Масальскаго, круглаго дурака. Брокеръ долго бесѣдовалъ съ княземъ Д. В. Голицынымъ, который увѣрялъ, что покойный графъ Ѳеородъ Васильевичъ умеръ безбожникомъ, не приходя въ сознаніе, отъ чрезмѣрнаго употребленія шампанскаго. Брокеръ отвѣчалъ:—Графъ пилъ сельтерскую воду съ небольшимъ количествомъ шампанскаго. 27-го декабря онъ соборовался, исповѣдовался и причастился и, простившись со всѣми, умеръ 18-го января.—Что касается его невѣрія, оно было такого рода, что Брокеръ могъ только пожелать для себя и для князя такой-же христіанской кончины.—Князь возражалъ съ удивленіемъ:—А я слышалъ все отъ князя Масальскаго, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, присутствовавшаго при его кончинѣ. —Потрудитесь, князь, разспросить Булгакова, —отвѣчалъ Брокеръ; графъ умеръ на нашихъ рукахъ. Г. Булгаковъ провелъ двадцать двѣ ночи возлѣ больного, онъ можетъ подтвер-

дить, что князь Масальскій не посѣщалъ графа, такъ какъ графъ, несмотря на просьбы графини, съ ноября мѣсяца запретилъ князю являться, зная, насколько онъ боится больныхъ и умирающихъ.

«Вотъ, другъ мой, подлые навѣты, которыми преслѣдуютъ память графа; и кто ихъ измышляетъ? Его собственная жена, которую онъ осыпалъ своими благодѣяніями: все это исходитъ отъ нея. Я жалѣю Лонгинова [1]) ему приходится играть жалкую роль, что признаетъ и Дворянская Опека. Крюковъ вездѣ жаловался, что его не допускаютъ къ больному, тогда какъ, насколько я знаю, графъ будучи здоровымъ, принималъ его неохотно и запретилъ принимать его жену. Твердость, честность и безкорыстная преданность Брокера къ покойному графу заслуживаютъ уваженія. Все это кончится плохо для графини, такъ какъ ложь рано или поздно обнаружится. Если меня спросятъ, я готовъ утверждать истину подъ присягой. Вотъ чему научаетъ католическая религія! Гдѣ же христіанское человѣколюбіе, милосердіе, терпимость, благодарность и уваженіе къ памяти умершихъ? Мнѣ тяжело говорить объ этомъ».

27-го октября 1828 г.

«Отправляюсь къ Брокеру сообщить ему, что его процессъ съ гр. Ростопчиной рѣшенъ въ его пользу въ Сенатѣ. Мой тесть [2]) мнѣ это сообщилъ по секрету».

---

[1]) Двоюродный братъ графа, женатый на княжнѣ Черкаской. Его братъ Николай былъ женатъ на Крюковой. Л. Р.

[2]) Князь Хованскій.

25-го марта 1829 г.

«Я не успѣлъ повидать Брокера, который заболѣлъ. Метакса говоритъ, что онъ очень слабъ. Дѣло Ростопчиной его ужасно тревожитъ. Спасибо Волкову; онъ просилъ Бенкендорфа объяснить дѣло министру юстиціи, который его направилъ къ князю Лобанову; послѣдній принялъ сторону Брокера противъ заключенія седьмого департамента. Въ настоящее время враждебная сторона старается кончить дѣло миромъ, на что Брокеръ согласенъ».

10-го мая.

«Мой тесть мнѣ сообщилъ, что процессъ Брокера былъ встрѣченъ благосклонно въ общемъ собраніи. Всѣ присоединились къ этому мнѣнію. Я тотчасъ отправился къ Адаму Ѳомичу, чтобъ его утѣшить и успокоить! Вотъ человѣкъ, который старается, хлопочетъ о выгодахъ малолѣтняго, умножаетъ его капиталъ и вмѣсто благодарности ему угрожаютъ лишить его собственнаго имущества изъ-за того, что, сумасшедшая Ростопчина увѣряетъ бездоказательно, будто Брокеръ продалъ хлѣбъ и присвоилъ себѣ плату. И это, когда Брокеръ представилъ расписку за подписью графа, что плата имъ получена. Это поистинѣ безчеловѣчно! Князь Дмитрій Владиміровичъ сначала повѣрилъ и преслѣдовалъ Брокера. Мой тесть по этому поводу объяснялся съ нимъ у Небольсина:—Что вы думаете, князь, о Александрѣ Булгаковѣ?—Что онъ человѣкъ добрый, умный и честный.—Въ такомъ случаѣ, разспросите его объ этомъ дѣлѣ, оно ему хорошо знакомо.—Оно мнѣ тоже знакомо по словамъ

человѣка вполнѣ освѣдомленнаго.—Нѣтъ, вамъ объ этомъ говорилъ презрѣнный лгунъ Масальскій.

При этомъ полицеймейстеръ предупредилъ моего тестя, что кн. Масальскій играетъ въ карты въ сосѣдней комнатѣ. Но князь Хованскій продолжалъ:—Позовите его сюда, я ему скажу въ глаза, что онъ лгунъ и низкій клеветникъ. Дай Богъ вамъ, князь, управлять собственнымъ имѣніемъ, какъ Брокеръ управляетъ имуществомъ малолѣтняго. Однако, вы, не узнавъ дѣла, преслѣдуете честнаго человѣка.—Князь смутился и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, желая избѣгнуть непріятностей. Я находился въ сосѣдней комнатѣ и слышалъ только шумъ. Жихаревъ меня разыскалъ и сообщилъ, что произошло. Князь Дмитрій Владиміровичъ поступилъ необдуманно. Я радъ, что правда восторжествовала, и поспѣшилъ успокоить Брокера. Мой тесть любилъ говорить откровенно; но на этотъ разъ онъ поступилъ какъ настоящій сенаторъ; двое изъ нихъ Озеровъ и Яковлевъ держались противуположнаго мнѣнія. Всѣ остальные раздѣляли мнѣніе моего тестя, т.-е. говорили въ пользу Брокера.

Глава IX.

Пажескій корпусъ--Материнское вліяніе сказывается.—Поддѣлка цифръ.—Завтракъ лошади.—Польская невѣста.—Снѣговой футляръ.—Московскій Картушъ.—Яблочко отъ деревца не далеко падаетъ.—Коллекціи Балтійскаго моря.—Картины графа де Морни.—Школьныя продѣлки надъ Императоромъ Николаемъ I.

Принужденная подчиниться волѣ государя, графиня Ростопчина, оставивъ сына въ Петербургѣ, возвратилась въ Москву. Булгаковъ говорилъ, что на будущее время она можетъ свободно отдаться своей новой религіи и даже сдѣлаться «кухаркой папы». Къ несчастью для ея сына два послѣднихъ года, проведенныхъ съ нею въ самое рѣшительное время нравственнаго развитія, наложили на него неизгладимую печать, которая не исчезла, но лишь усилилась со временемъ. Видя, что мать исполняетъ всѣ его прихоти, графъ съ раннихъ лѣтъ привыкъ распоряжаться людьми и обстоятельствами. Освободившись отъ благодѣтельнаго надзора и вліянія Брокера, избалованный раболѣпными льстецами, его окружавшими и постоянно напоминавшими ему о его будущихъ богатствахъ, онъ рано сталъ разсчитывать на будущее.

Здѣсь мнѣ приходится перервать біографію бабушки, чтобъ говорить о жизни ея сына, тѣсно связанной съ ея собственной. Моя бабушка — главное лицо въ

картинѣ прошлаго. Необходимо описать ея семью и среду, ее окружавшую, чтобъ лучше освѣтить личность этой мрачной героини. Мой отецъ тоже принадлежитъ исторіи, и современныя мемуары часто о немъ упоминаютъ. Ради него я должна указать, до чего ослѣпленіе матери могло испортить существованіе человѣка, котораго ожидала блестящая будущность. Покровительство государя Николая могло доставить возможность сыну графа Ѳеодора, человѣку хорошо одаренному отъ природы и великодушному, создать себѣ положеніе, достойное своего отца, и принести пользу отечеству по мѣрѣ силъ своихъ. У молодого человѣка не было недостатка въ смѣлости и хорошихъ побужденіяхъ, но онъ не умѣлъ повиноваться и сообразовать свои поступки съ обстоятельствами.

Въ 1830 году, не имѣя еще 16 лѣтъ, онъ дѣлалъ издержки, которыми пользовались льстецы,—зловредное племя, окружавшее богатаго ребенка съ колыбели и сопровождавшее графа Андрея до поворота его карьеры. Растративъ 40,000 фр. на удовольствія во время пребыванія въ школѣ, онъ потребовалъ еще 60,000 при выходѣ изъ пажескаго корпуса, который ему пришлось оставить, не окончивъ курса.

Для поступленія на военную службу надо было достигнуть 16-лѣтняго возраста. Директоръ заведенія, обсуждая этотъ вопросъ съ своимъ ученикомъ, имѣлъ неосторожность (?) оставить его одного передъ его метрическимъ свидѣтельствомъ, гдѣ былъ означенъ день его рожденія, 13-го октября 1813 года. Взять ножичекъ, подчистить цифру 3 и замѣнить ее

цифрой два, было минутнымъ дѣломъ. Вернувшись въ канцелярію, догадливый чиновникъ встрѣтилъ ученика, состарившагося на цѣлый годъ. Передъ этимъ чудомъ онъ не могъ отказать ему въ отпускѣ. Эта подпись доставила директору тройку великолѣпныхъ лошадей изъ конюшень Воронова, предложенныхъ ему благодарнымъ ученикомъ, который любилъ разсказывать этотъ «анекдотъ».

Освободившись отъ ученья, не встрѣтивъ возраженія со стороны матери, графъ Андрей поступилъ въ кирасирскій полкъ, расположенный въ Гатчинѣ, близъ Петербурга. Въ декабрѣ онъ снова потребовалъ у Брокера 50,000. Послѣдній не могъ согласиться по условіямъ завѣщанія. Но онъ долженъ былъ покориться и выдать эту сумму, обѣщанную другу. Съ этого дня число просьбъ стало возрастать.

Къ этому времени относится одинъ анекдотъ, доказывающій, насколько были вѣрны предсказанія Булгакова и Брокера. До поступленія въ полкъ мой отецъ находился на попеченіи Лонгинова, жена котораго была извѣстна своимъ непріятнымъ характеромъ. Ея несчастный супругъ, терпѣливый и добродушный, наконецъ выходилъ изъ терпѣнія. Потрясая громаднымъ кулакомъ, который никогда не рѣшился бы пустить въ ходъ, онъ кричалъ, выражаясь ломанымъ французскимъ языкомъ: «Жена, вотъ кулакъ и вотъ дверь».

Г-жа Лонгинова, замѣтивъ однажды, что ея молодой воспитанникъ, сидя на лошади, кушаетъ клубнику (дѣло было зимой), угощая ею своего коня, открыла окно и стала кричать, что грѣшно кормить

животное такимъ дорогимъ угощеніемъ. Отецъ мой немедленно послалъ къ Елисееву купить цѣлое блюдо клубники, заплативъ за него бездѣлицу, 75 рублей. Онъ любезно предложилъ это угощеніе своему коню, который принялъ его скорѣе изъ послушанія, чѣмъ изъ удовольствія.

Лѣтомъ графъ Андрей отправлялся на берегъ пруда близъ дворца; тамъ, растянувшись на травѣ съ денщикомъ, державшимъ мѣшокъ, наполненный серебряными рублями, онъ кидалъ монеты въ воду, забавляясь при видѣ людей, нырявшихъ въ прудъ въ поискахъ за драгоцѣнной находкой.

Семнадцати лѣтъ графъ Андрей влюбился въ польку, сынъ которой служилъ въ томъ же полку. Онъ добился у матери позволенія жениться на предметѣ своей страсти довольно зрѣломъ. Въ глазахъ графини Екатерины сорокалѣтняя католичка имѣла преимущество передъ молодой дѣвушкой православнаго исповѣданія. Быть можетъ, она въ этомъ видѣла тайное покровительство св. Іосафата Кунцевича и Игнатія Лойолы. Увы! добрые люди не разсчитали! Когда несообразный бракъ былъ рѣшенъ, офицеры полка съ общаго согласія явились и разсказали своему товарищу скандальныя подробности о нареченной. Въ эту минуту онъ имъ показывалъ семейные бриллiанты, которые онъ желалъ приподнести невѣстѣ. Ошеломленный этими подробностями, немного запоздавшими, графъ Андрей схвативъ футляръ, бросилъ его на полъ, растопталъ ногами содержимое и выбросилъ осколки за окно. Товарищи бросились поднимать бриллiанты, исчезавшіе въ грудахъ снѣга, нагроможденныхъ вокругъ дома.

Этотъ фактъ, слышанный мною отъ матери, былъ подтвержденъ свидѣтелемъ сцены, генералъ-адъютантомъ Григоріемъ Гогелемъ, бывшимъ товарищемъ моего отца въ пажескомъ корпусѣ. Отъ него я тоже узнала анекдотъ о клубникѣ, котораго онъ былъ очевидцемъ. Этотъ человѣкъ не былъ способенъ лгать, онъ исполнялъ должность дядьки при сыновьяхъ Александра II и умеръ въ званіи губернатора Царскаго Села. Я нерѣдко посѣщала эту семью; его жена была дочь генерала Степового.

По поводу этихъ семейныхъ бриллiантовъ, погребенныхъ въ снѣгу, я кстати разскажу объ ихъ несчастномъ исчезновеніи.—Эти алмазы ранѣе служили украшеніемъ разныхъ табакерокъ, дарованныхъ различными государями. Табакерка присланная австрійскимъ императоромъ во времена Суворова, цѣнилась въ 75,000 франковъ. Алмазы были украдены самымъ постыднымъ образомъ. Мой отецъ, нуждаясь въ деньгахъ, чтобъ меблировать великолѣпный домъ Небольсина, купленный имъ на Садовой, заложилъ алмазы у одного московскаго антикварія В. К., который охотно давалъ ссуды за проценты. Мы уже успѣли продать этотъ домъ княгинѣ Щербатовой и жили на Спиридоновкѣ въ домѣ Рахманова, когда отецъ призвалъ однажды В. К. и передалъ ему деньги. В. К. пересчитавъ аккуратно деньги, взялъ назадъ принесенный футляръ, положилъ его въ карманъ, раскланялся и направился къ дверямъ.—Какъ! воскликнулъ отецъ.—Гдѣ-же росписка?—Что-же вы ее заранѣе не потребовали?—гордо отвѣчалъ образцовый плутъ, поспѣш-

но удаляясь. Я помню, что отецъ, весьма озадаченный, пришелъ разсказать матери объ этомъ.

— Какъ! Ты не велѣлъ его задержать? Улика была на лицо, такъ какъ онъ уноситъ деньги.

Оставалось пожаловаться генералъ-губернатору, но отсутствіе свидѣтелей вызвало затрудненіе. В. К. сталъ бы смѣло отрицать; отецъ не желалъ доводить дѣло до суда. Алмазы были потеряны безвозвратно.

Послѣ смерти этого московскаго Картуша его сынъ продолжалъ торговлю. Это былъ молодой человѣкъ очень образованный для своего времени; отецъ, любившій коллекціи, посѣщалъ его магазинъ. Онъ довѣрился новому владѣльцу. Великолѣпный домъ былъ проданъ, коллекція картинъ покоилась въ ящикахъ; мой отецъ рѣшилъ отправить большую часть картинъ въ Парижъ въ Hôtel des Ventes на аукціонъ. Симпатичному В. К. поручили отправить картины. Напрасно моя мать требовала застраховать драгоцѣнную посылку. Отецъ не сомнѣвался въ честности В. К., утверждая, что онъ добросовѣстнѣйшій человѣкъ, что пословица «яблоко отъ деревца» и пр. не оправдается, и что онъ не желаетъ оскорблять честнаго человѣка требованіемъ страхованія.

Лѣто мы по обыкновенію проводили въ Вороновѣ; картины плыли по Балтійскому морю, столько разъ измѣнявшему путникамъ. На этотъ разъ оно снова напроказило. Выйдя въ открытое море, корабль увлекаемый вѣтромъ, по словамъ В. К., къ несчастью сѣлъ на мель. Вода, набравшаяся въ трюмѣ, затопила грузъ. Едва удалось спасти нѣсколько ящиковъ изъ коварной стихіи — оправдавшей свое названіе.

Моего отца пригласили получить спасенное отъ кораблекрушенія. Онъ уѣхалъ, покаявшись передъ матерью, смущенный и униженный. Я читала его письмо, гдѣ онъ говоритъ о своихъ впечатлѣніяхъ при видѣ ящиковъ, доставленныхъ на таможню. Картины ударялись о стѣнки ящиковъ. Балтійское море, хитрое и коварное, успѣло отобрать картины, сохранивъ для себя самыя лучшія. Но по своей безпечности,—что довольно странно для такой почтенной особы,—оно вновь заколотило ящики, перемѣшавъ рамки различной величины. Несчастный В. К. рвалъ на себѣ волосы—прекрасныя, русыя кудри... «Какая бѣда! и не застрахованы! какая безпечность!»

Обокраденный этой семьей, мой отецъ распродалъ по дешевой цѣнѣ остатки кораблекрушенія въ Петербургѣ. Позднѣе на коронаціи Александра II онъ былъ пріятно удивленъ, увидавъ свои лучшія картины въ салонахъ графа Морни.

— Это мой Вуверманъ!—воскликнулъ онъ передъ картиной, изображавшей телѣжку съ сѣномъ,—одной изъ лучшихъ знаменитаго художника.—А это мой Ватто! Откуда вы ихъ взяли?—Я за нихъ заплатилъ не мало денегъ,—отвѣчалъ Морни,—и купилъ ихъ съ молотка. Дѣйствительно, «Танецъ» Ватто—одно изъ лучшихъ произведеній великаго художника, которыя цѣнятся на вѣсъ золота. В. К. оказался опытнымъ въ этомъ дѣлѣ.

Теперь намъ надо вернуться къ тому времени, когда молодой князь Андрей безумно тратилъ деньги, бросая ихъ въ окно и внушая серьезныя опасенія старымъ друзьямъ своего отца. Когда послѣдніе умоляли

графиню воспользоваться материнской властью, она имъ холодно отвѣчала:—Мой мужъ нашелъ нужнымъ лишить меня моихъ правъ, устранивъ меня отъ участія въ воспитаніи моего сына. Пусть всѣ безумства, имъ совершаемыя, падутъ на память его отца. Отъ нихъ я омываю себѣ руки!—Пилатъ тоже омывалъ себѣ руки... Всѣ слышавшіе эти ужасныя слова разсказывали съ негодованіемъ, что графиня ихъ произносила съ плохо скрываемой радостью. Не заботясь о будущности сына, она лишь думала о возмездіи, постигшемъ ея мужа на томъ свѣтѣ за то, что онъ устранилъ ее отъ ея призванія. Быть можетъ, молитвы отца избавили графа Андрея отъ страшнаго вліянія подобнаго воспитанія: его убѣжденія отъ послѣдняго не пострадали, благодаря отцовской наслѣдственности; онъ остался честнымъ и преданнымъ своему отечеству, которое любилъ вопреки примѣру со стороны матери. Его недостатки вредили лишь ему и его окружающимъ. Вспыльчивый и увлекающійся отъ природы, онъ вздумалъ итти на перекоръ самому государю Николаю. Когда по приказанію государя, неумолимаго къ проступкамъ противъ дисциплины и къ небрежности въ военной формѣ, неугомоннаго воспитанника сажали подъ арестъ на гауптвахту, виновный, подкупивъ сторожей, уѣзжалъ въ Петербургъ. Тамъ, переодѣвшись въ статское платье, съ наклееной бородой, онъ важно являлся въ Михайловскій театръ, занимая литерную ложу. Государь, часто посѣщавшій французскій театръ, занималъ ложу на аванъ-сценѣ. Его орлиный взглядъ сразу узнавалъ офицера въ статскомъ; подзывая дежурнаго адъ-

ютанта, государь отдавалъ приказаніе. Но графъ Андрей, всегда на сторожѣ, быстро исчезалъ и скакалъ въ Гатчину на удалой тройкѣ. Игра была интересна, такъ какъ охота велась грознымъ самодержцемъ.

Когда царскій посланный, еле переводя духъ, являлся на гауптвахту, въ Гатчину, онъ всегда находилъ виновника спящимъ глубокимъ сномъ.

Эти продѣлки, повторявшіяся не разъ, наконецъ, надоѣли государю и вел. кн. Михаилу, главнокомандующему, котораго ловкія шутки всегда обезоруживали. Чувствуя, что эти продѣлки кончатся плохо, мой отецъ вышелъ въ отставку, которую ему дали охотно. Ему было 19 лѣтъ, но на видъ ему можно было дать лѣтъ 30, такъ какъ онъ потерялъ волосы. Веселая жизнь его утомила и наскучила ему. Рѣшивъ ее перемѣнить и вступить въ бракъ, онъ уѣхалъ въ Москву.

Глава X.

Графиня Евдокія Ростопчина.—Ея характеристика, данная княземъ Александромъ Мещерскимъ.—Ея доброта.—Неблагодарность московскихъ писакъ.—Фаланстерій въ домѣ Пашковыхъ.—Противодѣйствіе поэтическому призванію.— Заблужденіе относительно возраста.—Бракъ.

Невидимая цѣпь человѣческаго существованія, представляющаяся моимъ взорамъ, уходя въ прошлое, заставляетъ меня остановиться и указать на событія большой важности: на бракъ моего отца. Новый образъ возникаетъ передо мною въ этихъ снимкахъ, отпечатокъ которыхъ сохраняется въ нашемъ мозгу до самой смерти. Я такъ проникнута священнымъ воспоминаніемъ о моей матери, что чувствую невольный трепетъ при одномъ намѣреніи говорить съ ней, и, можетъ быть, не все передамъ, какъ слѣдуетъ. Я знаю: меня, какъ внучку, могутъ осуждать люди, ставящіе узы родства выше требованій истины и справедливости. Пусть они меня обвиняютъ какъ дочь, не сумѣвшую вѣрно изобразить портретъ матери!

Представивъ отчасти несимпатичную и холодную личность моей бабушки, я прошу позволить мнѣ от-

дохнуть немного передъ свѣтлымъ образомъ моей матери, олицетвореніемъ добра и красоты. Она была одной изъ главныхъ жертвъ графини Екатерины, и ей принадлежитъ мѣсто въ исторической галлереѣ прошлаго. Мнѣ едва минуло 20 лѣтъ, когда я имѣла несчастье ея лишиться. Это печальное воспоминаніе такъ же живо сохранилось въ моей памяти, какъ въ первый день горестной утраты. Много лѣтъ спустя я не въ силахъ была произнести ея имя, не чувствуя при этомъ жгучей боли. Даже и теперь, давно изсякшія слезы выступаютъ у меня на глазахъ, когда ея дорогой и священный образъ встаетъ передо мной.

Князь Александръ Васильевичъ Мещерскій очень удачно изобразилъ ея портретъ.

«Въ 1841 г. во время моего пребыванія въ Ревелѣ и Гельсингфорсѣ я былъ представленъ г-жѣ Аврорѣ Демидовой [1]) у графа Армфельдъ. Тамъ я встрѣтилъ также графиню Евдокію Ростопчину, нашу знаменитую поэтессу. Ей было около 25 лѣтъ [2]). Она была очень жива и остроумна. Ея разговоръ напоминалъ настоящій фейерверкъ. Я помню, что при нашемъ первомъ знакомствѣ я былъ ослѣпленъ и очарованъ ея блестящимъ умомъ, сверкавшимъ какъ неизсякаемый источникъ.

Блескъ ея ума могъ только поспорить съ блескомъ

[1]) Урожденной баронесѣ Шернваль-Валенъ финляндскаго происхожденія, бывшей замужемъ за богачемъ Демидовымъ, братомъ князя Анатолія Демидова С.-Донато. Она отличалась поразительной красотой, которую унаслѣдовали ея внучки, княгиня Аврора Кара-Георгіевичъ (умершая) и княгиня Марія Абамелекъ-Лазарева.

[2]) Нѣтъ, тридцать лѣтъ; моя мать родилась 23 декабря 1811 г.

ея глазъ, съ задумчивымъ и глубокимъ взоромъ, который оживлялся внезапно, когда она желала нравиться. Она была средняго роста, черты ея лица были тонки, какъ у камеи, цвѣтъ кожи матовый, глаза черные и большіе, осѣненные длинными рѣсницами.

Къ сожалѣнію, по близорукости, она часто употребляла лорнетъ, скрывавшій и затемнявшій ея взоръ. Одаренная поразительной памятью, она знала иностранную литературу, какъ свою собственную. Если прибавить ко всѣмъ ея дарованіямъ и къ обаянію ея внѣшности необычайную впечатлительность и страстную любовь ко всему прекрасному и идеальному, то получается типъ героини, о которой могли мечтать только лучшіе поэты и романисты. Такова была графиня Ростопчина, когда я съ нею познакомился».

Поэтическій талантъ, умъ и красота моей матери были воспѣты нашими современными поэтами. Ея доброта была менѣе извѣстна, и я радуюсь возможности о ней поговорить.

До 1855 года, когда появилось первое изданіе ея сочиненій (у Смирдина) она отдавала весь доходъ съ своихъ сочиненій князю Владиміру Одоевскому для благотворительнаго общества, основаннаго въ Петербургѣ этимъ человѣкомъ, великимъ по сердцу и уму, извѣстнымъ литераторомъ и въ то же время глубокимъ знатокомъ музыки. На ея рукахъ находилось всегда нѣсколько бѣдныхъ семей, которыхъ она посѣщала сама, противъ желанія своей тещи. Она иногда брала и насъ съ собой, знакомя насъ такимъ

образомъ съ раннихъ лѣтъ съ нуждой и страданіями. Ея кошелекъ былъ всегда открытъ для ея друзей.

Сколько литераторовъ въ крайности обращались къ ней, не стѣсняясь, отплачивая ей затѣмъ самой черной неблагодарностью и оправдывая пословицу: «Похвали негодяя, онъ тебя побьетъ; побей его, онъ тебя потѣшитъ».

Г-жа Куантэ, наша добрая наставница, умершая у насъ въ 1864 году, женщина необыкновенно преданная намъ, всегда ссорилась съ моей матерью, исполняя должность казначейши. Она напоминала ей краснорѣчиво, что человѣкъ, которому она оказываетъ помощь, сочинялъ противъ нея насмѣшливые или язвительные стихи, какъ это нерѣдко бывало въ лагерѣ «славянофиловъ». Моя мать принадлежала къ болѣе многочисленной партіи «западниковъ», отдававшихъ предпочтеніе европейской цивилизаціи передъ національнымъ варварствомъ и любившихъ Францію. Всѣмъ извѣстно, до чего доходила партійная ненависть въ Россіи и до какой братоубійственной борьбы она доводитъ. Можно себѣ представить, какъ обстояло дѣло 60 лѣтъ тому назадъ, во время, когда на литературное поприще выступили Некрасовъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій и ихъ послѣдователи. Вожаки этой партіи нападали на мою мать, считая ее виновной въ трояком̆ъ преступленіи: въ томъ, что она была богата, имѣла званіе графини и воспѣвала мысли, недоступныя для нихъ. Нѣсколько несчастныхъ московскихъ литераторовъ, увлеченныхъ примѣрами и безнаказанностью—женщина не можетъ защищаться—да-

ли почувствовать свое ослиное копыто и затѣмъ втихомолку приходили за подаяніемъ.

«Да проститъ Богъ этого несчастнаго, говорила мать. Онъ находится въ крайности.

Слушайте, Ментэ, (фамильярное прозвище наставницы), перестаньте ворчать. Если денегъ больше нѣтъ, ступайте скорѣе заложить вотъ эти драгоцѣнности. Это вопіющая нужда!».

По смерти моей матери всѣ футляры оказались пустыми. Драгоцѣнности были заложены въ ломбардѣ, а деньги розданы московскимъ литераторамъ, которые позднѣе смѣялись надъ сочиненіями и надъ субботними собраніями той, у которой они заискивали приглашенія! Я глубоко страдала отъ этой неблагодарности, и если съ намѣреніемъ забыла имена, то эти факты навсегда запечатлѣлись въ моей памяти. Я никогда не забуду чудное свойство моей матери прощать обиды разъ навсегда. Нападки писакъ, считавшихъ себя серьезными критиками, и издѣвательства славянофиловъ заставляли ее смѣяться къ великому негодованію нашему—ея троихъ дѣтей. Она спѣшила вручить подаяніе враждебной рукѣ, умолявшей о помощи, и сокращала свои личные расходы. Не желая платить по счетамъ, мой отецъ подарилъ ей 500.000 ассигнаціями въ полное распоряженіе. Она сохранила лишь пятую часть изъ этихъ денегъ, остальное все пошло на подаянія бѣднымъ родственникамъ и на уплату долговъ людей близкихъ.

Читатель теперь ознакомился съ физическимъ и нравственнымъ обликомъ той, которую я съ гордо-

стью называю своей матерью. Поговоримъ о ея происхожденіи.

Она родилась въ Москвѣ 23-го декабря 1811-го года въ домѣ своего дѣда съ материнской стороны, Ивана Александровича Пашкова, въ роскошномъ жилищѣ, построенномъ Растрелли въ чисто итальянскомъ стилѣ, напротивъ Кремлевскаго сада. Тамъ въ настоящее время находится Румянцевскій музей. Въ домѣ Пашкова помѣщалась многочисленная семья, между прочими также и молодые супруги Сушковы — Петръ Васильевичъ и Дарья Ивановна—родители моей матери.

Въ тѣ времена семьи жили подъ однимъ кровомъ. И у Пашкова жили четыре молодыхъ семьи, дочь, не женатые сыновья и цѣлый пансіонъ дѣтей, присланныхъ родными въ Москву изъ провинціи для образованія. Тѣсныя узы дружбы связывали впослѣдствіи этихъ товарищей по воспитанію и играмъ. Они позднѣе шли рука объ руку на жизненномъ пути! У моей бабушки Сушковой было трое дѣтей: дочь Евдокія и два сына, Сергѣй и Дмитрій. Рожденіе послѣдняго стоило ей жизни. Ея мужъ поступилъ на службу въ Оренбургѣ, гдѣ находились огромныя помѣстья его тестя, которому онъ поручилъ воспитаніе своихъ дѣтей. Евдокія Сушкова прекрасно владѣла языками англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ; позднѣе она изучила итальянскій. У нея съ раннихъ лѣтъ проявилось поэтическое дарованіе, которое ей досталось по наслѣдству отъ Сушковыхъ, подарившихъ Россіи нѣсколько выдающихся писателей. Ея стихи давно

ходили по рукамъ, когда, объ этомъ, наконецъ, узнала ея бабушка, Евдокія Николаевна.

Возмущенная при мысли, что дѣвушка аристократическаго круга могла посвящать свой досугъ недостойному занятію, г-жа Пашкова велѣла позвать виновницу. Взявъ икону, она хотѣла заставить свою внучку дать торжественный обѣтъ, что та никогда больше не станетъ писать стиховъ. Моя мать избавилась отъ клятвы, обѣщавъ ничего не печатать до своего замужества.

Этотъ анекдотъ даетъ довольно вѣрное понятіе о характерѣ и взглядахъ того времени. Всѣ въ домѣ Пашковыхъ играли съ утра до вечера въ карты, по московскому обыкновенію; это занятіе считалось благороднымъ. Но писать стихи, подбирать рифмы какъ какой-нибудь бѣднякъ, фи! Нѣкоторые изъ членовъ семьи смѣялись надъ молодой «поэтессой», какъ ее звали въ то время. Ей особенно доставалось отъ старой дѣвы Александры Ивановны. Взявъ на себя воспитаніе своей племянницы, она постоянно ее преслѣдовала за ея красоту, за остроуміе и, главнымъ образомъ, за порывы ея пылкой, восторженной души. Первое произведеніе моей матери; «Журналъ Зинаиды», сохранило отпечатокъ страданій, которыя ей пришлось испытать въ этой средѣ, богатой роскошью, но бѣдной мыслью. Въ эту критическую минуту, когда молодая дѣвушка боролась противъ ревнивой тетки и завистливыхъ двоюродныхъ сестеръ, въ Москву пріѣхалъ гр. Андрей Ростопчинъ. Пріѣздъ этого наслѣдника съ громкимъ именемъ, владѣвшаго огромнымъ состояніемъ, взволновалъ всѣхъ матерей.

Въ это время три молодыя дѣвушки блистали въ великосвѣтскомъ московскомъ кругу, который всегда доставлялъ столько красавицъ къ петербургскому двору. Въ числѣ ихъ находилась Евдокія Сушкова, Надежда Долгорукая, вышедшая позднѣе замужъ за Сергѣя Пашкова, и Екатерина Булгакова. Послѣдняя была старшей дочерью вѣрнаго друга гр. Θеодора, который понялъ мрачную душу гр. Екатерины, защищая противъ нея честнаго и добраго Брокера. Замѣтивъ, что сынъ увлекается прекрасной молодой дѣвушкой, (вышедшей позднѣе замужъ за Саломірскаго), моя бабушка Екатерина поспѣшила объявить своему сыну, что Екатерина—незаконная дочь его отца.

Люди, читавшіе мемуары того времени и переписку Булгакова, знаютъ, что когда мой дѣдъ познакомился съ новобрачными, нѣжно любившими другъ друга, онъ былъ человѣкомъ серьезнымъ не по лѣтамъ, съ строгими правилами. Ничто въ его характерѣ и поведеніи, въ особенности въ его дружбѣ съ Булгаковымъ не давало поводъ къ такому подозрѣнію. Оно было высказано непримиримымъ врагомъ-соперницей. Молодой графъ Андрей повиновался матери и поступилъ въ число многочисленныхъ поклонниковъ м-ль Додо,—прозвище данное Сушковой. (Въ Россіи уменьшительныя имена имѣютъ странное свойство: они остаются навсегда за тѣми, которые ихъ получили, какъ, напр., имена: Зизи, Коко, Тото, Вово, Катишь вмѣсто Екатерины. Я знаю одного человѣка пятидесяти лѣтъ съ прозвищемъ Бэби). Несмотря на свою преждевременную плѣшь, мой отецъ умѣлъ нравиться, когда желалъ. Онъ имѣлъ важную осанку, прекрасный ростъ, блестящій

и игривый умъ; его неуравновѣшанность проявилась позднѣе. При этомъ надо замѣтить, что смутныя времена создаютъ ненормальныхъ людей; на томъ поколѣніи, которое возникло въ Россіи послѣ двѣнадцатаго года, рѣзко отразился умственный переворотъ той эпохи. Быть можетъ, мой отецъ больше другихъ современниковъ испыталъ на себѣ послѣдствія сильныхъ ощущеній, волновавшихъ его родителей. Съ самаго рожденія онъ проявлялъ вспыльчивость и рѣзкость, но его нравъ, сдерживаемый умѣлой рукой, могъ бы дать его нравственному характеру совершенно иное направленіе. При мысли о томъ, чѣмъ могъ сдѣлаться такой умный и богато одаренный человѣкъ, я чувствую непримиримое негодованіе противъ своей бабушки.

Когда мой отецъ познакомился съ моей матерью, его недостатки, проявившіеся позднѣе, были еще незамѣтны; семья Пашковыхъ, мало знакомая съ психологіей, не обратила на нихъ вниманія. Мой отецъ былъ очень увлеченъ, онъ желалъ нравиться; ухаживаніе его приняли. Мой прадѣдъ [1]) назначилъ въ приданое своей дочери мѣстность въ окрестностяхъ Москвы, съ громадными оранжереями, которыя приносили большіе доходы. Въ сравненіи съ состояніемъ жениха, это приданое казалось такъ ничтожно, что Александринѣ Пашковой удалось выпросить у молодой племянницы отреченіе отъ этой бездѣлки. Позднѣе, эта пожилая тетка, къ которой насъ возили обѣдать по воскресеньямъ, держала открытый домъ, лошадей и

---

[1]) Пашковъ.

карету и жила роскошно доходами съ «ничтожныхъ» оранжерей.

Наканунѣ свадьбы, дѣдъ мой къ своему удивленію, узналъ по бумагамъ врученнымъ моимъ отцомъ, что жениху не 30 лѣтъ, какъ всѣ думали, судя по наружности, а всего только 19. Дѣдъ былъ пораженъ. Моя мать была еще болѣе удивлена, оказавшись на два года старше своего жениха. Какъ бы ни была невинна молодая дѣвушка, прошлое ея будущаго мужа является для нея необъяснимой и жуткой тайной. Человѣкъ, преждевременно состарившійся, вызываетъ удивленіе, если не страхъ. Свадьба могла бы разстроиться, если бы не знаменитыя оранжереи. Александрина Пашкова, имѣвшая большое вліяніе на мать, такъ краснорѣчиво представила скандалъ, который возникнетъ, если бракъ не состоится, что семейный совѣтъ пришелъ въ ужасъ. Дѣло внезапно измѣнилось, возникли новыя соображенія о томъ, что человѣкъ опытный представляетъ собой болѣе гарантій, нежели человѣкъ еще не жившій. Вопросъ о бракѣ былъ разрѣшенъ утвердительно, и моя мать, любившая своего жениха, дала согласіе. Свадьба состоялась въ церкви Божіей Матери, что на Лубянкѣ, въ маѣ мѣсяцѣ 1833 г. Поселившись въ прекрасно заново отдѣланномъ домѣ, молодая чета зажила открыто и давала великолѣпные балы. Генералъ Гогель мнѣ разсказывалъ, что мой отецъ поручалъ ему высылать изъ Петербурга конфекты знаменитой уже тогда фирмы «Реномэ». Каждый картонажъ представлялъ собой цѣнность въ двадцать пять рублей,—огромная сумма для того времени.

Молодые Ростопчины провели нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, въ продолженіи которыхъ моя мать подружилась съ своимъ зятемъ, но должна была отказаться отъ надежды заслужить расположеніе свекрови. Послѣдняя, съ первыхъ дней не взлюбила молодую женщину, талантъ которой казался ей поверхностнымъ и вреднымъ. Къ тому же молодая графиня, искренно преданная своей родинѣ и религіи, была слишкомъ явно русская. Она старалась, чтобы мужъ говорилъ на своемъ родномъ языкѣ и обучала его сама. Этимъ самымъ она поставила преграду католической пропагандѣ старой графини Ростопчиной, и та никогда ей этого не простила.

Глава XI.

Графъ Сергѣй.-Его жена.-Его сынъ.-Плутовство аббата, скрывавшагося въ Вороновѣ.— Надгробная рѣчь графа Сергѣя.—Надгробное слово гр. Протасовой.—Благотворительница бѣдныхъ сиротъ француженокъ изъ колоній м-ль Турнье и Марта. Изгнаніе розоваго платья и той, которая его носила.—Наши бальные туалеты.-Подозрительная фамиліарность съ чортомъ.

Отрекшійся отъ увлеченія своей молодости, графъ Сергѣй Ростопчинъ доживалъ свой вѣкъ въ Москвѣ. Его здоровье было совершенно разстроено. Страдая хронической астмой, онъ напрасно искалъ подъ небомъ болѣе милостивымъ, чѣмъ на родинѣ, облегченія отъ удушья. Онъ провелъ нѣсколько зимъ въ Флоренціи, гдѣ близко сошелся съ одной придворной дамой; она была немолода и некрасива, но замѣняла молодость восторженностью и пылкостью, скрывая свое настоящее горе. Ея мужъ сошелъ съ ума уже много лѣтъ тому назадъ и жилъ въ лечебницѣ. Она заинтересовалась больнымъ иностранцемъ, умъ котораго былъ настолько привлекателенъ. То, на что гр. Сергѣй смотрѣлъ только какъ на развлеченіе во время путешествія, превратилось у г-жи X. въ искреннюю

привязанность. Когда графъ вернулся въ Россію, она поспѣшила послѣдовать за нимъ. Подъ видомъ самоубійства, она оставила свою одежду на берегахъ Арно вмѣстѣ съ письмами къ своимъ роднымъ. Она уѣхала тайкомъ съ своей вѣрной горничной Люси, которую я часто видала въ Москвѣ.

Гр. Муравьевъ разсказываетъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ, что встрѣтилъ въ Кіевѣ итальянскую даму, путешествовавшую одну въ прекрасномъ экипажѣ, очень разговорчивую и склонную повѣрять каждому, что она ѣдетъ въ Москву, чтобы выйти замужъ за гр. Сергѣя Ростопчина. Она не показалась Муравьеву похожей на героиню романа. То же самое впечатлѣніе получилось въ Москвѣ, гдѣ разочарованіе было полнѣйшее. Одна родственница моей матери Марія Ефимовна Рынкевичъ, тоже воспитанная въ фаланстеріѣ Пашковыхъ, говорила намъ объ общемъ разочарованіи при видѣ героини, весьма полной, очень здоровой и развязно болтавшей.

Мой дядя былъ, какъ кажется, въ отчаяніи отъ происшествія; онъ повѣдалъ свое горе молодой невѣсткѣ, которую нѣжно любилъ. Моя мать внушила ему чувство долга честнаго человѣка въ отношеніи къ обольщенной имъ женщины. Гр. Сергѣй охотно покорился и женился на X. тотчасъ же послѣ смерти ея перваго мужа.

Какъ я уже разсказывала выше, сынъ родившійся до брака былъ окрещенъ въ католическую вѣру. Когда мой отецъ, у котораго за три года женитьбы не было дѣтей, просилъ у государя позволенія усыновить этого ребенка, для того, чтобы дать ему на-

стоящее имя, Николай I написалъ по-русски на поляхъ прошенія: «Графъ Ростопчинъ не можетъ быть католикомъ». Я видѣла эту бумагу, хранившуюся у моего отца.

Въ глазахъ моей бабушки «это дитя грѣха», какъ она его называла съ глубокимъ презрѣніемъ, было заранѣе обречено на погибель. Она взяла мальчика къ себѣ по смерти гр. Маріи, умершей внезапно, но такъ дурно съ нимъ обращалась, что мой отецъ, рѣшилъ отправить его за границу, къ родственникамъ, гдѣ его любили и могли хорошо принять.

Я случайно нашла письмо, адресованное бѣднымъ ребенкомъ его бабушкѣ, въ которомъ ясно видно ея представленіе о ея обязанностяхъ къ сыну ея сына, пострадавшему по винѣ своихъ родителей. Орѳографія не безупречна.

«Графиня, я думалъ сдѣлать Вамъ удовольствіе, посылая Вамъ небольшое письмо, для того, чтобы поблагодарить Васъ за милость, которую Вы мнѣ оказали и въ особенности за Вашу заботливость о моемъ образованіи, т. к. безъ Васъ я остался бы неграмотнымъ всю свою жизнь; теперь же благодаря Вашимъ заботамъ о моемъ образованіи, я имѣю возможность добиться чего-нибудь, когда выросту, если не умру раньше, и если Богъ окажетъ мнѣ милость воспользоваться Вашими совѣтами. Я долженъ Васъ благодарить, графиня, за то, что Вы взяли меня въ Вашъ домъ и дали мнѣ возможность продолжать мое образованіе, отдавъ меня на попеченіе X. Я кончаю мое письмо съ тѣмъ, чтобы оно дошло до Васъ къ празднику. Поздравляю Васъ и желаю Вамъ вся-

кихъ благъ и долгой жизни. Имѣю честь остаться Вашимъ покорнымъ и преданнымъ N. N.».

Это маленькое письмо бѣднаго N. N. было передано мною его семьѣ; я не могла переписать его безъ слезъ. Какой ужасный документъ!.. Между тѣмъ этотъ внукъ былъ католикомъ! Можно представить себѣ ту долю любви, которую гр. Екатерина удѣляла своимъ внукамъ-еретикамъ. Отецъ, вмѣстѣ съ племянникомъ, высылалъ денежную сумму, которую слѣдовало помѣстить въ банкъ до совершеннолѣтія N. N. Не знаю, упомянула ли я, что земли графа Сергѣя были выкуплены, и что вдова получила прекрасное состояніе въ наилучшемъ порядкѣ. Это состояніе перешло по закону къ дѣтямъ отъ перваго брака; сирота же отъ второго остался безъ гроша. Мнѣ кажется, что бабушка помогла моему отцу дополнить сумму, составившую не менѣе ста тысячъ франковъ. Я помню, что они оба платили вдвоемъ довольно дорого за воспитаніе этого ребенка. Сестра моя сохраняетъ письмо тетки Нарышкиной, адресованное моему отцу, въ которомъ она его укоряетъ за чрезмѣрную щедрость.

«У Васъ свои законныя дѣти, милый Андрей; подумайте о нихъ, и не безпокойтесь болѣе объ этомъ незаконнорожденномъ».

Но отецъ чувствовалъ всегда къ сыну сердечную привязанность, вполнѣ заслуженную.

Сынъ этотъ оказался рѣдкимъ человѣкомъ, умнымъ и добрымъ, высоконравственнымъ и религіознымъ и сдѣлалъ честь имени, которое ему запрещено было носить. Онъ былъ очень похожъ на портретъ

своего отца ребенкомъ и унаслѣдовалъ отъ него блестящій и замѣчательный умъ. Онъ женился на молодой особѣ изъ знатной семьи, съ которой прожилъ въ полномъ согласіи, и умеръ отъ болѣзни сердца, вызывая всеобщее сожалѣніе тѣхъ, кто его знали и любили. Я потеряла въ немъ настоящаго брата.

Теперь я снова разскажу, какъ послѣдовала смерть моего дяди, который умеръ еще молодымъ въ 1838 г. Его мать жила въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Вороновѣ, гдѣ мы проводили каждое лѣто отъ 1848 г. до 1889 г. Домъ представлялъ трехъэтажное зданіе, соединенное стеклянными галлереями съ двумя флигелями, которые выходили на большую лужайку. Мы занимали часть нижняго этажа, верхній оставался въ томъ видѣ, въ какомъ онъ остался послѣ пожара. Двойная лѣстница, ведущая въ верхній этажъ сохраняла еще нѣсколько шатающихся ступеней, но полы сгорѣли, нельзя было проходить иначе, какъ по балкамъ, что очень забавляло дѣтей. Во флигелѣ съ правой стороны находилась контора, бѣльевая комната и квартира управляющаго и разныхъ служащихъ; въ лѣвомъ флигелѣ жила моя бабушка и ея компаніонки; въ угловой комнатѣ, которая соединяла этотъ флигель съ галлереей, жилъ католическій аббатъ, котораго тамъ помѣстила бабушка.

Шкафы скрывали принадлежности службы, и аббатъ служилъ обѣдни.

Не знаю, долго-ли продолжалось это положеніе дѣлъ, когда объ этомъ донесли въ Петербургъ. Николай I не любилъ вѣроотступничества, особенно среди ари-

стократіи. Московскій генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Голицынъ, получилъ приказъ сдѣлать строгій обыскъ у Графини Ростопчиной. Испуганный послѣдствіями, которыя могли возникнуть отъ присутствія аббата, князь имѣлъ человѣколюбіе извѣстить объ этомъ гр. Сергѣя за сутки раньше. Дядя поспѣшно уѣхалъ ночью въ открытой коляскѣ, велѣлъ задѣлать шкафы, увезъ аббата и вернулся въ Москву, гдѣ умеръ отъ воспаленія легкихъ, захваченнаго во время бѣшеной ѣзды на протяженіи ста верстъ.

Отпѣваніе совершалось въ православной церкви, но бабушка отказалась присутствовать. Она имѣла одну особенность: она считала свои обязательныя отношенія къ семьѣ конченными со смертью любимыхъ ею людей. Ея племянники, князья Александръ и Алексѣй Голицыны, по возвращеніи съ похоронъ сочли нужнымъ посѣтить ее, чтобы выразить ей свое сочувствіе по случаю смерти. Они застали ее расхаживающей по своему обыкновенію въ своемъ помѣщеніи. Выразивъ свое уваженіе къ покойному, заслужившему всеобщую любовь, благодаря своей добротѣ и блестящему уму, они высказали свое искреннее сожалѣніе своей теткѣ по поводу тяжелой утраты. Но графиня остановила ихъ, сказавъ рѣзко: «Напрасно сожалѣть: онъ жилъ, какъ хотѣлъ, не долго, но хорошо». Сдѣлавъ это замѣчаніе, она продолжала свою прогулку по комнатѣ, предавъ забвенію это непріятное воспоминаніе. «Старшій сынъ отошелъ къ отцу и дочери; всѣ встрѣтятся въ день страшнаго суда; кто по правую, кто по лѣвую сторону, тѣмъ хуже для послѣднихъ».

Передавая мнѣ этотъ разсказъ, мой дядя, князь Алексѣй, вельможа старыхъ временъ, учтивый и любезный, прибавилъ: «Понятно, мой братъ и я, мы никогда больше не посѣщали эту женщину съ черствымъ сердцемъ, способную такъ выражаться о такомъ прекрасномъ человѣкѣ, который жестоко поплатился за грѣхи молодости долгими годами страданій и умеръ за то, что оказалъ услугу безсердечной матери».

Это не было единственнымъ случаемъ, гдѣ бабушка по своему краснорѣчію сравнялась съ Боссюэ. Позднѣе, когда въ Петербургѣ скончалась ея сестра Варвара Протасова, грустное порученіе, сообщить объ этомъ бабушкѣ было довѣрено г-жѣ Куантэ.

Она взяла съ собой мою сестру. «Никогда не забуду», говоритъ сестра, «торжествующую улыбку, съ которой бабушка встрѣтила эту новость. Обращаясь ко мнѣ, она сказала многозначительно.—Вотъ какъ! Она хотя и моложе меня, да умерла раньше». Сестра оказалась достойна матери; посмотримъ какова была благодѣтельница.

Я уже сказала, что графиня Ростопчина имѣла много компаніонокъ. Во главѣ ихъ находилась м-ль Турнье, къ которой мой отецъ имѣлъ сильную антипатію. Она имѣла большое вліяніе на графиню Ростопчину и получила разрѣшеніе держать пансіонъ для дѣвицъ.

Турнье взяла сначала одну дѣвочку изъ бѣдной французской семьи, затѣмъ вторую и третью; число несчастныхъ воспитанницъ возростало съ каждымъ днемъ. Легко мучить тѣхъ, кто не можетъ защищать-

ея. М-ль Турнье вполнѣ удовлетворяла свое чувство. Въ Москвѣ ходили легенды о ея жестокостяхъ и неумолимой строгости ея школьной системы. Говорили, что она сѣкла воспитанницъ черезъ мокрое полотенце, чтобы не оставалось слѣдовъ наказанія; что по примѣру инквизиціи, она заставляла дѣвушекъ цѣловать раскаленное распятіе. На тѣхъ, кто отказывался отъ этого, жаловались «благотворительницѣ», и «вольнодумку» тогда сѣкли ужъ безъ всякаго полотенца. Я слышала все это отъ моей матери, въ правдивости которой нельзя сомнѣваться. Этимъ я возмущалась, ненавидя всякую несправедливость и жестокость въ отношеніи безпомощныхъ дѣтей. Кромѣ этого изверга, въ домѣ бабушки жила Наталья Ростопчина, старая дѣва съ усами и темнымъ цвѣтомъ лица; она нюхала табакъ, была не зла, но смѣшна по своей любви къ собаченкамъ, которыя вѣчно за ней бѣгали. Для репутаціи дома и одной Турнье было достаточно. Позднѣе Наталья Ростопчина уѣхала въ Парижъ, доставивъ такимъ образомъ моей умной кузинѣ Ольгѣ де-Питрэ возможность представить ея каррикатуру въ одномъ изъ своихъ романовъ. Затѣмъ старая дѣва уѣхала въ Римъ и тамъ умерла въ монастырѣ св. Троицы. Я очень удивилась, узнавъ, что въ одномъ сочиненіи подъ именемъ «Наталья Ростопчина» ее восхваляли за ея святость и добродѣтели, предлагая ея канонизацію; я согласна, пусть эта святая искупаетъ грѣхи другой, стоящей выше ея.

Я должна опять забѣгать впередъ, заканчивая разсказы о компаніонкахъ, поставляемыхъ этимъ пріютомъ.

Ихъ число все убавлялось, я застала въ живыхъ не болѣе двухъ или трехъ—забитыхъ, исчезающихъ тѣней увядавшихъ подъ игомъ М-ль Марты, сухой старой дѣвы съ красными щеками, при этомъ завистливой и ревнивой.

Такъ какъ бабушка давала приданое этимъ весталкамъ съ Басманной улицы, бѣдныя дѣвицы иногда выходили замужъ, что приводило въ бѣшенство М-ль Марту. Между ней и ея товарками происходила глухая борьба.

Я помню, что одна изъ нихъ, найдя случайно черновикъ довольно игриваго содержанія, поспѣшила представить его Мартѣ, которая спросила съ досадой: Какъ вы узнали, что эта тетрадь принадлежитъ мнѣ? Она безъ подписи.—Я узнала, чья тетрадь по грѣхамъ, въ ней упомянутымъ. Они вамъ къ лицу.

За такой отвѣтъ ученица подвергалась настоящему преслѣдованію.

Несмотря на скуку и непріятности, которыя испытывали молодыя дѣвушки, французская колонія въ Москвѣ добивалась чести доставлять дѣвушекъ этому Минотавру-святошѣ. Что дѣвицы воспитывались въ страхѣ Божіемъ, въ этомъ нѣтъ, конечно, сомнѣнія. Дѣлалось все для умерщвленія плоти и для освященія души. Посты строго соблюдались, ежедневно отправлялись къ обѣднѣ въ знаменитомъ экипажѣ, выкрашенномъ въ бѣлую краску, на потѣху москвичей и къ нашему огорченію, когда намъ приходилось въ немъ выѣзжать. На карету показывали пальцами, и я удивлялась, что такая скромная особа, пользовалась экипажемъ какъ вывѣской.

Что касается туалета, компаньонки носили темныя платья съ длинными рукавами и короткимъ лифомъ, закрытымъ до самой шеи. Оставить видимой хотя полоску кожи, считалось нескромностью. Дѣвицы питались набожнымъ чтеніемъ и проповѣдями; когда одна изъ нихъ отправлялась домой на короткое время, благодѣтельница ей торжественно повторяла, что если по діавольскому навожденію она пойдетъ въ театръ, ее выгонять безъ пощады... И эта угроза исполнялась. Я съ сожалѣніемъ вспоминаю о m-lle С... изъ прекрасной графской семьи эмигрантовъ. Бѣдная дѣвушка была некрасивая, рыжеватая, приземистая, съ красными лицомъ, но ей было всего 20 лѣтъ... Она имѣла несчастье потанцовать на какомъ-то вечерѣ! Грозная Марта это узнала. Ужасный грѣхъ былъ разглашенъ, и наказаніе послѣдовало. Марта, улыбаясь, уложила вещи бѣдной дѣвушки въ чемоданъ и виновницу вытолкали на улицу. Дѣло было вечеромъ...

Напрасно моя мать просила за виновную, ея просьбу не приняли на томъ основаніи, что и она подаетъ дурной примѣръ, выѣзжая съ своими дочерьми на балъ, на сатанинскія сборища — въ эти мѣста погибели. Нѣтъ прощенія для подобнаго грѣха! Наказавъ порокъ такимъ образомъ, святая женщина принялась за молитвы, а грѣшницу, вернувшуюся къ своему отцу, снова выгнали... «Невозможно», говорили родители, «чтобы эта благочестивая женщина выгоняла дѣвушку изъ-за пустяковъ; тутъ дѣло важнѣе... Убирайся»!

Она ушла туда, гдѣ двери открыты въ подобныхъ случаяхъ... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ментэ полу-

чила таинственное письмо изъ какой-то больницы. Она тотчасъ отправилась туда и вернулась съ заплаканными глазами. Позднѣе мы узнали, что она присутствовала при кончинѣ m-lle С. умершей, проклиная виновницу своего несчастья. Я гораздо позднѣе узнала скрытую сторону этой исторіи.

Другая дѣвушка, толстая и веселая Александрина, точно также провинилась: она тайно читала романы. Слово «романъ» приводило въ бѣшенство мою бабушку; она, кажется, романовъ никогда не читала, но ее вѣроятно просвѣщали аббаты. Грозная Марта, порывшись въ сундукѣ Александрины, нашла въ немъ поличное, осквернявшее святую обитель. Александрину немедленно судили и приговорили. На этотъ разъ я ей помогала укладывать вещи, стараясь ее утѣшить; моя мать сдѣлала безплодную попытку уладить это дѣло; но ее не послушали, такъ какъ и она оскорбила нравы, напечатавъ нѣсколько повѣстей и «Дневникъ Зинаиды» (прекрасныя вещи въ родѣ разсказовъ Альфреда де-Виньи и Дебордъ де-Валморъ). Мы обѣ плакали съ молодой дѣвушкой; какъ ни скудно было гостепріимство графини Екатерины, оно представляло кровъ и убѣжище.

Кромѣ романовъ и танцевъ бабушка ненавидѣла еще длинныя таліи, по тогдашней модѣ, считая это безнравственнымъ. Здѣсь я должна снова забѣжать впередъ, чтобы закончить эту главу.

Съ ранняго дѣтства при насъ находилась въ качествѣ гувернантки особа польскаго происхожденія m-lle Луиза Ставска; она умерла въ преклонномъ возрастѣ въ богадѣльнѣ для наставницъ при Смольной

общинѣ, состоявшей подъ покровительствомъ государыни Маріи Ѳеодоровны. Луиза Адамовна была недурна собой, весела и любила принаряжаться, какъ всѣ польки.

Она не угодила бабушкѣ, когда мы поселились у нея по возвращеніи изъ-за границы въ 1847 году. Съ первыхъ же дней графиня Екатерина дѣлала кисло-сладкія замѣчанія своему сыну о «легкомысленномъ» нарядѣ нашей гувернантки. Но такъ какъ у послѣдней былъ прекрасный характеръ, и она подчинялась отцу, то онъ осмѣлился возражать бабушкѣ, что дѣти очень привязаны къ Луизѣ, что хотя она и любитъ наряды, но дѣвушка добрая и благочестивая, и что нѣтъ причины ей отказывать изъ-за пустяковъ. Бабушка затаила неудовольствіе до весны; но тутъ бѣдная Луиза провинилась окончательно: она осмѣлилась надѣть розовое платье съ полосками и длинной таліей, какъ у осы! Эта парижская новость представилась бабушкѣ весьма опасной, какъ покушеніе на цѣломудріе и опасный примѣръ для дѣвочекъ. Она призвала своего сына, приказывая ему немедленно разсчитать эту опасную особу.

Въ домѣ произошелъ переполохъ. Компаньонки шептались и косились на розовое платье завистливымъ окомъ; старая горничная поджала губы и обращала взоры къ небу; мы, дѣти, восхищались милой Луизочкой, не подозрѣвая, что розовое платье скрывало погибшую душу! Что касается моего отца, ранѣе не покорявшагося, онъ теперь совершенно подчинялся волѣ своей матери, считая ее святой и не разбирая сущности дѣла... Онъ разсчиталъ бѣдную Луизу, ко-

торая столько лѣтъ пробыла въ домѣ, гдѣ она ранѣе занимала должность компаньонки.

Мы къ ней привязались и горько плакали при ея отъѣздѣ. Я ее видѣла позднѣе, и ея разсказы подтверждали вѣрность моихъ воспоминаній. Добродѣтель восторжествовала, темныя платья болѣе не оскверънялись прикосновеніемъ новой моды. Но проклятые танцы сторожили свои жертвы, они и насъ увлекли въ свои роковыя объятія.

Оставляя въ сторонѣ дѣтскій возрастъ, проведенный въ домѣ бабушки—о немъ я поговорю въ другое время,—я должна упомянуть здѣсь о нашихъ,—моей сестры и меня—первыхъ выѣздахъ въ свѣтъ.

Во время Крымской войны мой отецъ командовалъ «ополченіемъ» добровольцевъ Подольскаго уѣзда, гдѣ находится село Вороново. Безпокоясь о здоровьѣ матери, онъ насъ помѣстилъ въ нашемъ домѣ на Старой Басманной. Во время коронаціи насъ вывезли въ свѣтъ, хотя мнѣ еще не было 17-ти лѣтъ. Мы въ первый разъ появились на балу, устроенномъ офицерами гвардіи московскимъ дамамъ въ большой палаткѣ среди лагеря, гдѣ стояли войска, собранныя на коронацію. На эти собранія дамы являлись въ шляпахъ и высокихъ лифахъ. У насъ были шелковыя шляпы: розовая у сестры, а у меня голубая.

Нарядившись къ балу, мы явились къ бабушкѣ на смотръ. Окинувъ насъ холоднымъ и презрительнымъ взглядомъ, она прочла намъ слѣдующее наставленіе: «Вы воображаете, что вы хороши въ этомъ нарядѣ? Вовсе нѣтъ? Во-первыхъ, вы некрасивы (гмъ! гмъ!), во-вторыхъ, передъ Господомъ Богомъ вы гнусны, и,

наконецъ, вы лишаетесь надежды попасть въ Царствіе Небесное. Вы служите утѣхой діаволу, наряжаясь такимъ образомъ, чтобы идти кружиться въ объятіяхъ мужчинъ... При этихъ словахъ наша мать вмѣшалась, умоляя бабушку пощадить нашу молодость.

Бабушка насъ не только сконфузила, но прямо привела въ ужасъ. Наша веселость исчезла, уступивъ мѣсто страху совершить нѣчто предосудительное и обидное для скромности. Эта близость нашей бабушки съ чортомъ тогда вселяла мнѣ очень большое почтеніе.

Мать этой среды не касалась, и ея наставленія имѣли совершенно иной характеръ, тогда какъ отъ рѣчей бабушки пахло сѣрой.

Въ предыдущемъ году мы брали уроки танцевъ съ нашими кузинами Зиной и Маріей Пашковыми, съ княжнами Варварой и Маріей Щербатовыми, съ m-lle Саліасъ-Турнемиръ (позднѣе женой фельдмаршала Гурко), съ Ольгой Кирѣевой (позднѣе знаменитой публицисткой Новиковой) и еще съ нѣсколькими кузенами и братьями этихъ молодыхъ дѣвушекъ. Въ нихъ я видѣла только партнеровъ для танцевъ. Но послѣ многозначительной рѣчи моей бабушки мы стали чрезмѣрно осторожны; мое встревоженное воображеніе трепетало, какъ голубь передъ взоромъ аспида. Я должна замѣтить, къ чести московскихъ танцоровъ, что если они служили сатанѣ, проклинаемому бабушкой, то свои жертвы не выбирали въ бальныхъ залахъ и съ уваженіемъ относились къ молодымъ дѣвушкамъ, несмотря на хореографическіе соблазны.

Начиная съ этого бала, мы всегда должны были являться на смотръ къ бабушкѣ; осмотръ ограничивался, впрочемъ, прической, такъ какъ мы начали хитрить передъ проповѣдницей. Зная, что съ бабушкой можетъ сдѣлаться припадокъ, если она насъ увидитъ въ бальномъ платьѣ, отецъ приказалъ намъ являться къ ней не иначе, какъ въ высокомъ лифѣ. И мы приходили въ шелковомъ платьѣ съ высокими лифами и съ вѣнкомъ цвѣтовъ на головѣ. Въ то время была мода носить гирлянды въ волосахъ. Мы ежедневно должны были являться къ бабушкѣ отъ 7 до 9 часовъ вечера съ шитьемъ въ рукахъ. Лежа на диванѣ, бабушка вязала стихари для священниковъ церкви св. Людовика и для дѣвицъ съ Басманной. Мы занимались шитьемъ подъ надзоромъ m-lle Ментэ; мой отецъ и братъ Викторъ низали ожерелья изъ бусъ, предназначаемыя для новобрачныхъ села Воронова. Даже Анатоль Нарышкинъ, нашъ двоюродный братъ, заѣзжавшій проѣздомъ черезъ Москву, обязанъ былъ являться къ бабушкѣ и заниматься рисованіемъ въ ея присутствіи. Все это дѣлалось въ виду нападенія со стороны лукаваго. Развѣ другъ дома не могъ каждую минуту напасть на несчастныхъ, нашептывая имъ преступные помыслы? Только моя мать сидѣла, сложа руки, къ великому негодованію бабушки.

Съ гирляндами на взбитыхъ волосахъ мы скромно являлись къ грозной бабушкѣ. Поцѣловавъ ея руку, мы подвергались ея строгому осмотру. Ну, что-жъ!— говорила она,—перестали, наконецъ, носить на балы платья съ вырѣзомъ?—Да,—отвѣчали мы, сму-

щенныя обязательнымъ притворствомъ. — Это хорошо. Въ мое время имѣли скверную привычку являться на балъ съ голой шеей и голыми руками. Будете-ли вы, «барышни», танцовать проклятую польку, облокотившись на кавалера?—Нѣтъ, бабушка, мы танцуемъ только кадриль.—Это тоже хорошо. Однако, въ то же время и дурно, такъ какъ балы вообще дьявольское навожденіе, гибель для души и пр. и пр.

Надо замѣтить, что діаволъ игралъ большую роль въ бесѣдахъ бабушки. Казалось, какъ будто она находится съ нимъ въ тѣсной дружбѣ, до того ей были хорошо знакомы всѣ его привычки и взгляды на вещи.

О немъ она упоминала гораздо чаще, чѣмъ о Богѣ, съ такимъ удовольствіемъ и фамильярностью, которыя насъ поражали. Въ дѣтствѣ я нерѣдко спрашивала себя: «Говоритъ-ли онъ о ней такъ же часто, какъ она о немъ»? Въ моемъ представленіи они невольно соединялись. Я даже надѣялась, что испытаніе бабушки въ ея чистилищѣ будетъ заключаться въ томъ, что ей придется танцовать польку съ Вельзевуломъ, и въ моемъ дѣтскомъ воображеніи возникала картина бабушки, танцующей въ искупленіе своего злорѣчія.

Я привожу здѣсь помѣщенную въ «Русскомъ Архивѣ за 1888 г. статью Н. Кедрова, о пребываніи католическаго священника въ селѣ Вороновѣ и о содержаніи пансіона для молодыхъ дѣвицъ.

О графинѣ Ростопчиной и о ея преданности католичеству.

Графиня, урожденная Протасова, была женой зна-

менитаго графа Θеодора Васильевича. Она родилась въ 1775 г. и, доживъ до преклоннаго возраста, умерла 82 лѣтъ въ ноябрѣ 1856 (59 г.). Вотъ, при какихъ обстоятельствахъ обнаружился ея переходъ въ другую религію. — Московскій генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ извѣстилъ митрополита Филарета, что аббатъ Буржуа, пребывающій у графини Екатерины въ селѣ Вороновѣ, Подольскаго уѣзда, осмѣлился явиться въ мѣстную церковь въ церковномъ облаченіи и проникнуть въ церковный алтарь. Церковно-служитель сдѣлалъ ему замѣчаніе о неприличіи подобнаго поступка, но подъ вліяніемъ графини, онъ побоялся доложить объ этомъ своему непосредственному начальству. Филаретъ вызвалъ священника села Воронова, Алексѣя Петрова и убѣждалъ его сказать всю правду, предупредивъ, что въ противномъ случаѣ онъ лишится мѣста. Филаретъ допрашивалъ его о религіозныхъ убѣжденіяхъ графини. Священникъ показалъ, что графиня содержитъ въ своемъ имѣніи, въ селѣ Вороновѣ, пансіонъ для воспитанія дѣвицъ нѣмокъ и француженокъ, въ числѣ десяти человѣкъ. Аббатъ Буржуа преподаетъ въ этомъ пансіонѣ [1]). Священникъ не могъ утвердительно сказать, совершаетъ-ли аббатъ богослуженіе въ домѣ княгини.

Вышеупомянутый аббатъ посѣтилъ храмъ и проникъ въ алтарь лишь для того, чтобы осмотрѣть новую часовню; при этомъ, онъ не надѣвалъ облаченія. Священникъ прибавилъ, что по словамъ домо-

[1]) Пансіонъ служилъ предлогомъ для пребыванія аббата. Л. Р.

чадцевъ, аббатъ совершалъ богослуженіе въ домѣ, но какое именно, опредѣлить трудно.

Для достовѣрности этого показанія слѣдовало его подтвердить свидѣтельствомъ благочиннаго, какъ этого всегда требовалъ Филаретъ, но въ данномъ случаѣ мѣстный благочинный не представлялъ достаточной гарантія, слѣдствіе продолжалось и велось съ помощью священниковъ, сосѣднихъ селу Воронову; оно привело къ слѣдующему результату: «Графъ Сергѣй Ѳеодоровичъ былъ женатъ на католичкѣ; графиня держала въ своемъ домѣ нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ этому вѣроисповѣданію. Въ 1833 г., двухъ крестьянъ, пришедшихъ въ церковь въ великую пятницу на исповѣдь, выгнали изъ церкви и управляющій [1]) подвергъ тѣлесному наказанію за то, что они пошли въ церковь, уклоняясь отъ работы для своей госпожи. Графиня принуждала крестьянъ работать въ престольные праздники, не признанные католической церковью. Оказавъ помощь нѣкоей вдовѣ Мешелэ, и узнавъ, что вдова православная, графиня отказала ей въ вспомоществованія.

Въ вороновскомъ саду, въ такъ называемомъ голландскомъ домикѣ, существуетъ католическая часовня; алтарь длины въ два аршина; на немъ стоитъ распятіе и образъ Богородицы. Облаченіе хранятся въ особомъ сундукѣ.

Лѣтомъ 1834 г. богослуженіе совершалось въ ча-

---

[1]) Это былъ грозный Тимофей, правая рука бабушки.

совнѣ нѣкіимъ человѣкомъ по имени Лаббэ [1]) въ полномъ облаченіи.

Показанія священника, явившагося на допросъ къ митрополиту, были основаны на доносѣ домочадцевъ. Люди говорили, что графиня посѣщала православную церковь только въ отсутствіи Лаббэ и до устройства отдѣльной часовни. Графиня содержала пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ, гдѣ преподавала г-жа Турнье, а также Лаббэ. Всѣ эти дѣти, въ возрастѣ отъ 7 до 14-ти лѣтъ, были католическаго вѣроисповѣданія.

Выслушавъ эти показанія, митрополитъ Филаретъ доложилъ Св. Синоду, обращая вниманіе правительства на «богоотступничество» графини Екатерины Ростопчиной, содержавшей противозаконно католическую часовню въ своемъ имѣніи, и требуя въ то же время перемѣщенія священника при церкви села Воронова. Св. Синодъ далъ свое согласіе на это. Аббата Буржуа не могли розыскать; онъ скрылся изъ имѣнія графини».

---

1) Это превосходно! Православное духовенство принимало названіе аббата за фамилію католическаго священника изъ Москвы.

Глава XII.

Перехожу къ личнымъ воспоминаніямъ. Странствованіе по свѣту.—Первоисточникъ историческаго барона.—Происхожденіе баллады „Насильный бракъ“.—Впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ.— Опала. — Ода на смерть императора Николая. — Моя мать вычеркнута изъ списка московскихъ дамъ, допущенныхъ на высочайшій выходъ. — Большой костюмированный балъ въ 1851 г.—Мой братъ назначенъ пажемъ его величества.—Краткая біографія. — Моя сестра и я, не приняты въ списокъ лицъ, допущенныхъ къ представленію ко двору.

Все вышесказанное даетъ понятіе о личности моей бабушки. Въ своей средѣ она вѣрно изображаетъ тѣхъ страшныхъ семейныхъ деспотовъ, которыхъ Островскій обезсмертилъ, подъ именемъ «самодуровъ». Теща бѣдной Екатерины въ «Грозѣ» Островскаго служитъ вѣрной иллюстраціей подобнаго типа. Послѣдняя толкала въ рѣчку людей неповинныхъ; графиня населяла Сибирь невинными жертвами. Я даже теперь содрогаюсь при мысли объ оскорбленіяхъ, униженіяхъ и преступленіяхъ противъ духа и разума, жертвой которыхъ пали приближенные графини Екатерины.

Мои собственныя воспоминанія доходятъ до 1847 г.

Въ то время мы вернулись изъ-за границы послѣ трехлѣтняго путешествія, напоминавшаго странствованіе каравана въ пустынѣ. Наши родители ѣхали въ «дормезъ» (дорожномъ экипажѣ). На козлахъ помѣщался курьеръ, а на запяткахъ горничная на сидѣньи, закрытомъ кожанымъ фартукомъ. За дормезомъ слѣдовала громадная шестимѣстная карета, въ которой помѣщались мы съ Луизой, Ментэ, лакеемъ и горничной. Такимъ образомъ мы объѣхали Германію, Италію, Швейцарію, Францію, проведя одну зиму въ Римѣ и двѣ въ Парижѣ.

Я позднѣе узнала, что это путешествіе обошлось въ 2 милліона фр., и въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Мы возвратились въ Россію въ 1847 году и не останавливались въ Петербургѣ. Моя мать подвергалась немилости государя. Ее вычеркнули изъ списка лицъ, допущенныхъ ко двору, между тѣмъ, какъ она всегда получала приглашенія на придворные балы въ Аничковомъ дворцѣ и бывала принята въ дружескомъ кружкѣ императрицы. Вотъ причины этой грозной опалы:

«Курьеръ, который насъ сопровождалъ былъ человѣкъ грубый и жестокій; нѣмецъ по происхожденію, онъ ненавидѣлъ поляковъ. Онъ не стѣсняясь билъ несчастныхъ кучеровъ, если они не гнали лошадей по его приказанію. Мой отецъ оставался равнодушнымъ, но мать глубоко страдала такъ же, какъ и я. Его грубость, безотвѣтность этихъ бѣдняковъ, несчастный видъ крестьянъ, бѣдность ихъ жилищъ,— все пробуждало въ душѣ моей матери жалость и негодованіе. Я нашла у нея воспоминанія объ этомъ

путешествіи, достойныя быть изданными. Въ нихъ есть указаніе на происхожденіе знаменитаго стихотворенія, навлекшаго на мою мать гнѣвъ государя Николая.

Бѣлгородъ, вторникъ, 18/30 сентября 1845 года.

«Я чувствую глубокую жалость къ этой несчастной еврейской расѣ, презираемой и угнетаемой повсюду, тѣмъ не менѣе сохранившей въ своей средѣ готовность оказывать услуги и гостепріимство.

Богато одаренная отъ природы, она принуждена искать за дорогую цѣну убѣжища среди населенія ей враждебнаго.

Нельзя не поражаться красотой этой націи, когда ея видишь въ первый разъ, въ ея цѣлости. Она сохранила первоначальный типъ, полученный ею отъ Создателя. Послѣ вѣковыхъ странствованій, несмотря на бѣдствія, ею испытанныя, она удержала на своемъ челѣ печать утраченнаго величія, отраженіе котораго сохранилось въ блескѣ ея взора, въ благородномъ выраженіи лица, въ красотѣ формъ.

Наконецъ, самыя лохмотья не въ состояніи скрыть красоты, которую можно назвать библейской... Чувствуя жалость къ евреямъ, которыхъ поляки притѣсняли и угнетали, я въ то же время, сожалѣю о Польшѣ, униженной, порабощенной, уничтоженной... Печать глубокаго унынія лежитъ на этомъ краѣ, на видъ богатомъ, цвѣтущемъ и хорошо обработанномъ. Но благоденствіе не можетъ замѣнить ему свободу, утраченную національность и военные подвиги прошлаго. Эта страна мнѣ напомнила женщину въ богатомъ нарядѣ, живущую среди роскоши. Находясь подъ

властью грубаго мужа, она тяготится своимъ рабствомъ, въ тайнѣ оплакивая свое богатство.

Идея «Баллады» была создана. Написавъ ея позднѣе въ Италіи, мать отправила ее въ Падую 30-го октября 1845 года, Булгарину, который ее напечаталъ въ № 284-мъ «Сѣверной Пчелы». Это стихотвореніе написано рукой моей матери, какъ и другое, подъ заглавіемъ: «Молитва святого Антонія Падуанскаго». Этотъ драгоцѣнный оригиналъ былъ переданъ наслѣдниками Булгарина, вмѣстѣ съ другими бумагами, въ редакцію «Русской старины», которая перепечатала «Балладу» въ февральской книжкѣ 1892 г. за исключеніемъ двухъ послѣднихъ строфъ.

Въ біографіи моей матери, напечатанной мной и моей сестрой ,въ полномъ изданіи ея сочиненій 1890 г., Сергѣй Сушковъ говоритъ слѣдующее:

«Аллегорическій смыслъ — съ ошибочной точки зрѣнія—на политическія отношенія Польши къ Россіи былъ выраженъ въ балладѣ «Насильный бракъ» настолько явственно, что не оставалось никакой возможности этого не понять или отрицать это.

А между тѣмъ въ продолженіе не малаго времени послѣ появленія этого анонимнаго стихотворенія въ «Сѣверной Пчелѣ», никто не обратилъ вниманія на него и не разгадалъ его смысла! Выше было разсказано, какъ велико было милостивое благорасположеніе Государя Николая Павловича къ моей сестрѣ; а потому появленіе этой баллады должно было не только изумить Государя, но вмѣстѣ съ тѣмъ опечалить и прогнѣвить, какъ поступокъ съ ея стороны неблагодарный въ отношеніи къ нему лично...

Но всегда вѣрный своимъ чувствамъ великодушія и высокаго рыцарскаго благородства, особенно въ отношеніи къ женщинамъ, Николай Павловичъ при всеподданнѣйшемъ докладѣ шефа жандармовъ о заподозрѣнномъ въ балладѣ аллегорическомъ смыслѣ, повелѣлъ оставить это дѣло безъ послѣдствій.

Осенью 1847 г. моя сестра вернулась изъ заграничной поѣздки въ Петербургъ, гдѣ прожила совершенно спокойно два мѣсяца; никто и ничто не напоминало ей о злополучной балладѣ, а затѣмъ Ростопчины переселились на жительство въ Москву въ домъ къ восьмидесятилѣтней дряхлой матери графа Андрея Ѳеодоровича, жившей въ одиночествѣ.

Но когда послѣ того, при первомъ высочайшемъ пріѣздѣ въ Москву, графиня Е. П. Ростопчина, успокоенная полной безотвѣтностью за свое легкомысленное поэтическое увлеченіе и ошибочно предполагая, что Государь не изволилъ признать аллегорическаго смысла въ стихотвореніи «Насильный бракъ», отважилась пожелать чести представиться Ихъ Величествамъ въ числѣ прочихъ московскихъ дамъ, то Николай Павловичъ гнѣвно повелѣлъ не допускать ее во дворецъ. Для сестры моей это наказаніе было горькое и тяжелое. Въ задушевныхъ разговорахъ между нами она искренно сознавала свою вину и каялась въ написаніи этого злополучнаго стихотворенія, которое вырвалось изъ-подъ ея пера совершенно случайно и необдуманно подъ впечатлѣніемъ слышанныхъ ею за границей и вздорныхъ толковъ о политическомъ положеніи Польши, судьбою которой она прежде никогда не интересовалась и ничего опредѣ-

леннаго по этому не знала, какъ и большинство тогдашняго русскаго общества, не только женскаго, но и мужского. Для смягченія этого единственнаго въ жизни моей сестры проступка передъ ея родиной, желаю напомнить, что она всегда была пламенной патріоткой, какъ это фактически доказывается содержаніемъ многихъ ея стихотвореній, написанныхъ раньше и позднѣе этой баллады.

Къ великой личности Николая Павловича неизмѣнно хранилось въ ея сердцѣ чувство величайшей любви и преданности, которое ярко высказалось въ прекрасныхъ стихахъ. «На кончину императора Николая I», излившихся изъ глубины душевной скорби по ея возвращеніи 21-го февраля 1855 года отъ панихиды въ Чудовомъ монастырѣ».

Мой дядя не говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Петербургѣ, когда разгадали настоящій смыслъ этой «Баллады». Номеръ «Сѣверной Пчелы» разбирался на расхватъ, и его нельзя было достать.

Полиція, вѣчно опаздывающая, произвела обыскъ у всѣхъ подписчиковъ, отбирая запрещенный номеръ у незнающихъ людей, чтобъ его уничтожить.

Униженіе, испытанное моей матерью во время пребыванія ихъ величествъ въ Москвѣ было мучительно. Она обращалась къ генералъ-губернатору, графу Арсенію Закревскому, съ вопросомъ о своевременности ея представленія ко двору вмѣстѣ съ другими дамами изъ аристократіи; графъ ей посовѣтовалъ записаться въ списокъ. Когда списокъ былъ представленъ Николаю Павловичу, государь схватилъ перо и вычеркнулъ съ такой яростью ея имя, что разо-

рвалъ бумагу. Закревскій, бывшій очевидцемъ его гнѣва, имѣлъ малодушіе скрыть отъ матери это обстоятельство. надѣясь, вѣроятно, что заблудшая овца пройдетъ незамѣченной, или, что Государь не пожелаетъ поднимать тревоги. Моя мать отправилась спокойно на царскій выходъ, немного смущенная, но полагаясь на доброту императрицы Александры Θеодоровны, которая къ ней всегда относилась благосклонно, принимая ее въ дружескомъ кружкѣ. Я живо помню образъ матери въ придворномъ нарядѣ. На ней было муаровое платье соломеннаго цвѣта, покрытое испанскими кружевами, съ гирляндой фіалокъ на подолѣ. Черты ея лица, тонкія какъ у камеи, оттѣнялись прической съ кокошникомъ, украшеннымъ алмазами и опалами.

Она сіяла красотой, и мы восхищались ею. Весь домъ ее провожалъ до кареты; она усѣлась, встрѣчая всеобщее одобреніе.

Каково же было наше удивленіе, когда мать вернулась довольно скоро, въ виду дальняго разстоянія отъ Басманной до Кремля.

«Что случилось?» воскликнули мы, замѣтивъ ея волненіе.

«Меня не внесли въ списокъ. Церемоніймейстеръ, князь Александръ Долгорукій[1]) поспѣшилъ меня предупредить, показавъ мнѣ списокъ и проводилъ меня до кареты».

Въ тотъ-же вечеръ мы узнали подробности происшествія. Какъ только моя мать появилась подъ

[1]) Братъ нашей тетки Надежды Пашковой. Л. Р.

руку съ княземъ въ громадномъ залѣ, гдѣ были собраны всѣ московскія дамы, дѣло объяснилось. Моя мать пользовалась въ Москвѣ всеобщей любовью и уваженіемъ, Москва ею гордилась, какъ поэтомъ. Это изгнаніе женщины, носящей громкое имя, заслужившее безсмертіе въ Россіи, было принято какъ оскорбленіе для всего общества. Графиня Лидія Нессельроде, дочь графа Закревскаго, героиня знаменитаго романа «La Dame aux perles», Дюма-сына, впечатлительная и великодушная по природѣ, воскликнула, что государь, выключивъ изъ списка графиню Ростопчину, оскорбилъ всѣхъ московскихъ дамъ, что теперь имъ только остается удалиться въ доказательство ихъ недовольства.

Большинство дамъ одобряя ея рѣшеніе, собирались покинуть залъ.

Можно себѣ представить волненіе придворныхъ. Церемоніймейстеръ бросился къ выходу, умоляя дамъ успокоиться, увѣряя, что это простая ошибка. Наконецъ, спокойствіе водворилось, и царскій пріемъ начался.

Позднѣе, во время второго пребыванія ихъ величествъ зимой 1850—51 г. графъ Закревскій устроилъ великолѣпный костюмированный балъ: это было повтореніе въ широкихъ размѣрахъ бала, даннаго графиней Наталіей Орловой-Денисовой въ старинномъ домѣ Ростопчиныхъ. Александръ Бутеневъ разсказываетъ объ этомъ балѣ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ». Я могла провѣрить его разсказъ, такъ какъ присутствовала на генеральной репетиціи у графа Закревскаго вмѣстѣ

съ моей матерью и сестрой. Графиня Орлова изображала королеву англійскую Елизавету. Въ сопровожденіи своихъ придворныхъ она явилась, опираясь на руку Владиміра Четвертинскаго, изображавшаго Лейстера. Мрачная и величественная красота его поразила мое дѣтское воображеніе. Эта пара была великолѣпна. За Англіей шествовала вся Россія, всѣ губерніи и города съ соотвѣтствующими гербами, буквы которыхъ составляли полный титулъ русскаго государя. Во главѣ громаднаго кортежа шелъ городъ Кіевъ, затѣмъ Москва, олицетворенная древнимъ бояриномъ съ длинной бѣлой бородой въ золотой епанчѣ, опушенной, соболемъ, въ такой же шапкѣ, украшенной алмазами. Это былъ мой отецъ, который не писалъ никакихъ стиховъ и потому не заслуживалъ порицанія или изгнанія. Онъ шелъ подъ руку съ прелестной княжной Софьей Мещерской. Впрочемъ, въ Москвѣ въ то время было множество красавицъ, какъ напримѣръ, княжны Абамелекъ, Черкасовы, Екатерина Ермолова (въ послѣднее время статсъ-дама ея величества въ Москвѣ), княжны Львовы и главнымъ образомъ княгиня Надежда Четвертинская, олицетворявшая Польшу въ сопровожденіи князя Сергѣя Оболенскаго, (отца князей Владиміра, Платона и Валеріана, состоявшаго при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ) представителя великолѣпнаго рода Оболенскихъ. Княгиня Четвертинская, танцуя краковякъ и мазурку, воспламенила всѣ сердца.

Каждая губернія являлась въ сопровожденіи «рында» (пажа) съ гербомъ.

Для этого выбрали самыхъ красивыхъ дѣтей изъ

аристократіи; мой братъ Викторъ (моложе меня на годъ) выдѣлялся среди другихъ своей необыкновенной красотой и правильностью своего лица съ большими карими глазами. На немъ былъ костюмъ изъ бѣлаго и голубого атласа, и онъ представлялъ собою прелестнаго пажа. Государыня Александра обратила на него вниманіе, она подозвала его и усадивъ на колѣни, спросила, какъ его зовутъ.—«Да это сынъ Додо!»—воскликнула она, обращаясь къ государю, который нахмурился. Однако, онъ сказалъ нѣсколько словъ Виктору, который вернулся домой въ восторгѣ отъ своего успѣха. На другой день государь объявилъ графу Закревскому о своемъ намѣреніи зачислить въ пажескій корпусъ всѣхъ мальчиковъ, изображавшихъ рындъ.

Въ то время это считалось большой честью, болѣе чѣмъ теперь, послѣ демократизаціи этого блестящаго учрежденія. Туда принимались лишь старшіе сыновья аристократическихъ семей или потомки знаменитыхъ генераловъ. Оттуда переходятъ прямо въ гвардію съ правомъ старшинства. «Я долженъ предупредить ваше величество», замѣтилъ генералъ - губернаторъ, «что за недостаткомъ красивыхъ дѣтей изъ аристократіи, я долженъ былъ взять двухъ изъ среды купечества... Кромѣ того, среди нихъ находился сынъ графиня Ростопчиной».

Послѣ минутнаго молчанія императоръ отвѣчалъ: «Своего слова я назадъ не возьму; я ихъ поздравилъ вчера; что сдѣлано, то сдѣлано, безъ исключеній».

Мой братъ воспользовался этой милостью, онъ кон-

чилъ курсъ въ этомъ заведеніи, поступилъ въ гвардейскіе гусары, затѣмъ пробывъ въ Павлоградскомъ полку, онъ перешелъ въ славный полкъ Нижегородскій.

Онъ умеръ рано отъ тифа, свирѣпствовавшаго среди солдатъ. Онъ унаслѣдовалъ красоту отъ матери; его очаровательная наружность льстила нашему самолюбію, когда онъ являлся въ оперу. Изъ нашей ложи мы видѣли, какъ на него направлялись всѣ бинокли. Старые генералы, вѣрные посѣтители первыхъ рядовъ, смотрѣли съ удовольствіемъ на молодого офицера аристократической наружности. Къ несчастью наслѣдственность со стороны отца отразилась на характерѣ моего брата, который оказался рано разочарованнымъ скептикомъ. Отъ его брака съ Маріей фонъ-Рейтингеръ осталось два сына, изъ которыхъ старшій, графъ Борисъ, сохранилъ неизгладимыя наслѣдственныя черты своего рода. Да простятъ мнѣ это невольное чувство гордости. Пріятно открывать прошлое въ настоящемъ и видѣть, какъ внуки слѣдуютъ по стопамъ предковъ. Мои племянники Борисъ и Владиміръ могли бы заслужить одобреніе своего дяди, такъ строго относившагося къ собственному сыну. Чтобъ не возвращаться къ вопросу о знаменитой «Балладѣ», я должна замѣтить, что при коронаціи Александра II-го, моя мать обратилась письменно къ княгинѣ Салтыковой, статсъ-дамѣ ея величества государыни Маріи Александровны съ просьбой записать насъ, мою сестру и меня, въ число лицъ, желающихъ представиться ихъ величествамъ. Я долго сохраняла отвѣтъ княгини, выражавшій сожалѣніе о

томъ, что государыня не можетъ принять дочерей особы, «заслужившей неудовольствіе покойнаго государя».

Я увѣрена, что государыня Марія, извѣстная своей добротой и справедливостью, принявшая насъ такъ милостиво по смерти нашей матери, не знали въ точности, въ чемъ состояло это «неудовольствіе»; но она осталась вѣрна преданію.

Какъ только это сдѣлалось извѣстно, насъ тотчасъ стали приглашать на всѣ большіе и малые балы при посольствахъ, у графини Кочубей, у князя Голицына, богатѣйшаго московскаго вельможи. Всѣ старались заставить насъ забыть немилость, за которую мы отвѣчать не могли.

Исторія несчастной «Баллады» меня немного отвлекла въ сторону, благодаря болтливости свойственной моему возрасту. Я удалилась далеко отъ разсказа о нашемъ житьѣ въ Москвѣ. Я займусь имъ въ слѣдующей главѣ.

Глава XIII.

Въ плѣну на Басманной. — Церемоніальный маршъ клерикаловъ и свѣтскихъ учителей.—Домашнее шпіонство.—Нѣжныя отношенія.—Описаніе Воронова.—Домъ на Садовой.—Библіотека.—Картинная галлерея.—Коллекція. — Надгробное слово надъ тремя малолѣтними Ростопчиными.

По возвращеніи изъ заграницы, мы, Ольга, Викторъ и я, знали прекрасно иностранные языки, но совершенно забыли русскій. Этимъ обстоятельствомъ достойнымъ сожалѣнія, бабушка осталась очень довольна: благодаря Провидѣнію мы къ ней вернулись при такихъ же условіяхъ, какія предшествовали ея отреченію. Незнаніе русскаго и славянскаго языка дѣлало безполезнымъ посѣщеніе православной церкви.

Благодарная почва для процвѣтанія католической религіи! Бабушка приложила всѣ старанія, чтобъ исполнить эту священную задачу; прививка была не легка и къ несчастью для папизма, оказалась безплодной. Однако, многое могло содѣйствовать успѣху: мы жили подъ одной кровлей съ графиней Екатериной и находились въ полномъ ея распоряженіи. Мой отецъ подчинялся ей вполнѣ, преклоняясь передъ ней,

исполняя безпрекословно ея волю. Бабушка прежде всего устранила нашу мать, лишивъ ее права вмѣшиваться въ наше воспитаніе. Мать тоже повиновалась.

Аббаты изъ церкви св. Людовика торжественно появились въ нашей скромной учебной комнатѣ. Я помню, что ихъ было двое: одинъ высокій, симпатичный человѣкъ, другой красный, толстый, холерическаго темперамента, каноникъ изъ собора Сенъ-Дени, Послѣ каждаго перваго урока моя мать приглашала г. аббата къ себѣ, учтиво его предупреждая, что при первой попыткѣ поколебать вѣру ея дѣтей, она будетъ жаловаться генералъ-губернатору, и виновнику придется удалиться за-границу въ сопровожденіи жандармовъ. Нетерпимость графа Закревскаго была всѣмъ извѣстна. Эти современные представители Петра Отшельника удалялись въ бѣшенствѣ. Такимъ образомъ мы исчерпали весь наличный запасъ аббатовъ. Ихъ замѣнили міряне, заранѣе подготовленные бабушкой.

Имъ указали на возможность ознакомиться съ сибирскими снѣгами; и они также исчезли. Наконецъ обратились къ слабому полу. Передъ нами чередовались дамы французскаго происхожденія; каждая изъ нихъ принималась говорить о религіи. Какъ взялась мать, чтобы обратить ихъ въ бѣгство, я не помню, но могу сказать, что онѣ перешли нравственную Березину, которая насъ защищала. Я помню одну изъ послѣднихъ: толстую особу съ усами и наружностью маркитанки; она бросилась къ бабушкѣ, вся красная отъ злости, восклицая: «Графиня, ваша не-

вѣстка—чудовище!» Графиня ее увлекла въ свою молельню, и онѣ вдвоемъ молились о спасенiи нашихъ душъ. Спасти ихъ человѣческими силами казалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что мать взяла съ насъ обѣщанiе, что мы не отречемся.

Легко понять, съ какой яростью эта страшная фанатичка возненавидѣла женщину, на видъ покорную, но съ такимъ геройствомъ исполнявшую свои материнскiя обязанности, сохраняя своихъ дѣтей вѣрными православiю. Жизнь графини Евдокiи превратилась въ настоящiй адъ. Она была вынуждена какъ можно меньше оставаться дома, чтобъ найти покой и отдохновенiе. Она рѣдко обѣдала дома и каждый день отправлялась на вечера къ своимъ многочисленнымъ друзьямъ.

Однажды послѣ одной изъ подобныхъ сценъ, которыя возмущали меня по моей природной впечатлительности, сдѣлавъ меня нервной раньше времени, моя мать печально сказала, обращаясь къ Ментэ: «Меня упрекаютъ въ томъ, что я люблю выѣзды и стараюсь не оставаться дома. Пусть бы мои обвинители попробовали, какова моя домашняя жизнь».

Она знала, что за ней слѣдили шпiоны изъ многочисленной прислуги ея свекрови. Они подслушивали у дверей, подсматривали въ стекла внутренней галлереи, гдѣ раньше игралъ оркестръ, когда давались балы во времена предковъ. Нерѣдко, проходя мимо этой галлереи я видѣла, какъ убѣгала старая Прасковья Михайловна, или Марта, и другiя дѣвушки, служившiя у бабушки. Все, что дѣлала молодая графиня тщательно доносилось старой графинѣ. Послѣдняя

знала все о ея гостяхъ: до какого часа у нея сидѣли, что говорилось, въ то время, какъ «святая женщина» ложилась спать въ 9 часовъ.

Извѣстно, что русскіе ложатся поздно. Старая Басманная далеко отъ центра, гости оставались иногда до 2-хъ часовъ ночи.

Никто не смѣлъ запретить матери принимать своихъ знакомыхъ, или друзей, или не дозволять ей выѣзжать изъ дому; могли только ей мстить на дѣтяхъ, и ей мстили безъ сожалѣнія.

Считаю излишнимъ распространяться объ этой мрачной эпохѣ моего существованія, могу только замѣтить, что вспоминая объ этомъ времени я невольно содрагаюсь!

Бабушка не только не чувствовала къ намъ никакой привязанности, она насъ прямо ненавидѣла. Никогда не называя насъ нашими именами ей ненавистными, считая ихъ еретическими, она къ намъ, ко мнѣ и сестрѣ, обращалась со словами: «Мамзель», а къ Виктору: «М-сье!» Надо было видѣть, съ какимъ презрѣніемъ она произносила эти унизительныя клички! Никогда бабушка насъ не приласкала: когда мы почтительно наклонялись къ ея рукѣ, она удостоивала воздухъ сухимъ, разсѣяннымъ поцѣлуемъ мимо нашихъ головъ. Она отправляла во Францію цѣлые ящики съ игрушками и прекрасными подарками для дорогихъ внуковъ-католиковъ,—а намъ въ день новаго года пренебрежительно дарила какой нибудь ничтожный пустякъ! Намъ было уже по 16, 17 лѣтъ, когда мы получали отъ нея деревянныя тарелочки съ наклеенными на нихъ картонными фруктами,—игрушки, да-

римыя маленькимъ дѣтямъ. У меня не сохранилось отъ нея ни одной золотой бездѣлушки, ни одной книги или шкатулочки, которыя я благоговѣйно бы сберегла.

Мы росли въ тревогѣ, и запуганныя, не понимая, что таилось подъ поверхностью вещей, но догадываясь—въ особенности я, всегда отличавшаяся впечатлительностью,—что окружавшая насъ атмосфера холода и ненависти была явленіемъ неестественнымъ, ненормальнымъ. У насъ не было возможности дѣлать сравненія, у насъ не было подругъ, мы нигдѣ не бывали, такова была воля нашего тирана. Лишь изрѣдка мать получала разрѣшеніе водить насъ въ церковь, но мы не понимали службы, и толпа насъ пугала. Мы обратились въ маленькихъ дикарокъ, и у меня на долго осталась ужасная робость, много вредившая мнѣ въ жизни, тѣмъ болѣе, что я всегда была близорука, а позднѣе къ этому присоединилась глухота,—семейный атавизмъ,—заставившая меня на много лѣтъ совершенно удалиться отъ общества.

Немного легче намъ дышалось въ Вороновѣ, гдѣ мы проводили лѣто. Въ свободные отъ занятій часы я убѣгала въ паркъ, великолѣпное созданіе ученика Ленотра. За цвѣтникомъ, разбитымъ передъ громаднымъ фасадомъ шли три длинныя аллеи столѣтнихъ липъ, такихъ толстыхъ, такихъ древнихъ, что ихъ вѣтви приходилось скрѣплять деревянными обручами. Это напоминало доску съ отверстіемъ для головы преступника. Три каменныя лѣстницы, мшистыя какъ бархатъ, вели къ обширной нижней площадкѣ въ томъ же стилѣ; другія три лѣстницы спускались къ итальянской террасѣ съ гротомъ. Передъ этой террасой

искрился прудъ, огибая весь паркъ, а съ другой стороны величественныя аллеи изъ елей простирались въ необозримую даль. Двѣ каменныя пирамиды до сихъ поръ возвышаются у входа въ главную аллею; онѣ были воздвигнуты въ честь Сѣверной Семирамиды, осчастливившей прежняго владѣльца своимъ царскимъ посѣщеніемъ.

Здѣсь, подъ этой величественной сѣнью, я научилась любить природу съ увлеченіемъ и страстью, отзвуки которой находила у Жанъ-Жака и Жоржъ-Зандъ. Она была моимъ единственнымъ утѣшеніемъ, пока смерть матери не открыла мнѣ другихъ, болѣе высокихъ.

Но тогда вѣра и церковь ничего не говорили моему сердцу. Базилика св. Петра и папа, которыми намъ прожужжали уши, нисколько меня не интересовали; ненависть бабки на религіозной почвѣ одинаково расхолаживала мнѣ душу и умъ. Ея Богъ не могъ быть моимъ Богомъ. Въ моемъ дѣтскомъ мозгу происходила борьба, тщательно сберегаемая мною въ тайнѣ. Я убѣждена, что если бы намъ пришлось еще дольше остаться подъ этимъ нравственнымъ игомъ, я сошла бы съ ума или сдѣлалась идіоткой. У меня осталось какъ воспоминаніе о немъ, какъ вѣчное свидѣтельство печальнаго, угнетеннаго дѣтства,—болѣзненная воспріимчивость и впечатлительность всей нервной системы, заставлявшая меня сильно страдать, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ смыслѣ. Я довела печальную способность болѣзненно дрожать до полнаго совершенства. Нахмуренныя брови, непривѣтливая встрѣча, порицаніе, облако на не-

бѣ, порывъ вѣтра—и я сейчасъ же чувствовала себя подавленной и несчастной. Не обладай я очень крѣпкимъ сложеніемъ и силой воли, развитой благодаря несчастно сложившейся жизни, я обратилась бы съ раннихъ лѣтъ въ инвалида, непригоднаго къ жизни, какъ теперь говорится—въ сильную неврастеничку.

Къ счастью, когда сестрѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ, мать проявила мужественную настойчивость, спасшую насъ. Она убѣдила отца, что мы уже давно переросли тотъ возрастъ, когда русскія дѣти знакомы съ славянскимъ языкомъ и катехизисомъ и допускаются до причастія не какъ младенцы, но уже сознательно, послѣ исповѣди. А мы не только не знали славянскаго языка, но даже своего родного.

Отецъ уступилъ справедливости доводовъ и рѣшилъ покинуть материнскій кровъ. Онъ пріобрѣлъ домъ Небольсина, расположенный въ глубинѣ огромнаго двора на Садовой, противъ церкви св. Ермолая, близъ Спиридоновки, гдѣ мы жили впослѣдствіи. При домѣ находился прекрасный садъ, доставлявшій намъ большое удовольствіе.

Домъ былъ частью перестроенъ и обращенъ въ настоящій дворецъ, гдѣ картинная галлерея и библіотека занимали верхній этажъ. Двойная мраморная лѣстница освѣщалась окнами изъ небольшой залы, гдѣ стояла красивая статуя въ натуральную величину «Дѣвушки, удящей рыбу», Сципіона Фадолини, младшаго.

Налѣво находилась библіотека, громадная комната, занимавшая всю глубину дома, гдѣ тысячи томовъ наполняли шкафы, настолько высокіе, что вдоль верх-

ныхъ полокъ шелъ помостъ. На трехъ гигантскихъ столахъ были разложены стопками альбомы и коллекціи гравюръ. На каминѣ бѣлаго мрамора—зеркало, соотвѣтствовавшее по размѣрамъ величинѣ комнаты, было окружено рамой удивительной рѣзной работы, чудеснымъ произведеніемъ Брустолони въ Венеціи. Когда отецъ продалъ домъ княгинѣ Щербатовой, онъ оставилъ ей эту раму—княжескій подарокъ, надъ которымъ княгиня, говорятъ, только посмѣялась. На стѣнахъ висѣли портреты фламандской школы, масляными красками во весь ростъ, изображавшіе Анну Австрійскую и Марію Медичи; затѣмъ четыре полотна французской школы: m-lle де-ла-Вальеръ, Генріетта Англійская и двѣ дамы, фигурирующія въ балетѣ, называемомъ «Четыре времени года».

Направо отъ залы съ нимфой находились двѣ квадратныя комнаты въ два окна и громадная галлерея, съ зелеными обоями и семью окнами по фасаду, выходившими въ садъ. Эта галлерея предназначалась для пейзажей, здѣсь было пятнадцать очень большихъ картинъ Губерта Роберта, большая морская буря Іосифа Верне, считающаяся однимъ изъ самыхъ лучшихъ его произведеній, четыре ландшафта кавалера Панини, три Сальватора-Роза, одинъ Гонтгорстъ, одинъ Бракенбургъ, «Битва при Рокруа», Казановы, необыкновенной красоты; два полотна Бургиньона, «Поселянка, доящая коровъ» Альберта Гюипъ, два полотна Бергхема, два Теньера младшаго и одно Теньера старшаго, четыре колоннады въ перспективѣ Г. Таллемана, два Яна фонъ-Гойена, нѣсколько картинъ А. фонъ-деръ Неепа Удена, Франциска Мелэ, Жана Бота, Ф. Дюшате-

ля, Б. Оммергана, Тербуховена, Чагени, три вида Венеціи Каналетти, наконецъ, шесть полотенъ П. Вувермана, въ томъ числѣ знаменитая «Повозка съ сѣномъ», изъ коллекціи 1741 года принца Энгіенскаго, маршала Франціи. Кромѣ того, былъ еще Ватто, одна изъ его прелестнѣйшихъ картинъ, изображавшая испанскую парочку, танцующую передъ музыкантами и зрителями, сидящими подъ тѣнью грабовъ. Гравюра работы Скопэна, такой же величины какъ картина. Ее купилъ графъ Морни.

Я почерпнула эти подробности изъ рѣдчайшей брошюры, изданной отцомъ въ Москвѣ въ 1850 г. подъ заглавіемъ «Каталогъ портретовъ, картинъ, статуй и произведеній искусства галлереи графа Растопчина». Какъ видятъ читатели, въ это время отецъ еще писалъ свою фамилію черезъ букву *а*. Въ этой брошюрѣ на 96 страницахъ содержатся біографическія свѣдѣнія о картинахъ, образующихъ коллекцію, собирать которую началъ дѣдъ, а продолжалъ отецъ. Тамъ значатся 282 картины, 3 мраморныхъ статуи, бюстъ Юлія Цезаря изъ порфира, Сенеки—изъ базальта, дѣда—изъ бѣлаго мрамора, превосходной работы Галлепса, исполненный въ Парижѣ въ 1819 г.; голова Антиноя; античная египетская статуя изъ сѣраго мрамора; античная ваза изъ порфира, другая изъ бѣлаго мрамора, высоко цѣнимая знатоками; прекрасная группа изъ гипса, изображавшая Тюренна и Кондэ; канделябры и столы начала восемнадцатаго вѣка изъ цѣлаго позолоченнаго дерева; удивительная голова изъ слоновой кости плачущаго старика, приписываемая Микель-Анджело и достойная его; прекрасные гипсо-

вые бюсты Корнеля, Вольтера и Ж. Ж. Руссо.

Среди другихъ полотенъ я укажу портретъ во весь ростъ Екатерины II въ горностаевой мантіи, работы Лампи, поясной портретъ Павла I, работы Щукина, два портрета дѣда работы Топчи. На одномъ онъ изображенъ въ бѣломъ халатѣ, на другомъ въ мундирѣ мальтійскаго рыцаря, съ лентой Андрея Первозваннаго и цѣпью ордена Благовѣщенія; портретъ бабки работы Кипренскаго, четыре замѣчательныхъ портрета Ларжильера, его собственный портретъ, портретъ его друга гравера д'Ассенэ, Буало Депрео, и собраніе поэтовъ пьющихъ и курящихъ. По серединѣ, на столѣ, сидитъ Расинъ; видна только голова Буало. Эти картины украшали столовую, такъ же, какъ пять портретовъ Гіацинта Риго—канцлеровъ д'Агюэссо и Сегіе, архитектора Перро, Роллена, и извѣстный портретъ высоко художественной работы барона Ф. Жерара, изображавшій Наполеона. Исполненный въ 1811 году, онъ былъ подаренъ имъ своему оберъ-церемоніймейстеру, графу де-Сегюръ, и, по отзыву послѣдняго, отличался поразительнымъ сходствомъ. Филиппъ де-Шампань былъ представленъ четырьмя портретами, въ томъ числѣ *президента Ламба*, съ длинными сѣдыми волосами и *кардинала де-Роганъ*. Въ заключеніе назову лучшее произведеніе коллекціи: «*Старика*», нарисованнаго на деревѣ Жерардомъ Доу, съ совершенно сѣдыми усами и волосами, съ токомъ на головѣ, въ одеждѣ лиловаго бархата, съ перчатками въ рукахъ. Размѣры картины, необъяснимыя для кисти Ж. Доу, и ея удивительная законченность, заставляютъ признать ее однимъ изъ лучшихъ произведеній великаго

художника. Кромѣ того, было два прекрасныхъ Рембрандта, три П. Миньяра,—три сокровища: *Супруга дофина*, *Христина Шведская* и *г-жа де-Севинье*, молодая, стройная, задрапированная въ синюю матерію, оттѣняющую ослѣпительную бѣлизну плечъ. *Старикъ* Бальтазара-Деннера и восхитительная головка *Молодой дѣвушки* Греза представляли между собой разительный контрастъ.

Генрихъ IV глядѣлъ какъ живой съ эскиза Рубенса и въ пару къ нему былъ помѣщенъ портретъ *Ревальяка*, работы неизвѣстнаго художника; *Людовикъ XIV*, имѣлся въ трехъ видахъ: четырнадцати лѣтъ, держащій козу на шнуркѣ, кисти Фердинанда Боля, затѣмъ тридцати четырехъ лѣтъ, кисти Ж. Б. Мартэна; верховой на полѣ битвы, указывающій путь, затѣмъ со скипетромъ въ рукахъ, кисти Гіацинта Риго, картина сгравированная Древе. *Филиппъ IV* Веласкеца, *графиня Лоренцо*, Венеціанца П. Веронеза, *Дочь Тиціана*, кисти ея отца, *Венеціанскій сенаторъ изъ рода Фоскари* — Тинторетто; небольшая картина Ванъ-Дика, министръ *Лувуа*, кисти Г. Нетоша; картины Метци, удивительный *монахъ* и *женщина, играющая на тамбуринѣ*,— Мурилльо. Почти всѣ прекрасныя картины религіознаго содержанія флорентійскихъ и римскихъ галлерей были представлены великолѣпными копіями. Среди подлинниковъ назову Альберта Дюрера: *Поклоненіе пастуховъ*, на деревѣ съ монограммой художника; прекрасную *Мадонну*, Гарофало, показываемую только съ разрѣшенія отца, *Святое семейство*, Франчіа, отличавшееся необык-

новенной прелестью и выразительностью; очень рѣдкій, драгоцѣнный *Христосъ, несущій свой крестъ*, Гауденцю Ферраро; *Ecce Homo Гвидо*, четыре *Богоматери*, Луини, Соссеферато, Сима ди-Копеліано и Стелла, рисованная на мраморѣ; *Богоматерь*. Пьерре Миньара, двѣ очень большихъ картины: *Снятіе съ креста св. Андрея*,— Рибейры, называемаго Спаньолетто, *Успеніе Пресвятой Богородицы*,— Ж. Ж. Сементи, любимаго ученика Гвидо Рени. На этой великолѣпной картинѣ было изображено тринадцать фигуръ во весь ростъ; она принадлежала кардиналу Фешу, была продана съ аукціона послѣ его смерти, куплена антикваріемъ и перепродана отцу.

Кромѣ множества небольшихъ картинъ неизвѣстныхъ художниковъ, всѣ прекрасной работы, было три картины Адріена фонъ-Остаде: *Завтракъ изъ устрицъ*, нѣсколько картинъ Дюшателя, картины Бергема, Давида Теньера младшаго и старшаго и именные портреты. Въ небольшой комнатѣ, отдѣлявшей гостиныя, выходившія на дворъ, отъ кабинета отца, находилась картина, всегда тщательно прикрытая шелковой занавѣской, которую я осторожно приподнимала, когда знала, что меня не могутъ поймать. Это была современная работа Наталя Скіавони отца, исполненная въ 1842 г. въ Венеціи, изображавшая, какъ говорили, дочь палача, спящую, безъ всякихъ покрововъ. Раскинувшееся въ истомѣ тѣло, естественность позы, поразительная красота женщины, въ ослѣпительной наготѣ, вырисовывавшейся на красной драпировкѣ задняго фона, вызывали общее восхищеніе. Я помню,

какъ художникъ-французъ получилъ позволенiе сдѣлать копiю съ этой картины. Онъ нарисовалъ ее пастелью и, о, профанацiя! надѣлъ на прекрасную шею маленькую черную бархотку съ золотымъ сердечкомъ! Я обнаружила это въ одно изъ своихъ посѣщенiй украдкой и была такъ возмущена, что съ трудомъ удержалась, чтобы не стереть рукой такое доказательство дурного вкуса.

Извиняюсь передъ читателями за столь длинный перечень, но мнѣ, казалось, интереснымъ обрисовать ту артистическую обстановку, въ какой жилъ мой дѣдъ, имѣвшую на меня такое большое влiянiе и съ раннихъ лѣтъ развившую во мнѣ любовь къ изящнымъ искусствамъ, къ чему, въ скобкахъ, я была предназначена по линiямъ руки и выпуклостямъ на пальцахъ. Сколько счастливыхъ часовъ я провела въ созерцанiи своихъ излюбленныхъ картинъ и въ разсматриванiи гравюръ, когда была увѣрена въ безнаказанности! Здѣсь были полныя коллекцiи галлерей Питти, Дрезденскаго музея, серiя рисунковъ перомъ Жака Калло, изображавшихъ старый Парижъ и Дворъ чудесъ, рисунки краснымъ карандашемъ Греза, оригинальный эскизъ Моисея Микель-Анджело, съ тремя руками и четырьмя ногами, шесть томовъ, представлявшихъ всѣхъ французскихъ знаменитостей въ половину роста, начиная отъ Хлодвига до Людовика—Филиппа, его семейства, великихъ людей его царствованiя. Къ каждому портрету было приложено факсимиле.

Кромѣ того были альбомы красками миніатюръ, Изабо и цвѣтовъ Редутэ, ретушированныхъ рукой

этихъ великихъ художниковъ, альбомы драматическихъ артистовъ, пѣвцовъ и балеринъ Людовика XVI и Карла X,—однимъ словомъ, тутъ были настоящія художественныя сокровища, безжалостно разсѣянныя временемъ, не изгладившимъ, однако, изъ моей памяти прекрасные образы, вызываемые мною теперь съ благоговѣйнымъ умиленіемъ. Я обязана имъ часами восторга и забвенія...

Здѣсь, въ обширномъ и роскошномъ домѣ, куда по воскресеньямъ былъ открытъ доступъ публикѣ, началось воспитаніе трехъ маленькихъ дичковъ Ростопчиныхъ. Были приглашены учителя англійскаго, нѣмецкаго и русскаго языковъ, и, наконецъ, нашъ порогъ переступилъ православный священникъ, принося съ собой Свѣтъ и Вѣру. Мы были спасены!!

Бабка никогда не простила матери, что она такимъ образомъ избавила насъ отъ ея вліянія, и поклялась отомстить. Насталъ день, когда ненавистная невѣстка, унижаясь изъ материнской любви, пришла съ разказомъ о денежныхъ дѣлахъ мужа, о печальной перспективѣ будущаго и умоляла графиню Екатерину предоставить сыну только пользованіе доходами съ Воронова, обезпечивъ владѣніе имъ за внуками. Бабка выпрямилась съ злой усмѣшкой.

— Тѣмъ лучше, — отвѣчала она сухимъ, жесткимъ голосомъ;—когда Андрей раззорится и раззоритъ своихъ дѣтей, они окажутся на соломѣ и, можетъ быть, спасутъ свои души!

Таково было надгробное слово, произнесенное надъ нами.

Оттолкнувъ заплаканную невѣстку, графиня Ростоп-

чяна продолжала прогулку, радуясь мысли, что мы попадемъ въ царствіе небесное, если не благодаря католичеству, то благодаря бѣдствіямъ и несчастьямъ. Добрый Іовъ такой богатый источникъ утѣшенія со стороны!

Глава XIV.

19-е февраля 1861 г.—Ненависть къ водкѣ графини Екатерины.—Исторія съ бутылкой водки.—Наказаніе розгами жертвы Тимофея.—Ссылка въ Сибирь.—Перемѣна въ управленіи имѣньемъ.—Сценки изъ сельской жизни. — Я посѣщаю Вороново изъ любопытства. — „Крестница фей".—Домъ на Басманной.

Съ содроганіемъ перехожу къ самымъ тяжелымъ и возмутительнымъ воспоминаніямъ дѣтства.

Я благоговѣйно чту священную память Александра II, потому что онъ былъ Царемъ-Освободителемъ. Онъ освободилъ душу русскаго народа изъ темноты, гдѣ она задыхалась; онъ избавилъ его тѣло отъ унизительнаго наказанія побоями и розгами; онъ огородилъ его отъ злоупотребленія властью, отъ жестокости, несправедливости, оскорбленій. Онъ создалъ народу новую жизнь! Да будетъ благословенно его имя во вѣки! Не могу вспомнить безъ слезъ безумнаго восторга 19-ое февраля 1861 г. Я крестилась и твердила: «Свободны! Они свободны! Свободны—любить и жениться на комъ угодно, селиться, гдѣ вздумается, покидать землю, часто неблагодарную, къ которой были прикованы, господъ часто жестокихъ. Они

могутъ странствовать по всему міру, царское слово дало имъ отъ него ключъ. Ужасный, несправедливый рокъ, тяготѣвшій надъ русскимъ рабомъ, разсѣялся отъ дуновенія августѣйшаго слова. Впредь крестьянинъ будетъ преклонять колѣна только передъ Богомъ и Царемъ!»

Я взяла съ собой горничную и пошла въ Казанскій соборъ: мнѣ хотѣлось смѣшаться съ наполнявшимъ громадный храмъ народомъ, раздѣлить его святую радость, молиться вмѣстѣ съ нимъ, прижать каждаго крестьянина къ сердцу, бившемуся отъ волненія, сказать ему: «Братъ мой! Ты братъ мой не только по общему происхожденію, но по закону, сравнявшему тебя со мною».

Такое волненіе было отраженіемъ чувствъ, отравлявшихъ мнѣ жизнь; это былъ протестъ души, возмущенной ужаснымъ зрѣлищемъ сценъ, происходившихъ въ Вороновѣ.

Съ временъ, не сохранившихся въ моемъ воспоминаніи, имѣньемъ управлялъ мужикъ по имени Тимофей. Не знаю, занимался ли онъ раньше въ конторѣ. Въ книгѣ маркиза А. де-Сегюръ находится очень похожій портретъ этого чудовища, исполненный карандашемъ Гастономъ де-Сегюръ. Это былъ человѣкъ атлетическаго тѣлосложенія заставлявшій трепетать передъ собой всѣхъ подчиненныхъ его деспотическому произволу. Не знаю, какимъ образомъ ему удалось заручиться расположеніемъ бабки, вѣроятно, притворствомъ, выдавая себя за любителя чая и проклиная вино и водку, составлявшую предметъ ненависти графини Екатерины. Фактъ тотъ, что онъ пользовался

безграничнымъ ея довѣріемъ и недостойно злоупотреблялъ имъ. Умный и проницательный, какъ всѣ славяне, вдобавокъ хитрый и лживый, онъ быстро понялъ глубину презрѣнія и ненависти своей госпожи къ «противнымъ русскимъ свиньямъ, проклятымъ еретикамъ, обреченнымъ гіеннѣ огненной», и съ наглымъ безстыдствомъ игралъ на этихъ струнахъ, настроенныхъ рукой іезуитовъ.

Я упомянула выше, что бабка ненавидѣла пьянство, природный порокъ, поощряемый суровостью климата. Она не дѣлала различій между запойнымъ пьяницей и выпившимъ случайно, съ радости или, чтобы забыться: оба казались ей одинаково достойными кнута или Сибири.

Весной, при возвращеніи изъ Москвы, по обычаю графинѣ представлялись родителями новобрачные, повѣнчавшіеся зимой. Я вижу ихъ передъ собой, съ опущенными глазами, онъ вертитъ въ рукахъ войлочную шляпу, она полотенце, принесенное въ подарокъ, родители стоятъ позади и подталкиваютъ впередъ «молодыхъ»; при появленіи графини Екатерины всѣ бросаются на колѣни и стукаются лбомъ о землю. Это былъ старый обычай, и хотя бабка имъ всегда возмущалась, въ чемъ я ей должна отдать справедливость, ей не удавалось его вывести. Стоя на крыльцѣ, она неизмѣнно говорила: «Встаньте, кланяются только Богу! Ну, что вы пили на свадьбѣ»?

Наученные жестокими примѣрами прошлаго, хорошо вышколенные крестьяне отвѣчали хоромъ: «Шалшей, ваше сіятельство, шалфей и ромашку».—Хорошо, но смотрите, не смѣйте пить водки, это изобрѣ-

геніе дьявола, чтобы васъ загнать въ адъ». Затѣмъ слѣдовало яркое описаніе, не на особенно хорошемъ русскомъ языкѣ, этого ужаснаго мѣста, какъ будто видѣннаго собственными глазами, но намѣреніе искупало недочеты.

По окончаніи проповѣди паства отсылалась на кухню, гдѣ ее ожидалъ превосходный настой изъ ромашки, чтобы выпить за здоровье молодыхъ. Можетъ быть, этотъ напитокъ приходился по вкусу нѣкоторыхъ изъ молодухъ, но мужчины пили его, должна сознаться, весьма неохотно и уходили, говоря себѣ, что путь къ спасенію души нелегкій.

Однажды бабкѣ вздумалось пройти въ деревню, отдѣленную отъ усадьбы большой липовой рощей и рядами построекъ, гдѣ жили семейно кучера, садовники, столяры, прачки, скотницы и т. д., а такъ-же старые слуги на покоѣ, такъ что образовалась цѣлая слобода.

Это былъ первый и единственный разъ, когда я помню, чтобы графиня Екатерина вышла за предѣлы парка. Она совершала прогулку утромъ со своими компаньонками и большимъ количествомъ четокъ, а послѣ обѣда instate, какъ говорятъ англичане, всегда въ сопровожденіи своего двора и насъ. Мои родители должны были также ее сопровождать и безконечное количество разъ мѣрить взадъ и впередъ длинную среднюю аллею, предназначенную для торжественныхъ прогулокъ, которыя мы при нашей дѣтской рѣзвости проклинали въ глубинѣ души. Надо было двигаться медленно, не смѣяться, держаться прямо; нѣкоторыя изъ компаньонокъ вязали на ходу,

другія перебирали четки. На этотъ разъ процессія вдругъ сошла по лѣстницѣ въ нижній садъ, окружавшій голландскій домикъ, прошла мимо оранжереи, обширнаго паралеллограма конюшенъ, направилась вдоль аллеи, перешла черезъ мостъ нижняго пруда и двинулась прямо къ кабаку. Это преддверье адово существовало со временъ Рюрика; по крайней мѣрѣ ни дѣду, ни его сыну не удалось его закрыть. Это извѣстно достовѣрно. Мы шли толпой за бабкой, выступавшей впереди, совершенно какъ на картинахъ, изображающихъ прогулку короля-солнца по Версалю. По бокамъ шли мои родители, а сзади слѣдовала толпа придворныхъ, Ментэ, m-lle Пальмира Базаръ, главная воспитательница, три наставника, русскій, англичанинъ и нѣмецъ, дамы свиты, трое дѣтей и ихъ собаки. Вдругъ въ дверяхъ кабака показался молодой парень съ бутылкой водки въ рукахъ, т.-е. съ указомъ о безвозвратной ссылкѣ въ Сибирь. Сейчасъ-же изъ-за грозной спины графини замахали палки и зонты. Преступникъ къ счастью успѣлъ во время спохватиться и спрятать вещественное доказательство за спину. Бабка остановилась передъ нимъ: «Какъ тебя зовутъ?—Иваномъ, ваше сіятельство.—Ты пьешь водку?—Никогда, ваше сіятельство, вкуса ея не знаю.—«Не лги». Бѣдняга сталъ клясться, что говоритъ правду... «Что-же вы пьете по праздникамъ? —Что-же пить, кромѣ шалфея? Иногда шалфей, иногда пьемъ липовый цвѣтъ, иногда ромашку, какъ случится.—Отлично. А если начнешь пить водку, дьяволъ схватитъ тебя за ноги и стащитъ въ адъ.— Знаю, ваше сіятельство. Чтобы ему, негодяю, про-

валиться, чтобы у него языкъ прилипъ къ гортани, чтобы ему подохнуть, какъ собакѣ».

Довольная прекрасными чувствами, выраженными парнемъ, графиня Екатерина повернула обратно къ усадьбѣ, а парень, шедшій передъ ней, пятясь задомъ, пока мы поравнялись съ нимъ и не прикрыли злосчастную бутылку, отскочилъ въ сторону и опрометью скрылся въ ближайшей избѣ.

Увы! бѣдные вороновскіе крестьяне не всегда отдѣлывались такъ дешево! Въ другой разъ, мучительно запечатлѣвшійся въ моей памяти, мы гуляли снова по аллеѣ, когда къ намъ со всѣхъ ногъ устремилась женщина въ разорванномъ, окровавленномъ платьѣ, преслѣдуемая конюхами... она убѣжала съ конюшни, гдѣ ее сѣкли розгами... и упала рыдая къ ногамъ бабки. Никогда не забуду этой ужасной сцены, запечатлѣвшейся въ моей памяти, какъ будто она произошла только вчера: распростертая на землѣ жертва и неумолимая властительница, сурово спрашивающая у нея о причинахъ наказанія, происходившаго по приказу Тимофея. Услыхавъ ненавистное слово водка, не обращая вниманія на горячія мольбы матери, на болѣе робкія просьбы отца, не замѣчая нашихъ слезъ, та, кого я въ эту минуту стыдилась назвать своей бабкой, молча отвернулась и продолжала прогулку... Конюхи подошли, схватили жертву и повлекли ее, чтобы продолжать наказаніе... Несчастная была беременна... Боже мой! что дѣлалось... я была тому свидѣтельницей... я видѣла и слышала... Какимъ гнѣвомъ и ненавистью билось во время дальнѣйшей зловѣщей прогулки мое дѣтское серд-

це, которое не должно было бы знать ничего, кромѣ любви! Я ненавидѣла эту безчувственную, безсердечную женщину, почитаемую глупцами за святую, потому что съ пышностью посѣщала церковь, подобно фарисеямъ, выставляя на видъ свое лицемѣрное благочестіе.

Мы всѣ вернулись домой разстроенныя, со слезами на глазахъ. Вскорѣ несчастную крестьянку привели въ комнату матери. Мнѣ не извѣстно, дѣйствительно ли она провинилась въ томъ, что пила водку, или тутъ была другая, тайная причина; какъ я узнала впослѣдствіи, негодяй Тимофей бралъ силой дѣвушекъ и женщинъ, ему нравившихся, наказывая розгами ослушницъ и ихъ семьи, а также тѣхъ, кто не давалъ ему денегъ. Я видѣла только, какъ мать и Меэтэ плакали вмѣстѣ съ бѣдной женщиной, обмывали ея окровавленную спину, клали на нее компрессы.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось прочесть драму Александра Дюма, озаглавленную «Христина Шведская». Мѣсто, гдѣ раненый Монадельши бросается къ ногамъ своей царственной возлюбленной, великодушно отвѣчающей на мольбы монаха: «Хорошо, я сжалюсь надъ нимъ, отецъ... пусть его прикончатъ»; напомнило мнѣ бабку... Ужасное воспоминаніе!

Мы должны были являться къ ней здороваться. Очень часто въ этотъ утренній часъ являлся съ докладомъ отвратительный Тимофей. Елейный и почтительный; онъ клалъ на столъ ворохъ бумагъ.

— Подпишите, ваше сіятельство.

— Что такое?

— Ссылка въ Сибирь такихъ-то и такихъ-то семей.

— А! такъ они пьютъ?

— Пьютъ, ваше сіятельство.

Графиня Екатерина бралась за перо и подписывавала, не читая. Сколько несчастныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ людей сгноила она такимъ образомъ въ Сибири! Если бы то были поляки..., но противные еретики...

Когда графъ Арсеній Закревскій былъ назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, его вниманіе вскорѣ обратило на себѣ то обстоятельство, что изъ Воронова ежегодно ссылалось въ Сибирь больше крестьянъ, чѣмъ изъ всей остальной губерніи вмѣстѣ взятой. Губернаторъ призвалъ къ себѣ моего отца и попросилъ объяснить себѣ такую странность. Тотъ отвѣчалъ, что безсиленъ что-либо сдѣлать, такъ какъ имѣніе принадлежитъ его матери. Графъ сдѣлалъ докладъ кому слѣдуетъ и управленіе имѣніемъ высочайшимъ указомъ было отобрано отъ безчувственной безжалостной женщины, обрекшей сотни семей на смерть въ ссылкѣ, и поручено отцу. Это историческій фактъ, который не могутъ опровергнуть ни московская французская колонія, ни біографіи, возводившія графиню въ святыя.

Чтобы покончить съ достойнымъ сподвижникомъ графини Екатерины, разскажу, какъ однажды мы отправились на пикникъ верстъ за десять, въ деревню Могутово; мы съ матерью сидѣли въ бричкѣ, лошадьми правилъ красавецъ кучеръ Павелъ. Выѣхавъ на поляну, среди которой высился дубъ невѣроятной ве-

личины, Павелъ пріостановилъ тройку и сказалъ, указывая на дерево: «Вотъ за этимъ дубомъ мы съ отцомъ просидѣли цѣлую ночь, поджидая проклятаго Тимофея. Да ничего не вышло, онъ прошелъ другой дорогой».

— Почему твой отецъ хотѣлъ убить Тимофея?— спросила мать.

Павелъ бросилъ искоса взглядъ на меня и процѣдилъ сквозь зубы: «Была у меня сестра... такъ вотъ»...

Я тогда ничего не поняла, а мать не стала больше разспрашивать. Наказаніе все-таки постигло злодѣя: богатство, накопленное цѣной столькихъ преступленій, было растрачено сыномъ Тимофея. Послѣднему пришлось сдѣлаться торговцемъ краснымъ товаромъ. Судьба привела его въ Сибирь, которую онъ такъ усиленно старался заселить, тамъ онъ былъ убитъ бродягами, и его тѣло, изуродованное и ограбленное, было найдено на большой дорогѣ. Слухъ объ этомъ дошелъ до Воронова и былъ встрѣченъ общей радостью.

Первымъ дѣломъ отца было устраненіе Тимофея. Невозможно описать ликованія бѣднаго народа, такъ долго угнетаемаго и раззоряемаго; потому что всѣ, желавшіе избѣжать ссылки въ Сибирь, были обложены крупной данью.

Изъ всѣхъ деревень явились депутаціи, крестьяне плакали отъ радости и цѣловали руки отца, называя его «своимъ спасителемъ». Я сама была тому свидѣтельницей и слышала брань, какою измученные люди осыпали Тимофея. Цѣлили выше, но никто не осмѣ-

ливался произнести имени, бывшаго у всѣхъ въ сердцѣ, если не на языкѣ.

Я забыла названіе многочисленныхъ деревень, принадлежавшихъ къ имѣнію, помню только Свитино, расположенное около пруда въ концѣ большой аллея, начинавшейся отъ пирамидъ и образовывавшей перспективу. Тамъ была церковь, потомъ надо было долго ѣхать до Могутова, находившагося на границѣ помѣстья, дальше уже начинались владѣнія Кирѣевыхъ. Въ Могутовѣ также была церковь. Сколько было всего десятинъ земли и душъ, какъ говорили тогда, не помню.

Отецъ совершилъ объѣздъ всѣхъ деревень, и мы его сопровождали; эти поѣздки доставляли намъ большое удовольствіе. Ѣхали въ нѣсколькихъ экипажахъ, въ томъ числѣ на линейкѣ, удивительномъ экипажѣ, теперь исчезнувшемъ, неломавшемся на самыхъ плохихъ дорогахъ. Сзади слѣдовали повозки съ припасами, которые раскладывались гдѣ-нибудь на красивой лужайкѣ. Здѣсь обязательно бывали громадные пироги съ капустой и яйцами или грибами, соленья, холодное мясо, бисквитные пироги, пропитанные ромомъ, во сто разъ болѣе неперевaримые, чѣмъ самые тяжелые плумъ-пудинги; но нашъ здоровый, деревенскій аппетитъ все поглощалъ и все переваривалъ. Когда отецъ, котораго мы очень боялись, засыпалъ послѣ завтрака, лежа на подушкахъ и не стѣснялъ больше общаго веселья, мы играли въ разныя игры, или отправлялись за земляникой, грибами или орѣхами; смотря по времени года. Мать придавала много прелести этимъ часамъ своей веселостью, своей привѣтливо-

стью съ нашими преподавателями; всѣ ее боготворили. Счастливое время! Мирныя радости! У меня сохранилось отъ нихъ впечатлѣніе свѣжести, воскресающее, когда я нюхаю ландыши, обильно росшіе въ большихъ лѣсахъ этой мѣстности.

У околицы деревни насъ ожидала толпа, дѣти и старики впереди съ чернымъ хлѣбомъ въ рукахъ, съ неизбѣжными солонками, красовавшимися на вышитыхъ холщевыхъ полотенцахъ, женщины подносили блюда яицъ и все это непремѣнно надо было увозить съ собой, рискуя обратить по дорогѣ въ яичницу. Обмѣнивались взаимными привѣтствіями, послѣ чего если здѣсь была церковь, у входа ожидалъ причтъ и служилъ молебствіе... Благословенныя времена, когда ничего не дѣлалось безъ благословенія Божьяго! Потомъ отецъ шелъ въ «контору», потому что въ каждой деревнѣ были младшіе управляющіе, а мы разговаривали съ крестьянами, смотрѣвшими на насъ, какъ на любопытныхъ звѣрей. Почти для всѣхъ изъ нихъ видъ горожанъ былъ удивительной рѣдкостью! Возвращались съ такихъ поѣздокъ поздно, къ ужину, утомленными, но такой здоровой усталостью!

Отецъ, суровый со своими домашними, прекрасно относился къ крестьянамъ. Онъ оправдалъ ихъ надежды, обращался съ ними мягко, давалъ лѣсъ, нужный для постройки сгорѣвшей или развалившейся отъ ветхости избы, дрова, павшую корову замѣняли коровой изъ нашего стада, въ больницу принимали даромъ не только нашихъ больныхъ, но и всѣхъ окрестныхъ. Это было въ то время большимъ филантропическимъ нововведеніемъ. Однимъ словомъ, отецъ заслужилъ бла-

годарность крестьянъ и оставить среди нихъ хорошую память. Когда впослѣдствіи расточительность заставила его продать Вороново Голенищеву-Кутузову-Толстому и послѣдній перестроилъ домъ, тотъ два раза сгорѣлъ. Говорятъ, такимъ образомъ крестьяне проявляли свою любовь къ прежнему владѣльцу. Раздосадованный новый владѣлецъ продалъ Вороново графу Дмитрію Шереметьеву. Послѣдній превратилъ домъ въ роскошный дворецъ, въ англійскомъ вкусѣ, потомъ прискучилъ имъ и продалъ брату Сергѣю, насадившему великолѣпныя аллеи изъ елей, на трехъ верстахъ, идущихъ отъ шоссе къ дому. Вороново пошло въ приданое за старшей дочерью графа, Анной, вышедшей замужъ за сына бывшаго посла Сабурова.

Въ іюнѣ 1901 г. я провела цѣлый день у симпатичной молодой четы. Воспоминанія дѣтства дороги, несмотря на ихъ печальную безрадостность, настойчиво влекли меня посѣтить тотъ уголокъ земли, гдѣ сложилась моя душа. Съ какимъ священнымъ трепетомъ я обошла эти мѣста, свидѣтелей внутренней борьбы, когда духъ сбрасываетъ съ себя пелены и устремляется къ жизни! Я жила здѣсь въ возрастѣ отъ десяти до двадцати лѣтъ, вернулась сюда состарѣвшейся и окунулась въ міръ ощущеній, пережитыхъ за тѣ десять лѣтъ. Воспоминанія и сожалѣнія охватили душу. Среди нѣмыхъ, но вѣчныхъ свидѣтелей моей жизни, я задала себѣ вопросъ... Да, конечно, я не хотѣла бы снова пережить повтореніе своего дѣтства и молодости и все-таки не жалѣла, что они прошли именно такимъ образомъ: они научили меня

высшему благу жизни, ея скрашивающему, возвышающему и очищающему душу для грядущей смерти — покорности.

Для тѣхъ, кто прочтутъ эти строки, считаю нужнымъ коснуться мелькомъ собственной біографіи, подстать (конечно, въ скромномъ видѣ) «запискамъ, написаннымъ въ десять минутъ», дорогого дѣда. Меня часто просили написать свои воспоминанія, но я всегда отказывалась. Какъ-то разъ въ Ниццѣ, когда ужасное паденіе съ лѣстницы приковало меня на нѣсколько лѣтъ къ постели, преданный другъ, такъ заботливо ухаживавшій за мной, г-жа Бюрне-офъ-Эльрикъ, урожденная Демидова, у которой я жила, принесла мнѣ номеръ «Petit journal», гдѣ предлагалась премія автору лучшаго разсказа не длиннѣе трехсотъ строкъ. Я была въ ударѣ, взялась за перо и написала «Крестницу фей», стяжавшую мнѣ премію и много лестнаго вниманія.

Крестница фей.

Разсказъ удостоенный преміи на конкурсѣ «Petit journal».

«Я родилась 25-го сентября нѣкоего года въ теченіе девятнадцатаго столѣтія. Мое рожденіе было разочарованіемъ для родителей, ожидавшихъ наслѣдника имени и громаднаго состоянія дѣда. И все-таки, моя очаровательная, прекрасная, умная мать, въ качествѣ поэтессы поддерживавшая общеніе съ Безсмертными, пригласила на мои крестины Фей. Фея красоты вѣжливо извинилась. «Я осыпала мать своими дарами, пусть она подѣлится съ дочерьми». Фея богатства улыбнулась презрительно. «Нѣтъ, я не пойду, я раз-

зорилась для дѣда, а теперь связана контрактомъ съ Ротшильдами, они завладѣли мной и обязали присутствовать при всѣхъ своихъ колыбеляхъ, настоящихъ и будущихъ, превративъ меня въ кормилицу». Посланецъ настаивалъ, какъ истинный сынъ нашего вѣка, тогда Богатство возмутилось и встрѣтивъ, кромѣ того, свою соперницу Раззореніе, иронически крикнула ей: «Не пожалуете ли, красавица, въ прекрасный замокъ, гдѣ васъ ожидаютъ на крестины важной маленькой особы». Окликнутая Фея презрительно пожала плечами: «Меня никогда не приглашаютъ», сухо отвѣтила она, «со мной мирятся. Пусть малютка ожидаетъ въ своей золотой колыбели, я появлюсь, когда настанетъ время наградить ее приданымъ». Она сдержала слово.

Все-таки на моихъ крестинахъ присутствовало много Безсмертныхъ. Фея ума наградила меня нѣжнымъ поцѣлуемъ, Фея хорошаго расположенія духа долго нянчила меня, Фея хорошаго пищеваренія меня приласкала. «Я самая главная вещь въ жизни, сестры мои, сказала она, «этотъ вѣкъ постоянно посягаетъ на меня, ополчается на меня своими поддѣльными продуктами, морфіемъ и неврозомъ; я защищу ребенка противъ его посягательствъ». Фея музыки качала меня своими длинными, тонкими руками. «Слишкомъ много роялей въ нашъ вѣкъ», печально вздохнула она, «слишкомъ много безжалостныхъ барышень, барабанящихъ по клавишамъ, слишкомъ много терзателей ушей всякаго рода; будь безобидной, милое дитя! Если я лишаю тебя умѣнья извлекать звуки, за то щедро награждаю способностью ими наслаждаться; ты будешь

боготворять Бетховена и преклоняться передъ Рубинштейномъ. У тебя маленькія уши, но сквозь нихъ проникнетъ безконечный міръ музыкальнаго упоенія, симфонія охватитъ твою душу и вознесетъ ее до небесъ; подъ звуки мелодіи ты увидишь въ воображаемыхъ облакахъ танцующую Аэріану, прелестную дочь Поэзіи и Воображенія, въ которой сочетаются пластическая красота Греціи и волшебный колоритъ божественнаго Санціо и великаго Леонардо, твоихъ будущихъ кумировъ. Для тебя, страстной поклонницы греческаго искусства, по моему мановенію запоютъ статуи, восхищая твой слухъ и лаская твой взоръ. Я всемірная гармонія, связующая землю съ небомъ».

Въ эту минуту въ окно проскользнуло разноцвѣтное облачко и освѣтило всю комнату, изъ него вышло чудное созданіе ослѣпительной красоты, все розовое. Это была Поэзія, сильно взволнованная: «Скорѣе, скорѣе, закрывайте всѣ окна и двери», воскликнула она, расправляя красивыми руками помятыя складки своего одѣянія. «Я встрѣтилась со своимъ непримиримымъ врагомъ, Реализмомъ, бросившимся на меня, и мы боролись грудь съ грудью. Онъ, противный, отнялъ у меня всѣ рифмы, и у меня больше не осталось ни одной, чтобы одарить дитя моей возлюбленной дочери, но дѣвочка отъ этого ничего не потеряетъ». Взявъ меня на руки и наклонивъ ко мнѣ свое прелестное, благородное лицо, она мнѣ улыбнулась и легкое дуновеніе, какъ ласка, коснулась моего лба.

«Понимать, цѣнить, восхищаться и наслаждаться, значитъ заниматься поэзіей эгоистической и пассивной, и только ею я могу одарить тебя, дитя мое,

но встрѣчаться съ Шекспиромъ, Данте, Корнелемъ, Гюго, Мюссе, и Пушкинымъ жить въ умственномъ общенiи съ ними и ихъ братьями,—значитъ, быть все-таки среди моихъ избранниковъ».

Улыбаясь, она положила меня въ колыбель. Въ эту минуту дверь отворилась, и вошла женщина, она была высокаго роста, одѣта въ лохмотья и опиралась на толстую палку, отъ страданiя потускнѣлъ ея взоръ, исказилось лицо, и все-таки гордость осанки и взгляда выдавали въ ней Безсмертную. Она какъ будто принесла съ собой атмосферу холода, омрачившую всѣ лица. Окинувъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ боязливо отворачивавшихся, она сказала важнымъ голосомъ: «Я—великая школа душъ, я—Бѣдствiе, безъ меня не можетъ быть полной жизни, закаленной души, велико число моихъ избранниковъ и хотя много неблагодарныхъ, мнѣ безразлично: я работаю для Вѣчности и по ея приказу. Осужденная разить безжалостно, я наношу удары, а мои сестры утѣшаютъ» «Она удалилась и вмѣсто нея появилось двѣ новыя Безсмертныя. Первая отличалась благородной, внушительной красотой, спокойная величавость отражалась на ея лицѣ и въ ея взглядѣ». «Я утѣшительница всѣхъ скорбей», сказала она съ спокойной важностью. Измученный жизнью, обманутый братьями, оскорбленный, оклеветанный, дошедшiй до послѣднихъ предѣловъ силъ и терпѣнiя, человѣкъ бросается въ мои объятiя и здѣсь находитъ успокоенiе и забвенiе. Нѣтъ такого горя, что я бы не успокоила, такихъ слезъ, которыхъ я не осушила бы своей неутомимой рукой. Подруга человѣчества, его кормилица и могила,—я никогда его не обманываю, потому что я—природа»...

Едва успѣла она кончить, какъ заговорила ея спутница; послѣдняя была одѣта въ серебристыя ткани, переливавшіяся какъ море на солнце; ея красота была восхитительна, хотя казалось почти невозможнымъ уловить общее впечатлѣніе, благодаря ея необыкновенной подвижности; большія радужныя крылья окружали ее своимъ трепетнымъ сіяніемъ: «Моя сестра исцѣляетъ душу, сказала она мелодичнымъ голосомъ, я врачую умъ. Я бабочка человѣческаго мозга, на своихъ легкихъ крыльяхъ, я уношу это живое дуновеніе, неосязаемость, заключающую въ себѣ безконечность; я витаю съ нимъ въ голубой лазури небесъ, хотя таю надъ морями; мы вмѣстѣ погружаемся во мракъ временъ и исторіи, ничто насъ не останавливаетъ, ни вѣка, ни пространство, ни безконечность, ни жизнь, ни смерть,—мы паримъ вездѣ, всегда поднимаясь надъ землей и приближаясь къ безпредѣльности, содержащей въ себѣ Вѣчность, потому что я родилась изъ ея вѣянья, и называюсь Воображеніемъ».

Долгимъ поцѣлуемъ она коснулась моихъ губъ, чудодѣйственнымъ токомъ пронзивъ все мое существо, расправила крылья, не замѣтивъ какъ потеряла при этомъ перышко, трепетно упавшее въ мою колыбель, и улетѣла.

Тогда послѣдняя Безсмертная приблизилась къ маленькой крестницѣ Фей: женщина, окутанная складками синяго плаща, скрещивавшагося у нея на груди. Ея лицо дышало спокойствіемъ, въ очахъ поднятыхъ къ небесамъ, отражалась ихъ синева; что-то скорбное дрожало и трепетало вокругъ уголковъ рта,

и все-таки она улыбалась. Она подошла медленными шагами и взглянула на меня съ нѣжной важностью.

«Дитя», сказала она, наконецъ, кроткимъ голосомъ, проникнувшимъ во всѣ сердца, «дитя, ты награждена драгоцѣнными и рѣдкими дарами, но еще не знаешь въ своей милой дѣтской невинности, какъ они хрупки и опасны. Умъ и воображеніе—оружіе обоюдоострое, ранящее насъ самихъ, первый возбуждаетъ въ насъ зависть и страхъ, второе всегда уноситъ насъ слишкомъ далеко. Оно удесятеритъ твои страданія, оно возбудитъ въ тебѣ порывы къ неосуществимому, жажду счастья, оно нарисуетъ тебѣ такіе привлекательные образы, что ты изломаешь себѣ руки и истерзаешь душу, если жизнь тебѣ въ нихъ откажетъ... Я не вижу здѣсь своей спутницы—счастья. Когда, дитя, пораженное излишествомъ полученныхъ тобой даровъ, разбитое жизнью, не потому что жило, а потому что мечтало и желало жить, ты упадешь безъ силъ, приди въ мои объятія; я прикрою тебя своимъ плащемъ, и ты пойдешь до самой смерти, улыбаясь сквозь слезы».

Раздвинувъ складки плаща, Безсмертная показала крестъ, приподняла меня кроткой рукой и нѣжно прижала къ своей груди; внезапнымъ движеніемъ я протянула свои обреченныя руки, обвилась ими вокругъ креста и прильнула къ нему...

Медленно, одна за другой, удалились всѣ феи, оставивъ меня наединѣ съ той, которой было суждено меня защищать и утѣшать: то была Покорность».

Теперь старая крестница вернулась къ своей ду-

ховной колыбели въ сопровожденіи неразлучной спутницы, «Покорности», и вмѣстѣ съ ней посѣтила дорогія мѣста, ей болѣе не принадлежавшія. Они очень измѣнились, графъ замѣнилъ прежнія рощи громадными насажденіями елей и подъѣздъ дома—двухэтажнымъ зданіемъ; но Голландскій домъ, гдѣ мы жили потомъ, еще существовалъ, лишенный однако флигелей и пристроекъ, предназначавшихся для друзей и прислуги. Не было больше оранжерей, замыкавшихъ цвѣтникъ, не было еловыхъ аллей по ту сторону озера, срубленныхъ отцомъ—ихъ замѣнилъ простой лѣсъ, но пирамиды еще стояли, ожидая, пока святотатственная рука современныхъ уравнителей уничтожитъ это свидѣтельство царедворческой угодливости. Паркъ разросся, но не состарился, я нашла еще нѣсколько патріарховъ старины, памятникъ князю Тиціанову и на одной изъ желѣзныхъ дверей церкви слѣды французскихъ пуль, указанные мною Сабуровымъ.

Я уѣхала искренно пожелавъ любезнымъ хозяевамъ сохранить имѣніе для своихъ дѣтей и повторяя припѣвъ одного изъ лучшихъ стихотвореній матери: «И сладко и больно».

Графиня Екатерина болѣе не посѣщала Воронова, несмотря на просьбы отца; она наказывала властей проводя лѣто въ городѣ. Впрочемъ, у нея былъ тамъ прекрасный садъ, очень тѣнистый, гдѣ она совершала прогулки въ сопровожденіи сильно сократившейся свиты. Тамъ были три прекрасныя яблони, которыя она приказала срубить, потому что дѣти прислуги

воровали яблоки, а она не хотѣла вводить ихъ въ искушеніе.

Въ томъ-же 1901 г., вернувшись въ Москву послѣ долголѣтняго отсутствія, я посѣтила садъ, но не рѣшилась обойти домъ. Поднявшись на лѣстницу, я почувствовала, какъ отъ волненія у меня захватило духъ, и убѣжала—здѣсь страдала моя мать, здѣсь юна угасла... все скорбное прошлое обрушилось бы на меня...

Я полюбовалась фасадомъ, сохранившимъ свою изящную архитектуру, также стекляннымъ балкономъ, надъ лѣстницей, ведущей въ садъ.

Съ противоположной стороны двора, гдѣ былъ входъ, находились прежде службы и низкій домъ, гдѣ жилъ управляющій Соколовъ. Дворъ окружали конюшни, а въ обширномъ подвальномъ этажѣ жили слуги и ихъ бѣдные родственники.

Въ домъ вела двойная деревянная лѣстница, налѣво находилась буфетная, направо столовая, начинавшая анфиладу покоевъ съ всегда раствореными дверями, гдѣ совершались три положенныя прогулки затворницъ. Въ этой комнатѣ въ три окна, изъ которыхъ два выходило на Басманную, стоялъ только простой буфетъ краснаго дерева, столъ и такіе-же узкіе стулья, ничего болѣе, преднамѣренная суровость, заставлявшая меня вздыхать о роскоши Садовой, гдѣ потолокъ, разрисованный и позолоченный, люстра и канделябры, красивыя бархатныя драпировки и въ особенности прекрасные портреты Ларжильера и Гіацинта Риго сливались въ одну общую гармонію. Но здѣсь монастырская простота была намѣренная, наложила свою печать на все. Затѣмъ шла гостиная, гдѣ

никогда никого не принимали, изъ поддѣльнаго желтаго мрамора, въ три большихъ окна, безъ ковровъ,—презрѣнной, изнѣживающей роскоши,—безъ портьеръ, безъ занавѣсей, съ простыми бѣлыми шторами, безъ украшеній на стѣнахъ, съ большимъ диваномъ у стѣны, столовой, гдѣ всегда лежала бабка, такимъ-же диваномъ напротивъ, двумя креслами, нѣсколькими стульями, обитыми шерстяной коричневой матеріей, двумя столами съ инкрустаціями. Вотъ и вся обстановка.

Четыре кинкета и одна лампа освѣщали холодную и негостепріимную комнату, гдѣ протекла часть моей юности.

Затѣмъ слѣдовала комната въ два окна, съ двумя шкафами вдоль боковыхъ стѣнъ; они были изъ особеннаго дерева, нѣжно-сѣраго, переливчатаго. Я никогда больше не видала подобнаго. Въ глубинѣ, изголовьемъ къ окнамъ, кровать очень узкая и простая, какъ подобаетъ смиренной христіанкѣ; у нея былъ, однако, балдахинъ, занавѣси и стеганное одѣяло изъ шерстяной матеріи съ абрикосовыми разводами: видъ получался ужасный. Распятіе, висѣвшее надъ постелью было единственнымъ украшеніемъ этой комнаты съ постелью, если можно такъ назвать это сооруженіе.

Четвертой комнатой, заканчивавшей анфиладу, былъ кабинетъ съ двумя окнами на улицу и двумя въ садъ, всегда залитый свѣтомъ и болѣе веселый, хотя занавѣси и обои были довольно темные; но тутъ было больше мебели и на стѣнахъ висѣли картины религіознаго содержанія. Здѣсь также стоялъ неизбѣжный диванъ, потому что я никогда не помню свою бабку сидящей, кромѣ какъ за обѣденнымъ столомъ;

диванъ стоялъ около довольно низкаго шкафа, настоящей сокровищницы, содержавшей большое количество карандашей, бумаги, сургуча, перьевъ и т. д. Ихъ было столько, что я въ удивленіи спрашивала себя, не были-ли эти вещи награблены во время пожара Москвы? Воодушевленная воспоминаніями эпохи, я воображала себя мородеромъ и не въ обиду будь сказано Наполеону и великой арміи, грабила за спиной у бабки, уносила какой-нибудь перочинный ножикъ или прекрасное гусиное перо,—предметъ моей особенной любви до сихъ поръ. Въ послѣдніе годы жизни бабка не писала, и ея воры-слуги тоже; поэтому хищенія оставались незамѣченными, и я могла такимъ образомъ безнаказанно подготовляться къ своей будущей литературной карьерѣ.

Въ этой комнатѣ были столы, этажерки, хорошая мебель и въ глубинѣ, между уборной и окномъ—аналой, окруженный четками и иконами.

За кабинетомъ находилась узкая уборная, выходившая въ коридоръ, откуда шла черная лѣстница, ведущая въ антресоли горничныхъ.

Дальше шли двѣ комнаты съ уборной, выходившія также въ садъ и занимаемыя послѣдовательно матерью и отцомъ. Послѣдній поселился здѣсь окончательно, послѣ Крымской кампаніи, ограничившейся для московскаго ополченія зимовкой въ Одессѣ. Весь фасадъ, выходившій на дворъ былъ занятъ громадной бальной залой, выложенной искусственнымъ бѣлымъ мраморомъ, гдѣ бабкины предшественники давали празднества—но и памятникамъ приходится переживать здѣсь на землѣ время искупленія грѣховъ и чистилища: нечестивое, преступное мѣсто было обраще-

но въ молельню, а хоры, предназначенные для музыкантовъ, въ стратегическіе пункты для домашнихъ блюстителей добронравія. Кромѣ того по правую и лѣвую сторону залы находились антресоли, гдѣ помѣщалась женская прислуга и мученицы компаньонки, жившія въ узкихъ кельяхъ, раздѣленныхъ перегородками не до верху—такая система облегчала домашнее шпіонство.

Надъ залой находились комнаты матери, состоявшія изъ спальни и передъ ней темной каморки, гдѣ стояли шкафы, изъ уборной и маленькой комнатки для горничной.

Съ другой стороны улицы было наше помѣщеніе, состоявшее изъ темной прихожей для неизбѣжныхъ шкафовъ, классной комнаты, комнаты для горничныхъ и третьей, гдѣ мы спали втроемъ, сестра, я и Мсптэ. Намѣренная простота доходила здѣсь до убогости: паркета не было, вмѣсто него желтый крашеный полъ; не было занавѣсей; бѣлыя шторы пропускали утромъ солнечный свѣтъ, мѣшавшій мнѣ спать; умывальники и шкафъ современнаго краснаго дерева, бѣлый деревянный столъ, туалетъ съ небольшимъ зеркаломъ, диванъ,—орудіе пытокъ,—нѣсколько стульевъ, обитыхъ ситцемъ въ большую синюю клѣтку, стѣны оклеенныя четырехкопеечными обоями: вотъ обстановка, въ какой протекала жизнь молодыхъ дѣвушекъ, считавшихся богатыми наслѣдницами! Какая жестокая перемѣна послѣ нашего дома на Садовой! Конечно, въ нижнемъ этажѣ, отведенномъ для дѣтей не было роскоши, не было ковровъ, но всюду паркетъ, мебель удобная, современная, обои свѣтлые, веселые,

нѣсколько картинъ украшало стѣны, а рояль часто привлекалъ сюда пріятельницъ матери. Здѣсь я слышала Юлія Шульгофа, піаниста, соперника Шопена, Рубинштейновъ... Г-жа Пильсудская пѣла своимъ горячимъ, страстнымъ голосомъ, сама Полина Віардо акомпанировала своимъ испанскимъ мелодіямъ; одна изъ нихъ съ припѣвомъ «r i c i, r i c i, r i c a! еще жива въ моей памяти. У матери было піанино, но не рояль.

Послѣ роскоши родительскаго дома и широкой, гостепріимной жизни, какую мы тамъ вели, переходъ былъ очень рѣзкій! Молодость могла бы его украсить мечтами и надеждами на будущее;—но у насъ не было ни молодости, ни надеждъ; жизнь текла безцвѣтная и пустая; за нѣсколько минутъ забвенія, черпаемаго въ вечернихъ выѣздахъ, приходилось расплачиваться дорогой цѣной.

Глава XV.

Іосафатъ Кунцевичъ и святой докторъ Гаазъ. — Домашняя обстановка графини Екатерины.—Ея столъ.— Ея прислуга. — Мошенникъ Ефимъ. — Единственные друзья графини. — Пузанъ и Потапъ. — Святотатство, совершенное послѣднимъ.—Четки in articulo mortis. — Г. или г-жа Потапъ. — Живыя пасхальныя яйца. — Послѣднее время пребыванія на Басманной.

Мы прожили въ этомъ печальномъ и мрачномъ домѣ до 1859 г. Надо отдать справедливость бабкѣ, ея поступки вполнѣ согласовались съ ея понятіями. Роскошь, казавшаяся ей опасной и безнравственной, была изгнана ею изъ своихъ покоевъ такъ же, какъ изъ комнатъ, предназначенныхъ для насъ; она преслѣдовала насъ за выѣзды и желаніе развлеченій, но сама также жила затворницей со времени смерти мужа. Все это было бы превосходно, если бы она не забыла совершенно, что также была молода и болѣе или менѣе легкомысленна. Кажется, послѣ 1826 г. она сохранила очень мало знакомствъ, и я знаю, что изъ родственниковъ, жившихъ въ Москвѣ, ее посѣщала только разъ въ годъ Анастасія Теплова, урожденная Протасова, часто навѣщавшая мою мать. Разъ въ недѣлю, поочередно, обѣдали католическіе священники—печальныя трапезы, скудныя развлеченія!

Изрѣдка бывалъ знаменитый докторъ Гаазъ. Личность этого великаго филантропа заслуживаетъ краткаго описанія.

Если ужасный Іосафатъ, окрасившій въ красный цвѣтъ воды Вислы потоками пролитой имъ православной крови, удостоился неожиданной чести быть сопричисленнымъ къ лику святыхъ (къ вѣчному сты-

ду папскаго престола), то какъ можетъ почтенный докторъ Гаазъ ужиться на небесахъ рядомъ съ этимъ великимъ убійцей. Достойный христіанинъ, доблестный соревнователь св. Винцента де-Поль, докторъ посвятилъ свою жизнь несчастнымъ ссыльнымъ въ Сибирь. А сколько въ это время среди нихъ было невинныхъ—можно судить по партіямъ, отправленнымъ изъ Воронова! Онъ не только обходилъ тюрьмы. но каждую субботу,—день когда печальная процессія покидала Москву, отправляясь въ долгій ужасный путь къ мученической смерти, добрый Гаазъ напутствовалъ ихъ на этотъ скорбный путь. Онъ ихъ провожалъ, щедро раздавалъ имъ милостыню и утѣшенія своего по истинѣ ангельскаго сердца. Онъ говорилъ о нихъ всегда со слезами на глазахъ, употребляя самыя нѣжныя названія. Тогда его широкое, плоское лицо, изрытое оспой и комично безобразное, принимало выраженіе полу-дѣтское, полу-ангельское. Въ пылу рѣчей о милыхъ «дѣтяхъ», рыжій парикъ, подстриженный подъ гребенку, сдвигался на сторону, обнажая розовую кожу; но никому не приходило въ голову смѣяться надъ докторомъ. Его громадное тѣло, такой же толщины, какъ длины, всегда было облечено во фракъ съ узенькими фалдами; черные атласные панталоны, толстые чулки и башмаки съ пряжками дополняли этотъ туалетъ, подходившій къ нарядамъ бабки. Общій видъ представлялъ удивительное сходство съ силуэтами Гиббона, которому г-жа Сталь, въ то время восьмилѣтняя дѣвочка, предложила свою руку, чтобы сохранить отцу любимаго собесѣдника.

Ходило много трогательныхъ анекдотовъ о дѣтской

довѣрчивости и безпредѣльной любви доктора Гааза къ своимъ опекаемымъ. Разсказывали, что они крали у него изъ кармана платки и кошельки, даже часы; когда ему приходилось отправляться куда-нибудь на обѣдъ и онъ рѣшался взять извозчика, онъ долго торговался, часто имѣя въ карманѣ всего двадцать копеекъ; вдругъ появлялся какой-нибудь нищій (они всегда бродили вокругъ этого достойнаго человѣка), онъ отдавалъ ему монету и уходилъ большими шагами, забрызгивая грязью свои чулки, напутствуемый бранью извозчика. Мы встрѣтили его однажды: извозчикъ ѣхалъ слѣдомъ за нимъ, осыпая его руганью, а онъ, согнувшись, нахлобучивъ шляпу, убѣгалъ отъ ругательствъ, подъ насмѣшки толпы. Онъ никогда не уходилъ отъ бабки съ пустыми руками. Хорошо бы было, если бы всѣ раздаваемыя ею милостыни попадали въ такія же хорошія руки! Отецъ также давалъ ему для «дѣтей», и съ какой счастливой улыбкой принималъ старый ребенокъ эти подаянія! Я помню, какъ однажды осмѣлилась его сравнить со старымъ ангеломъ. Меня выбранили за неумѣстное выраженіе, но честное слово, я его повторяю, потому что нахожу его красивымъ и думаю, что ангелы за это не обидятся. Вся Москва уважала доктора Гааза.

Недавно мнѣ пришлось прочесть статью о заброшенной могилѣ великаго благодѣтеля человѣчества; авторъ удивляется, что ему не поставлено памятника. Іосафатъ удостоился своей статуи!

Помимо родственниковъ, заглядывавшихъ къ бабкѣ разъ въ годъ, ее навѣщали другіе ея внуки, Ѳеодоръ

и Анатолій Нарышкины, когда проѣзжали черезъ Москву, отправляясь къ себѣ въ имѣніе. Изрѣдка появлялась Марта съ супругомъ, привлеченнымъ ея добродѣтелями и не испугавшимся ея злокачественныхъ прыщей (графиня Екатерина дала порядочное приданое). Бывала еще бывшая приживалка, г-жа Х..., армянка, необыкновенно многоплодная, съ невѣроятно горбатымъ носомъ, всегда въ сопровожденіи новаго младенца въ перспективѣ. Этимъ ограничивались свѣтскія знакомства графини Екатерины; при каждомъ высочайшемъ пріѣздѣ она получала приглашеніе на обѣдъ, отъ котораго презрительно отказывалась.

Такимъ образомъ ея жизнь проходила въ монотонномъ однообразіи: обѣдня, молитвы, чтеніе священныхъ книгъ, четки, прогулка и распеканіе домочадцевъ. Раньше она проводила цѣлые часы за бюро, переписывая великолѣпнымъ, точно печатнымъ почеркомъ благочестивые трактаты или свои собственныя «Бесѣды бабушки со внуками, о Священномъ Писаніи». Всѣ эти чудесныя вещи, сдѣлавшія бы честь любому каллиграфу, переплетались и отсылались Сегюрамъ. Послѣ обѣда она работала изъ филе стихари для аббатовъ, а по воскресеньямъ и праздникамъ, когда строго воспрещалась всякая работа, весь домъ щипалъ корпію.

Ея столъ былъ очень скромный; она завтракала въ одиннадцать часовъ, обѣдала въ четыре, а въ восемь часовъ подавался подносъ съ чаемъ уже налитымъ въ чашки, что лишало чаепитія всей его прелести. Какія восхитительныя часы проводятся у чайнаго стола, когда самоваръ привѣтливо кипитъ, на столѣ стоятъ всякія лакомства, хозяйка дома или дочь

ея наливають чай каждому по вкусу, тогда какъ на уже разлитыхъ чашкахъ лежитъ отпечатокъ неуютности и нерадушія. Никакихъ лакомствъ у бабки не подавалось, на столъ ставилась только тарелка съ сухарями.

Съ лѣтами вкусъ бабки притупился, аппетитъ постепенно исчезалъ, поваръ этимъ пользовался, чтобы обкрадывать ее все болѣе безсовѣстнымъ образомъ; провизія подавалась не только скудная, но даже несвѣжая. Когда мы жили на Садовой, насъ возили по воскресеньямъ обѣдать къ бабкѣ Екатеринѣ. Вѣроятно въ этотъ день столъ былъ лучше, чѣмъ обыкновенно, но все-таки пища была такъ плоха, такъ дурно пахла, что насъ часто потомъ тошнило, потому что отказаться отъ какого-нибудь блюда было бы непростительной дерзостью! Послѣ, на обратномъ пути, насъ завозили на Кузнецкій мостъ къ знаменитому кондитеру Дублэ; обильное угощеніе пирожными вознаграждало насъ за чая въ семейномъ кругу.

Тщетно отецъ усовѣщевалъ повара; вся прислуга была заодно, всѣ крали на перебой, поддерживая другъ друга, пользуясь тѣмъ, что лѣта бабки дѣлали ее болѣе неспособной слѣдить за домашнимъ хозяйствомъ. Впослѣдствіи нашъ прекрасный поваръ готовилъ обѣдъ для бабки и она говорила съ удовольствіемъ: «Андрей, съ тѣхъ поръ, какъ вы переѣхали ко мнѣ, мой поваръ совершенствуется съ каждымъ днемъ, подражая вашему.

Что изъ себя представляла прислуга бабки?.. Боже мой! Что за типы! Настоящіе хулиганы! Этого слова въ тѣ времена еще не существовало, но подонковъ

общества было сколько угодно! У лакея, сопровождавшаго ее въ церковь, Ефима, высокаго рыжаго мужика, косматаго, растерзаннаго, всегда съ похмелья, никогда не видавшаго ни щетки, ни мыла, былъ видъ настоящаго каторжняка. Конечно, бабка выбирала себѣ слугъ за ихъ добродѣтели и нравственныя совершенства, удостовѣренныя ручательствомъ священниковъ; она была убѣждена, что обладаетъ рѣдкими сокровищами, достойными Монтіоновской преміи и невозможно было открыть ей глаза, упорно закрытые для свѣта истины.

Однажды матери надо было ѣхать на свадьбу, а ея лакей заболѣлъ, ей пришлось волей-неволей обратиться съ просьбой воспользоваться услугами драгоцѣннаго Ефима, на что бабка согласилась довольно неохотно. Мать вернулась домой сильно раздосадованная, разсказывая, какъ всѣ смѣялись надъ ея чичисбеемъ, находя, что у него видъ разбойника съ большой дороги; она дала слово, никогда больше не пользоваться ни его услугами, ни его нравственными совершенствами.

Впослѣдствіи Ефимъ къ своей безобразной наружности присоединилъ еще новое достоинство; онъ сдѣлался воромъ. Пользуясь все большимъ ослабленіемъ памяти своей госпожи, онъ храбро являлся къ ней по два раза подрядъ требуя жалованье. «Да вѣдь я тебѣ, кажется, уже заплатила», замѣчала бабка.—«Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство»! и онъ цинично получалъ второе жалованье. Сейчасъ же явились подражатели, что слѣдовало предвидѣть съ людьми, обладавшими такой особенной добродѣтелью. Вслѣдъ за

Ефимомъ, изобрѣтателемъ, весь домъ принялъ милую привычку по два раза являться въ кабинетъ, выходя изъ одной двери и возвращаясь въ другую. Я была свидѣтельницей одной изъ подобныхъ сценъ и слышала, какъ бабка слабо протестовала, видимо смущенная такой игрой китайскихъ тѣней. Я поспѣшила предупредить отца. Съ тѣхъ поръ, какъ управленіе Вороновымъ перешло къ нему, онъ каждый мѣсяцъ передавалъ матери доходы съ имѣнія, процвѣтавшаго подъ его завѣдываніемъ. Но роковымъ образомъ задолго до конца мѣсяца у бабки не оставалось ни гроша; между тѣмъ, она никогда не ѣздила по магазинамъ, ничего не покупала, ея потребности были весьма ограниченны, а гардеробъ очень скроменъ. Тогда отецъ взялся оплачивать счета повара, поставщиковъ и жалованіе прислуги; перваго числа каждаго мѣсяца онъ вручалъ матери тысячу рублей, но и тѣ таяли съ поразительной быстротой, даже послѣ прекращенія посѣщеній священниковъ въ послѣдніе годы. Тогда отецъ рѣшилъ выдавать ежемѣсячно по полутораста рублей монетами по рублю; бабка была въ восторгѣ и считала себя болѣе богатой, чѣмъ получая тысячу рублей ассигнаціями. Но удивительный Ефимъ нашелся и тутъ: онъ началъ воровать у бабки молитвенники и ей-же продавать ихъ, какъ случайно найденныя за рубль. Восхищенная, она говорила намъ: «Какъ Ефимъ уменъ и догадливъ! Гуляя, онъ увидалъ, что кто-то продавалъ французскій молитвенникъ, и принесъ его мнѣ. Изданіе прекрасное, переплетъ хорошій, я его купила.—Бабушка,— возмутились мы первый разъ,—вѣдь это вашъ молитвенникъ,

вотъ ваши картины». Она разсердилась и выбранила насъ. Напрасно старались убѣдить Ефима въ недобросовѣстности его поступковъ; зная, что бабка любитъ его за духовныя совершенства, онъ крѣпко стоялъ на этой точкѣ и смѣялся въ лицо старавшихся его усовѣстить. Онъ вѣрно оставался на своемъ посту до самой смерти своей благодѣтельницы.

Прочитавъ все написанное мною до сихъ поръ, я съ удивленіемъ замѣтила, что ни разу не упомянула о существахъ самыхъ дорогихъ сердцу бабки: я подразумѣваю попугаевъ. Послѣ семья Сегюровъ, для однихъ только попугаевъ былъ пріютъ въ сердцѣ графини Екатерины. Это понятно. Птица злая, непривязчивая, неблагодарная, не выносящая ласкъ, попугай непремѣнно долженъ былъ замѣнять кошекъ и собакъ въ ея сухомъ сердцѣ, отвергавшемъ ласки, какъ нарушеніе скромности и пагубу. Я помню нѣсколько паръ этихъ противныхъ птицъ: «Заиру и Азико, чьи имена я заимствовала для одной изъ своихъ дѣтскихъ книжекъ, отвратительнаго Пузана, ростомъ въ три четверти аршина, свирѣпаго и коварнаго, рвавшаго наши платья и въ особенности ненавидѣвшаго наши икры. Онъ даже осмѣлился въ одинъ прекрасный день вцѣпиться въ священныя икры Ефима и выдралъ изъ нихъ порядочный клочекъ мяса. Пришлось посадить птицу на цѣпочку. Если случалось по неосторожности, подойти близко къ этому хулигану, онъ прыгалъ на васъ и награждалъ ударомъ орнитологическаго отца Франсуа. Иногда ему удавалось сорваться съ цѣпочки, тогда онъ предательски забирался подъ кресла и подъ юбки и больно дрался клю-

вомъ—что приходилось геройски терпѣть, ограничиваясь въ отвѣтъ мстительнымъ пинкомъ ногой, потому что жаловаться было немыслимо, Пузанъ былъ большой любимецъ, и бабка отъ души восторгалась его продѣлками. Наибольшею любовью пользовался Потапъ, ростомъ выше аршина, съ пурпуровымъ гребнемъ на головѣ. Потапъ былъ только глупъ, но глупъ до крайнихъ предѣловъ; его любимымъ занятіемъ было качаться цѣлыми часами подрядъ, приговаривая: Потапъ-Потапъ-Потаповичъ Потаповъ (имя, отечество и фамилія, какими наградила его хозяйка). Такой однотонный гортанный напѣвъ былъ для слуха бабки слаще самыхъ ласковыхъ рѣчей человѣческихъ. Какъ только наступала весна, Потапъ переселялся на дачу, его нашестъ выносили на стеклянный балконъ, выходившій на улицу. Тамъ, опьяненный воздухомъ, охмелѣвшій отъ солнца, идіотъ съ такимъ крикомъ заявлялъ о своемъ гражданскомъ положеніи, что сосѣди, видя, что на ихъ просьбы не обращаютъ вниманія, подали жалобу губернатору. Въ одинъ прекрасный день явился полицейскій чиновникъ съ офиціальнымъ приказомъ, убрать Потапа въ домъ и не выносить его болѣе на воздухъ. Какая иронія судьбы! Та-же полиція, выгнавшая зимой семью честнаго Брюкера, повинуясь приказу бабки, теперь подвергала заточенію ея лучшаго друга, лишая его возможности дышать чистымъ воздухомъ. Потапъ безъ солнца, безъ кислорода! Ахъ! произволъ полиціи! Бабка была внѣ себя отъ гнѣва, ея ненависть къ Россіи и ея правительству еще усилилась, и въ словахъ появилось еще больше горечи.

Сдѣлавшись узникомъ болѣе или менѣе политическимъ, Потапъ мстилъ обществу портя мебель, расклевывая книги, даже налой съ подушкой, гдѣ преклоняла колѣна кающаяся молитвенница. Онъ совершилъ даже святотатство.

При вступленіи Пія IX на папскій престолъ мы были въ Римѣ, и удостоились чести быть представленными ему въ Ватиканскомъ саду. Событіе это такъ живо вспоминается мнѣ, какъ будто время остановилось. Несмотря на то, что мы были дѣтьми, насъ одѣли въ черное съ кружевами на головѣ, что привело насъ въ восторгъ. Мать была хорошо знакома съ графомъ Мастаи—Феретти, племянникомъ папы, кавалеромъ, впослѣдствіи гросмейстеромъ Мальтійскаго ордена, въ то время однимъ изъ самыхъ блестящихъ представителей знатнаго Рима. Онъ получилъ отъ дяди разрѣшеніе представить ему нашу мать; та сообщила, что у нея свекровь католичка и получила для нея въ подарокъ благословенныя четки in articulo mortis; четки были изъ кипарисоваго дерева тонкой работы.

Ахъ, если-бы кто-нибудь другой, кромѣ Madame Eudoxie привезъ эти драгоцѣнныя четки! Уваженіе къ святыни ослаблялась ненавистью дарившей ее. Какъ бы то ни было, въ одинъ прекрасный день я застала слѣдующую живую картину: сидя на одной лапѣ, Потапъ держалъ въ другой драгоцѣнныя четки и безпощадно расклевывалъ ихъ своимъ кощунственнымъ клювомъ, а его хозяйка съ умиленіемъ смотрѣла на подвигъ своего любимца... У нея былъ еще любимецъ, столѣтній попугай «хохлатка», но ко-

гда бѣдная птица лишилась крыльевъ и вся вылиняла, бабка ее не взлюбила и велѣла вынести клѣтку въ коридоръ, на сквозной вѣтеръ. Увидавъ, какъ дрожитъ бѣдная хохлатка, мать сжалилась надъ ней, (по не по примѣру Христины Шведской, хотя была хорошо знакома съ литературой) и взяла къ себѣ въ гостинную, обратившуюся въ убѣжище для всѣхъ отверженныхъ. Вскорѣ сюда же переселился Потапъ. Совершилъ ли попугай проступокъ болѣе важный, чѣмъ истребленіе папскихъ четокъ—мнѣ неизвѣстно—фактъ тотъ, что онъ былъ изгнанъ и удаленъ съ глазъ бабки, и тогда, о чудо! Потапъ, столько лѣтъ считавшійся представителемъ мужского пола, вдругъ обнаружилъ свой дѣйствительный полъ: это оказалась г-жа Потапова, и непризнанная дама вдругъ снесла яйцо... громаднѣйшее яйцо! Весь домъ приходилъ полюбоваться на родильницу, гордо высиживавшую плодъ своего чрева. Это было такъ забавно, что мать не могла удержаться отъ остроты, маленькой мести за терпимыя ею домашнія притѣсненія. «Моя свекровь такъ холодна и зла, замѣтила она, что обезпложиваетъ даже животныхъ». Это фактъ—даже маленькіе, хорошенькіе попугайчики «Неразлучки» вывезенные отцомъ изъ Парижа, и канарейки, всѣ поочередно пользовавшіяся милостью и затѣмъ подвергавшіяся изгнанію, попавъ къ матери, начинали нестись... Не знаю, чѣмъ объяснить такое явленіе, несмотря на тщательное изученіе характера графини Екатерины, мною предпринятое, и потому предоставляю его наукѣ.

Кромѣ названныхъ попугаевъ, были еще другіе, ничѣмъ не выдающіеся, особенной роли не игравшіе,

но всегда облеченные покровомъ невинности. Однажды, вернувшись изъ Воронова, мы были очень удивлены, найдя почетную компанію пестрой, какъ разноцвѣтные лоскутки: тутъ были розовые, сѣрые, желтые, пурпуровые! Это была фантазія бабки, вносившая нѣкоторое разнообразіе въ сумракъ ея существованія. Похожихъ на крашенныя пасхальныя яйца попугаевъ торжественно показывали удивленнымъ вороновскимъ крестьянамъ; бабка сажала поочередно на палецъ и раскачивала передъ своими вассалами, глубоко смущая ихъ невѣдѣніе, или познанія изъ естественной исторіи, если они у нихъ имѣлись.

Кромѣ этихъ глупыхъ птицъ была цѣлая коллекція прелестныхъ заморскихъ птичекъ, порхавшихъ въ большой клѣткѣ; колибри, и др. часто даримыхъ отцомъ. Однажды бабка подобрала у себя въ саду полумертваго маленькаго коршуна, выходила его и помѣстила въ общую клѣтку. Негодяй перебилъ всѣхъ хорошенькихъ птичекъ, разбивая имъ черепъ и выпивая мозгъ. Напрасно мы указывали бабкѣ слѣды смертоноснаго клюва, она упорно продолжала защищать своего любимца и держать его въ клѣткѣ. Когда все остальное ея населеніе было истреблено, графиня приказала каждый день впускать къ этому крылатому минотавру живыхъ воробьевъ. Кто то изъ слугъ убилъ его самого, и подѣломъ.

Вотъ обстановка, въ какой бабка провела столько лѣтъ, безъ развлеченій, безъ друзей, безъ общества, замкнувшись въ самой себѣ. Ничто земное ее не интересовало, ни политика,—а Россія еще менѣе,—ни даже человѣчество. Она не читала газетъ, и знала о

томъ, что дѣлается на свѣтѣ только изъ разсказовъ родителей. Она все болѣе суживала предѣлы своей жизни, понемногу забывала прошлое и прозябала, поглощенная только заботой о спасеніи своей души, опасеніемъ какъ бы не ошибиться дверью и не попасть вдругъ въ адъ. Пусть читатели рѣшаютъ сами, насколько такіе страхи были основательны.

Наше вторичное вторженіе въ ея жизнь такую пустую и скучную, внесло оживленіе и интересъ. Совершенно безразличные ея сердцу, мы были все-таки занимательнѣе автоматовъ и птицъ, ее окружавшихъ. Она любила на свѣтѣ только Сегюровъ, но ненавидѣть могла многихъ.—Провидѣніе послало ей невѣстку и трехъ внуковъ еретиковъ... Бабка ожила.

Какъ я уже разсказывала, отецъ искупилъ свое неповиновеніе въ молодости самой благоговѣйной почтительностью. Онъ ежедневно посвящалъ цѣлый часъ бесѣдѣ съ матерью во время прогулки. Что наговаривала она ему о насъ и о своей невѣсткѣ, во время этихъ долгихъ разговоровъ, намъ нетрудно было о томъ судить по усиливавшейся суровости отца.

Глава XVI.

Болѣзнь графинии Евдокіи. — Дворецъ въ Ивановскомъ.—Графиня Закревская.—Врачи-соперники, Оверъ и Иноземцевъ.—Икона Иверской Вожьей матери.—Видѣніе.—Ясновидѣніе.—Среда 3 декабря 1858 г.

Въ 1857 г. наша бѣдная мать почувствовала первыя страданія неумолимой болѣзни, уже два или три года незамѣтно подтачивавшей ея силы. Домашній докторъ, Николай Летуновъ былъ разбитъ параличемъ: онъ какъ-то просидѣлъ два часа на каменной лѣстницѣ университета, разговаривая со студентами. Мать безгранично ему довѣрявшая, не хотѣла обращаться къ другимъ докторамъ, въ ожиданіи выздоровленія Летунова, и болѣзнь, таившаяся уже нѣсколько лѣтъ пошла быстрыми шагами, какъ у г-жи Куантэ, скончавшейся черезъ два года послѣ смерти матери, но не въ такихъ ужасныхъ мученіяхъ. Мать лежала уже въ постели, когда добрѣйшій Летуновъ приказалъ себя принести къ ней; онъ покинулъ ее, заливаясь слезами, и сказалъ отцу, что предвидя эту ужасную болѣзнь лѣчилъ матушку и Ментэ соотвѣтствующимъ образомъ, но два года безъ постояннаго наблюденія оказались роковыми для обѣихъ.

Мать страдала весь 1857 г., не прекращая, однако, выѣздовъ и пріемовъ у себя. Она только все чаще жаловалась на ужасную московскую мостовую и на толчки, заставлявшіе насъ подпрыгивать. Весной мы убѣдили ее сняться, что тогда было новостью. Она исполняла роль Перины уже не помню въ какой пьесѣ на благотворительномъ спектаклѣ, гдѣ участвовали вмѣстѣ съ ней графиня Лидія Нессельроде, г-жа Ра-

евская и Иванъ Пашковъ, ея двоюродный братъ, обладавшій прекраснымъ голосомъ. Напудренный парикъ очень шелъ къ матери, все еще красивой, несмотря на характерную одутловатость, предшествующую исхуданію. Во время позированія, продолжавшагося тогда нѣсколько минутъ, ея лицо вдругъ исказилось судорогой, запечатлѣвшейся на пробной карточкѣ; болѣзненно приподнятыя брови совершенно измѣнили выраженіе лица. Она отвѣчала на наши вопросы, что почувствовала въ эту минуту острую боль, пронзившую ее съ головы до ногъ. Увы! то было первое предостереженіе близкой смерти!

Мы по обыкновенію проводили лѣто въ Вороновѣ. На полъ-пути ближе къ Москвѣ находится великолѣпное имѣніе Ивановское, описанное Болеславомъ Маркевичемъ въ прекрасномъ романѣ «Четверть вѣка назадъ». Этотъ дворецъ принадлежалъ графинѣ Закревской, женѣ генералъ-губернатора, урожденной графинѣ Толстой, близкой родственницѣ трехъ знаменитыхъ Толстыхъ: Льва, Димитрія—министра, и Алексѣя—поэта.

Въ день св. Аграфены насъ повезли въ Ивановское, по случаю имянинъ графини, на обѣдъ, назначенный въ четыре часа; мать ночевала тамъ, чтобы принимать участіе въ репетиціяхъ предстоявшаго спектакля: въ Ивановскомъ былъ прехорошенькій театръ, какъ почти во всѣхъ старинныхъ барскихъ усадьбахъ. Мы отправились съ Ментэ, потому что отецъ терпѣть не могъ выѣздовъ и свѣтскую жизнь; у него былъ свой кружокъ близкихъ друзей, и онъ посѣщалъ только клубъ.

Графиня Закревская была весьма оригинальной личностью, выведенной во многихъ романахъ того времени. Она давала обильную пищу злословію, и по всей Москвѣ ходили сплетни на ея счетъ. Очень умная, безъ предразсудковъ, нисколько не считавшаяся съ условными требованіями морали и внѣшности, она обладала способностью искренной привязанности и была очень дружна съ матерью, съ трудомъ добившейся разрѣшенія взять насъ въ Ивановское въ такой день, когда тамъ собиралась вся московская и окрестная аристократія. Графиня была очень высокаго роста и очень хороша собой, но страдала излишней полнотой, и вѣчно задыхалась, что было всѣмъ извѣстно. Въ этотъ день было особенно жарко; съ неподражаемой непринужденностью она одѣлась въ широкій бѣлый кисейный капотъ, отдѣланный кружевами, небрежно накинутый на батистовую рубашку, которую даже слѣпой не принялъ бы за полотняную. Видъ былъ ужасный, когда графиня расхаживала по комнатамъ, освѣщеннымъ съ одной стороны; но когда она стала принимать гостей въ бальной залѣ, выходившей одновременно на дворъ и въ садъ, получилось нѣчто поразительное: лучи солнца пронизывали легкіе покровы и обнаруживали всѣ тайные изгибы монументальнаго тѣла. Я, всегда отличавшаяся большой цѣломудренностью, была смущена и въ то-же время удивлена равнодушіемъ графа, повидимому, не обращавшаго никакого вниманія на нескромности Феба. Оцѣпенѣвшая и слишкомъ растерявшаяся, чтобы убѣжать, я съ ужасомъ смотрѣла на эту игру свѣта и тѣней, когда услыхала слова графини, сказан-

ныя съ замѣтнымъ неудовольствіемъ при видѣ безконечнаго ряда колясокъ, бричекъ, дрожекъ, подвозившихъ все новыхъ гостей: «Еще лишніе рты». Между тѣмъ Закревскіе были очень гостепріимны—въ дни празднествъ они принимали у себя до полутораста человѣкъ, разъѣзжавшихся только послѣ ужина, подававшагося по окончаніи неизбѣжнаго спектакля.

На этотъ разъ послѣ представленія въ театрѣ, когда зрители вошли въ громадный мраморный вестибюль, тамъ оказались разставленные стулья и любителями было разыграно первое дѣйствіе «Горе отъ ума»—Грибоѣдова. Плѣнительный красавецъ Болеславъ Маркевичъ исполнялъ роль Чацкаго и описалъ впослѣдствіи весь этотъ вечеръ въ «Четверть вѣка назадъ». Онъ и нашъ родственникъ Лонгиновъ, игравшій Фамусова, были такъ хороши, что я никогда больше не видала ничего подобнаго. Пышная красавица брюнетка, Софья Давыдова, дочь знаменитаго «партизана», легендарнаго героя 1812 г., изображала Лизу. Тѣ, кто знали ее впослѣдствіи въ Парижѣ, какъ г-жу Висконти, не могутъ себѣ представить, до чего она была тогда хороша. Она послужила Маркевичу героиней для нѣкоторыхъ изъ его романовъ.

Воспоминанія отвлекли меня далеко отъ бѣдной матери. Среди гостей находился прекрасный докторъ Николаевъ. Онъ сидѣлъ за столомъ противъ матери, все время внимательно наблюдалъ за ней и потомъ сказалъ нашей двоюродной бабкѣ, старой Александрѣ Пашковой: «Предупредите графа Ростопчина, что его жена опасно больна, у нея всѣ признаки рака». Испуганная Пашкова написала отцу, уже встревоженному

заявленіемъ нашего домашняго доктора, лѣчившаго мать и предупредившаго, что находитъ ея болѣзнь очень сложной. Онъ уговорилъ мать поѣхать посовѣтоваться съ докторами въ Москву, куда вскорѣ послѣдовали за ней и мы.

Въ то время въ Москвѣ было два медицинскихъ свѣтила, поочередно превозносимыхъ и развѣнчиваемыхъ, оспаривавшихъ другъ у друга славу (и золото): среди москвичей, Иноземцевъ и Оверъ. Послѣднiй былъ приглашенъ первымъ. Это былъ высокаго роста красивый старикъ, съ обаятельными манерами, создававшiй не мало жертвъ и счастливицъ среди своихъ многочисленныхъ больныхъ. Онъ предупредилъ отца о грозящей опасности, долго остававшейся неизвѣстной для меня съ сестрой; братъ въ это время былъ пожалованъ въ камеръ-пажи и жилъ въ Петербургѣ. Оверъ и его ассистентъ Николаевъ обратились къ помощи болеутоляющихъ и наркотическихъ средствъ; безсильные вылѣчить, они хотѣли ослабить страданiя и доставить безболѣзненную смерть. Но они не приняли въ разсчетъ родственниковъ и многочисленныхъ друзей, обратившихся въ палачей.

Я всегда и всюду видѣла повторенiе подобной же сцены и у ложа больного: не щадя чувствъ и правъ ближайшей семьи и довѣрiя больного къ лечащему его доктору—довѣрiя, отъ котораго зависитъ исцѣленiе—друзья толпятся вокругъ постели того, кого хотятъ, по ихъ заявленiямъ, «спасти». Подобно акуламъ, осаждающимъ корабль, они ждутъ скоро-ли имъ отдадутъ въ жертву пользующаго врача и заживо разрываемаго на части пацiента. Кромѣ друзей были

еще почитатели и неизвѣстные. Со всѣхъ сторонъ Россіи къ намъ приходили письма съ совѣтами, указаніями фамилій докторовъ, чудодѣйственныхъ лекарствъ. Монахини монастырей, получавшихъ помощь отъ матери, даже присылали пакеты сушеныхъ травъ и странныхъ лѣкарствъ. Болѣзнь любимой поэтессы была встрѣчена въ Россіи выраженіями общаго сочувствія, глубоко насъ тронувшаго. Только печать не сложила оружія. Въ особенности въ лагерѣ славянофиловъ и лагерѣ, скоро окрещенномъ Тургеневымъ именемъ нигилистовъ. Печать продолжала злословить и изрыгать свой ядъ, увѣренная больше чѣмъ когда-нибудь въ безнаказанности, такъ какъ никто изъ насъ не читалъ этой гнусной, пагубной литературы, породившей всѣ бѣдствія, терзающія теперь мою несчастную родину. Подъ змѣиный свистъ завистниковъ и клеветниковъ началась агонія женщины, такъ блестяще одаренной, посвятившей всю свою жизнь добру, любви къ ближнему, культу красоты и истины.

Пришлось уступить лавинѣ совѣтовъ и упрековъ: Оверъ былъ замѣненъ Иноземцевымъ. Великій хирургъ не считался съ страданіями; мучить, чтобы исцѣлять было его девизомъ; онъ срывалъ рѣзкимъ движеніемъ мушку, поставленную во всю спину больного и замѣнялъ ее новой, повторяя операцію до трехъ разъ, несмотря на вопли терзаемыхъ. Надо замѣтить, что въ то время почти не было анестезирующихъ средствъ, но всегда находились люди добровольно покорявшіеся самымъ жестокимъ пыткамъ господъ хирурговъ и восклицавшіе потомъ «Осанна»... Иноземцеву посчастливилось напасть на такихъ стоиковъ, разглашавшихъ

его чудеса. Самая внѣшность его была отталкивающая, отъ него вѣяло сухостью и, если смѣю такъ выразиться, жестокостью. Но онъ былъ намъ указанъ, какъ единственный способный спасти нашу мать и побѣдить ужасную болѣзнь, унесшую въ могилу столькихъ женщинъ. Онъ былъ приглашенъ. Была консультація всѣхъ медицинскихъ знаменитостей Москвы. Толпа родныхъ и знакомыхъ ожидала результата совѣщанія.

Мать была еще на ногахъ до 25 сентября. Въ этотъ день мнѣ исполнилось 20 лѣтъ. Видя насъ такими печальными, хотя еще не подозрѣвавшими дѣйствительнаго характера болѣзни, бѣдная матушка захотѣла насъ развлечь. Она послала взять ложу въ оперу, гдѣ пѣла пріѣхавшая на гастроли итальянская труппа; шла «Сонамбула». Первый и послѣдній разъ, что мнѣ удалось ее слышать. Передавая мнѣ билетъ, мать сказала: «Не огорчайся, если я пролежу въ постели до вечера, но я потомъ встану и поѣду съ вами». Увы! ей не суждено было больше встать.

Мы отправились въ театръ съ Ментэ, скрывавшей отъ насъ свои печальныя предчувствія. На слѣдующій день къ намъ явился нашъ двоюродный дѣдъ Николай Васильевичъ Сушковъ, женатый на сестрѣ поэта Тютчева, и устроилъ намъ бурную сцену, съ грубостью его отличавшей; онъ былъ человѣкъ умный и писалъ, какъ всѣ изъ его рода. Его литературный салонъ пользовался большой популярностью и служилъ немного предметомъ насмѣшекъ, несмотря на присутствіе сестры его жены, Китти Тютчевой, жившей вмѣстѣ съ ними. Это была особа выдающагося ума

и высокихъ нравственныхъ достоинствъ, младшая сестра Анны и Дарьи Тютчевыхъ, фрейлинъ Императрицы Марiи Александровны. Никогда въ мiрѣ не бывало трехъ сестеръ представлявшихъ такое полное единство по обширности и блеску ума и благородству чувствъ, при совершенномъ различiи характеровъ. Каждая изъ нихъ была особеннымъ типомъ и являлась кумиромъ кружка, куда забросила ее жизнь. Анна, старшая, рано покинула дворъ, гдѣ положила основанiе воспитанiю, полученному великой княжной Марiей, впослѣдствiи герцогиней Эдинбургской и Саксенъ-Кобургской, стяжавшей всеобщее уваженiе своими высокими добродѣтелями. Анна Тютчева вышла замужъ за писателя и полемиста Ивана Аксакова, одного изъ вождей славянофильской партiи. Китти была сильно огорчена грубостью и безтактностью дѣда Николая, на этотъ разъ перешедшаго всякiя границы: «Вы безсердечныя», кричалъ онъ намъ, разъѣзжаете по театрамъ, когда ваша мать умираетъ отъ рака, стыдъ на всю Москву». Такимъ образомъ мы узнали, чѣмъ больна мать... Такимъ образомъ ужасная истина уже была намъ извѣстна во время консультацiи, состоявшейся въ ноябрѣ. Послѣ долгаго, мучительнаго ожиданiя въ дверяхъ гостиной, наконецъ, показались доктора, оживленно бесѣдовавшiе. Они отправились i n c o r p o r e къ отцу, гдѣ одинъ Иноземцевъ объявилъ, что надежда еще не потеряна. «Я ручаюсь», сказалъ онъ, «что на Рождествѣ графинѣ Евдокiи можно будетъ выѣзжать!—Да, отвѣчалъ Оверъ, берясь за шляпу и уходя, я не спорю: на Рождествѣ графиня выѣдетъ... ногами впередъ!»

Увы! она не дождалась этого срока...

На слѣдующій день всѣ болеутоляющія средства были брошены и замѣнены новымъ леченіемъ, активно цѣлительнымъ, гдѣ главную роль играла вода Эмсъ. Послѣ первой-же бутылки раны раскрылись, боли возобновились, мать начала кричать и стонать и не умолкала больше до самой смерти. Тогда не существовало другихъ успокоительныхъ, кромѣ опіума; благодѣтельный морфій не былъ еще изобрѣтенъ или мало распространенъ. Наша бѣдная, дорогая больная быстрыми шагами приближалась къ смерти. Въ это время въ Петербургѣ находился знаменитый спиритъ Юмъ, совершившій нѣсколько чудесныхъ излеченій. Отецъ поѣхалъ къ нему, умоляя прибыть въ Москву и взяться за леченіе матери, но тотъ отказался, находя, что болѣзнь слишкомъ сильно развилась.

Мать слабѣла, и душа ея очищалась, понемногу возвышаясь надъ всѣмъ ничтожествомъ и мелочами человѣческой жизни. Она достигла величія передъ смертью. Она скоро поняла, что ея положеніе безнадежно и приготовилась умереть съ чувствами глубоко-христіанскими. Большая почитательница святого митрополита Филарета, она поручила дядѣ Николаю Сушкову, близкому другу митрополита, испросить у него особаго благословенія. Часто посылала она насъ къ Иверской Божіей Матери ставить свѣчи и молиться, чтобы смерть положила конецъ ея страданіямъ. Мученія вызываемыя скиромъ ужаснѣе, чѣмъ причиняемыя ракомъ, а варварское леченіе Иноземцева растравило всѣ раны.

Въ Москвѣ существуетъ обычай привозить чудо-

творную икону Иверской Божіей Матери къ ложу больныхъ или на помолвку богатой невѣсты. Не знаю, сохранился ли онъ до сихъ поръ. Прежде святая икона помѣщалась въ четвероместной каретѣ съ большими стеклами, священнослужители садились на переднее сидѣнье съ кадилами въ рукахъ. Сзади стояло двое прислужниковъ; кучеръ и двое форейторовъ всегда ѣхали съ непокрытыми головами, какой бы ни стоялъ на дворѣ морозъ. При видѣ кареты, запряженной шестеркой бѣлыхъ лошадей, всѣ обнажали головы, и многіе становились на колѣни, какъ раньше мнѣ приходилось видѣть въ Римѣ при проѣздѣ папы.

Когда привезли чтимую икону, собралась большая толпа народа и окружила домъ. Бабка это увидала. Ментэ была нарочно прислана къ ней, чтобы отвлечь ея вниманіе; она гуляла съ ней по комнатамъ и старалась какъ можно вѣжливѣе отвѣчать на язвительные и недоброжелательные вопросы о M-me Eudoxie. Бабка ее не видѣла уже нѣсколько мѣсяцевъ, но сознаніе времени у нея утрачивалось; память ослабѣвала; сохранилась только злоба. Графиня Екатерина услыхала гулъ толпы, быстро подошла къ окну столовой, увидала улицу, запруженную народомъ, крестившимся и становившимся на колѣни передъ иконой.

— Въ чемъ дѣло?—спросила она. Пришлось ей объяснить. — Неужели они думаютъ,— сказала она съ скрытымъ гнѣвомъ и безконечнымъ презрѣніемъ,—что этотъ кусокъ дерева ее «исцѣлитъ?»

Ментэ, видѣвшая, какъ матушка набожно преклоняла колѣна передъ обѣими чтимыми изображеніями Богородицы въ Италіи и во Франціи, была возмущена.

Въ это-же время въ Москвѣ находилась другая бѣдная жертва той-же болѣзни, пріятельница матери, подобно ей, пользовавшаяся расположеніемъ митрополита. Это была г-жа Новосильцева. Она увидала во снѣ святителя, вошедшаго къ ней, благословившаго ее и сказавшаго: «Теперь я пойду навѣщу другую больную, страдающую подобно тебѣ, дочь моя, графиню Евдокію Ростопчину». Въ эту самую минуту Ментэ, сидѣвшая около матери, вдругъ увидала, что та приподнялась съ просвѣтленнымъ лицомъ, сложила руки, склонила голову, произнесла нѣсколько словъ, затѣмъ обратилась къ Ментэ: «Поскорѣе, проводите-же его, проводите!»—Кого?—спросила Ментэ.—Да митрополита! онъ приходилъ меня благословить!»

Когда разсказали объ этомъ Сушкову, тотъ поспѣшилъ справиться у Филарета, что онъ дѣлалъ въ такой-то день, въ такой-то часъ.

— Я хорошо помню,—отвѣчалъ митрополитъ,—что я молился въ церкви за вашу племянницу и г-жу Новосильцеву.

Мать два раза причащалась во время болѣзни. Послѣдній разъ она исповѣдалась, простилась съ нами и со всей прислугой, прося прощеніе за рѣзкости и нетерпѣливость, можетъ быть, проявляемыя ею за послѣдніе мѣсяцы, когда страданія доводили ее до отчаянія. Мы мало видѣли ее послѣдніе дни: наши слезы ее разстраивали; она сдерживала при насъ свои стоны, а они ее облегчали. Ахъ! эти стоны, эти отчаянные крики, вырываемые у нея болью и несмотря на закрытыя двери проникавшіе всюду! Они будутъ вѣчно стоять у меня въ ушахъ.

Врачи были безсильны облегчить такія мученія. За три дня до смерти, явившейся избавленіемъ, Николаевъ, снова замѣнившій Иноземцева, прописалъ компрессы изъ цикуты; приказалъ Ментэ надѣть перчатки для того, чтобы ихъ ставить и послѣ жечь: «Дѣйствіе продлятся три дня, печально сказалъ онъ, если бѣдная графиня проживетъ дольше, наука будетъ безсильна, и страданія еще усилятся». Слава Богу, мать скончалась раньше, чѣмъ истекъ роковой срокъ и возобновились муки. Послѣдніе дни насъ не пускали къ ней, щадя наши дочернія чувства! Матушка больше не кричала, но говорила не умолкая, и ея словъ нельзя было понять. Это былъ безпрерывный потокъ рѣчей на всѣхъ языкахъ. Она дѣлала распоряженія, ей отвѣчали увѣреніями, что все будетъ исполнено и она больше о нихъ не вспоминала. То былъ бредъ въ его ужасающей непослѣдовательности. Утромъ 3-го декабря, матушка сказала сидѣлкѣ совершенно яснымъ и отчетливымъ голосомъ: «Скажите, чтобы запрягли карету и поѣхали на Николаевскій вокзалъ встрѣтить брата Дмитрія, прибывшаго изъ Парижа». Приказаніе было такъ настоятельно, что сидѣлка сдѣлала требуемое распоряженіе. Надѣялись, что можетъ быть удастся пріѣхать изъ Парижа дядѣ Сергѣю, гдѣ, къ его безконечному сожалѣнію, его задержало изданіе газеты «l'Union chrétienne», а также изобрѣтеніе для желѣзной дороги *буфера*. Сергѣй былъ любимый братъ матери, съ которой у него было много общаго. Противникъ брака, онъ, перешагнувъ за сорокъ лѣтъ, женился изъ состраданія на молоденькой дочери одного изъ своихъ друзей, оставшейся

послѣ смерти отца безъ средствъ и безъ покровителей. Вопреки ожиданіямъ бракъ оказался очень счастливымъ. Тетя Мари, скончавшаяся въ 1908 г. пользовалась любовью и уваженіемъ всѣхъ родственниковъ. Въ это время молодые путешествовали по Европѣ, и адресъ ихъ былъ неизвѣстенъ. Узнавъ, что сидѣлка послала на станцію карету, Ментэ сдѣлала ей выговоръ:—Вѣдь вы знаете, что бѣдная графиня не сознаетъ больше, что говоритъ, и намъ даже неизвѣстно, гдѣ находится Дмитрій Петровичъ. —Вотъ я самъ,—отвѣчалъ дядя,—входившій въ эту минуту въ комнату.—Пріѣхавъ въ Парижъ, я узналъ отъ Сергѣя о болѣзни сестры и сейчасъ собрался въ путь. Такое проявленіе ясновидѣнья имѣло много свидѣтелей и вызвало много разговоровъ во всемъ городѣ. Мы поняли его, какъ утѣшительное доказательство, что душа, очищенная страданіями, уже освободилась отъ земныхъ узъ и парила въ небесахъ. Матушка узнала брата, а также сына, прибывшаго наканунѣ. Ихъ пріѣздъ былъ для нея послѣдней радостью на землѣ, потомъ она снова впала въ безпамятство.

Мнѣ удалось ускользнуть на минуту и добраться до порога комнаты, гдѣ уже витала тѣнь смерти. Занавѣси были опущены, я ничего не видѣла, только слышала раздававшійся въ темнотѣ странный голосъ, беззвучный, какъ будто мертвый, безумолчно произносившій торопливыя, непонятныя слова... Я убѣжала въ гнетущемъ кошмарѣ.

И все-таки мы не подозрѣвали, что конецъ такъ близокъ! Поэтому мы нисколько не удивились, увидавъ, что къ вечеру стали собираться родные и зна-

комые; ихъ бывало много каждый день, сегодня больше, чѣмъ обыкновенно,—вотъ и все! Говорили шепотомъ. Около девяти часовъ—вдругъ раздались рыданія отца, котораго отвели въ его комнату, поддерживая, дядя Дмитрій и старый преданный другъ Михаилъ Рябининъ: «Дѣти мои», сказала торжественнымъ голосомъ Александра Пашкова, «молитесь, ваша мать скончалась!»

Насъ, отчаянно, рыдающихъ, повели въ комнату страдалицы, гдѣ почивала матушка съ полураскрытымъ ртомъ, съ открытыми глазами, выражавшими непередаваемое страданіе.

«Поцѣлуйте ее въ лобъ», прошепталъ мнѣ на ухо чей-то голосъ. Я нагнулась, прикоснулась губами ко лбу еще влажному и теплому, но уже покинутому мыслью. Ея свѣтлый умъ угасъ, сердце доброе, великодушное перестало биться... Мои губы ощутили медленно разливавшійся холодъ смерти...

Насъ увели въ гостиную на то время, пока покойницу обряжали. Люди взволнованно разсказывали, что за нѣсколько минутъ до кончины матери, наши три бульдога, большіе любимцы матушки, лежавшіе въ коридорѣ около входной двери, вдругъ зловѣще завыли, опрометью бросились внизъ по лѣстницѣ, какъ будто кто-нибудь за ними гнался, выбѣжали въ дверь, незакрытую кѣмъ-либо изъ посѣтителей, пролетѣли по двору, вихремъ ворвались къ управляющему и забились подъ кровать, дрожа отъ испуга.

«Они видѣли смерть», сказала г-жа Соколова, «вѣроятно графиня скончалась!»

Черезъ часъ намъ пришли сказать, что скоро нач-

нется панихида. Мы поднялись наверхъ въ сопровожденіи заплаканной толпы и рыдавшихъ слугъ, боготворившихъ нашу мать. Она покоилась съ руками сложенными надъ иконой, блѣдная и чудно-прекрасная; величавое спокойствіе смерти уже разсѣяло всѣ слѣды болѣзни, чертамъ лица вернулась ихъ удивительная чистота, длинныя рѣсницы казалось трепетали надъ оваломъ щекъ, едва тронутые сѣдиной волосы, обстриженные во время болѣзни, обрамляли кроткое лицо, какъ будто почившее, въ красотѣ молодости.

«Такой красавицей она вошла новобрачной въ этотъ домъ», воскликнула старая Прасковья, всплескивая руками. Дѣйствительно, двадцать шесть лѣтъ притѣсненій и всевозможныхъ страданій, перенесенныхъ въ этомъ «домѣ», были изглажены смертью, сжалившейся надъ нашими слезами и вернувшей намъ прелестный образъ молодой женщины, полный надеждъ! Эту умиротворяющую красоту, матушка сохранила всѣ три дня, пока ея смертные останки оставались съ нами. Чтобы не тревожить бабки, не знавшей о кончинѣ матери, ей не говорили о ея болѣзни, гробъ былъ оставленъ въ комнатѣ, гдѣ матушка скончалась. Два раза въ день сюда собиралось на панихиды все московское общество. Въ субботу 6-го декабря былъ Николинъ день, погребеніе могло состояться только въ воскресенье. Въ девять часовъ явилась депутація студентовъ, о томъ раньше ходатайствовавшихъ, и на рукахъ перенесла гробъ въ приходскую церковь. Громадная толпа собралась на улицѣ и уже заполняла обширный храмъ. Какъ во снѣ я вижу похоронную про-

цессію, родственниковъ и друзей смѣнявшихся, чтобы поочередно нести тѣло усопшей, не имѣвшей бы на землѣ ни единаго врага, если бы справедливость существовала въ этомъ мірѣ. Духовникомъ матери была произнесена надгробная рѣчь... Были ли еще другія? — Не знаю, и обхожу молчаніемъ подробности, разрывавшія мнѣ сердце!

Гробъ былъ забитъ, поставленъ на колесницу; шествіе двинулось на Пятницкое кладбище, гдѣ моя мать почиваетъ рядомъ съ дѣдомъ, людей для меня самыхъ дорогихъ, при своей жизни и послѣ смерти!

Солнце свѣтило, снѣгъ искрился подъ его лучами, кладбище казалось окутаннымъ серебрянымъ покровомъ. Все было такъ чисто, свѣтло и радостно. Она любила красоту, и красота царила вокругъ *нея*, сопровождая тѣло до мѣста ея послѣдняго успокоенія.

Глава XVII.

Послѣдніе дни графини Екатерины.—Ея смерть.—Заключеніе.

Мы вернулись въ печальный, осиротѣлый домъ, гдѣ не ждали насъ больше ни ласки, ни привязанности.

Мы даже не могли предаваться скорби: приходилось играть комедію передъ графиней Екатериной. Она не знала объ утратѣ, нами понесенной, и холодно спрашивала насъ о здоровьи матери. Наши черныя суконныя платья ее не удивили, она и всѣ ея компаньонки всегда одѣвались въ черное. Не отдавая себѣ отчета, долго ли продолжалась болѣзнь невѣстки, она не забывала самаго факта, искала въ своемъ злобномъ умѣ объясненія долгаго отсутствія я, наконецъ, вообразила, что нашла его. Однажды она высказала свои соображенія Ментэ, боготворившей матушку и ухаживавшей за ней съ удивительной преданностью. Прекрасная женщина, забывъ запрещеніе отца, воскликнула съ негодованіемъ: «Графиня, вы клевещете на мертвую!— Какъ, развѣ моя невѣстка умерла? Почему это скрыли отъ меня?—Графъ опасался, чтобы извѣстіе объ этомъ не повліяло дурно на ваше здоровье».

Когда мы собрались вечеромъ за чаемъ, болѣе тягостнымъ, чѣмъ когда-либо, бабка была молчалива. Сказала ли она намъ хотя слово по поводу постигшаго насъ горя,—не помню, но когда отецъ подошелъ къ ней, чтобы поцѣловать руку, она сказала ему голосомъ, гдѣ зазвучала нота, если не печальная, то болѣе человѣческая: «Андрей, я знаю... мнѣ сказали... и все.

Нѣсколько дней она старалась сдержать выраженіе тайнаго удовольствія, но долго это не могло продолжаться. Въ одинъ прекрасный вечеръ, улыбаясь съ злобностью, по истинѣ адской, она намъ неожиданно заявила, что теперь «Андрей» свободенъ и можетъ жениться, что онъ это сдѣлаетъ въ скоромъ времени и его выборъ уже палъ на особу строгую и серьезную, которая не будетъ насъ таскать по баламъ, какъ «та», а займется нашимъ перевоспитаніемъ. Какой злобной радостью горѣли ея глаза при этихъ словахъ! По мѣрѣ того, какъ вмѣстѣ съ памятью ослабѣвала ея набожность, природный характеръ бралъ верхъ, и я съ содраганіемъ думала о страданіяхъ, перенесенныхъ бѣднымъ дѣдомъ, къ памяти котораго начинала относиться съ чувствомъ все большаго благоговѣнія. Его жена была въ то время невмѣняемой, у нея начинался бредъ, ея разсудокъ помутился, но со старостью не исчезла природная злобность. Это была «святая», которой такъ гордилась французская колонія въ Москвѣ и французская вѣтвь рода! Я помню, какъ въ 1898 году и въ послѣдующіе года графиня Екатерина возила насъ поочередно въ церковь св. Людовика, противъ чего бѣдная матушка не смѣла

14

возставать. Когда я смиренно шла за нашимъ грознымъ деспотомъ черезъ толпу, наполнявшую церковь, до ея почетнаго мѣста на правой сторонѣ, близъ престола Богоматери, женщины подталкивали дѣтей и говорили имъ: «Прикоснитесь къ платью святой!» Меня это глубоко возмущало, несмотря на раннюю молодость; я знала, что настоящіе святые творили милостыню сами, а не поручали этого труда лакеямъ, какъ дѣлалось каждое первое число на Басманной. Бабка смотрѣла въ окно, какъ ея слуги, держа мѣшки, наполненные мѣдяками, бросали ихъ пригоршнями въ толпу, гдѣ изъ-за нихъ шла драка.

«Такъ ли поступалъ Іисусъ Христосъ?»—съ горечью спрашивала я себя. Во время торжественнаго шествія, когда бабка шла съ опущенными глазами, спокойно принимая общественное преклоненіе передъ своей святостью, бѣдныя компаньонки, домашнія мученицы, слѣдовали за своимъ деспотомъ, слушая завистливыя замѣчанія, желающихъ занять ихъ мѣсто, а за ними слѣдовали мы, козлы отпущенія, проклятыя еретички, приведенныя сюда для торжества побѣды надъ непокорной матерью! Какъ все мнѣ казалось лживымъ, презрѣннымъ, вызывало молчаливое возмущеніе. Какъ удивилась бы бабка, если бы увидала, какое негодованіе таилось въ маленькой дѣвочкѣ, подвластной ея велѣніямъ, которую она думала поразить видомъ возбуждаемаго ею благоговѣнія!—Я знала, что оно было купленое—я презирала его!

Теперь, достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, я болѣе обстоятельно разбиралась въ характерѣ и жизни бабки, но сдерживаемая уваженіемъ, молчала и если

опускала глаза, то изъ жалости къ ней. Скорбное смиреніе, съ какимъ мы выслушивали клевету и осужденіе памяти нашей дорогой усопшей, не обезоруживало святую Ростопчину. Она съ воодушевленіемъ распространялась о поведеніи нашей будущей мачехи, о томъ, какъ насъ будутъ мучить, бить, сѣчь... что предстоитъ скоро, очень скоро, гораздо скорѣе, чѣмъ мы думаемъ, даже раньше положеннаго шестинедѣльнаго срока.

Наконецъ, я потеряла терпѣніе и къ ужасу окружающихъ заявила, что не позволю больше злой женщинѣ такъ попирать самыя священныя для меня чувства. Она возобновила свои издѣвательства въ тотъ-же вечеръ; изобрѣтя такую месть, она не могла отъ нея отказаться. Я положила работу и подъ отчаянными взглядами бѣдныхъ женщинъ, трепетавшихъ отъ ужаса за мою смѣлость, спокойно возразила:

— Бабушка, вы находите въ порядкѣ вещей, чтобы отецъ женился снова сейчасъ же послѣ смерти нашей матери. Какъ вы думаете, женился ли бы дѣдушка такъ-же скоро, если бы вы умерли раньше него?

Мертвое молчаніе воцарилось въ гостиной, было бы слышно, какъ пролетѣла муха, но ни одна изъ нихъ не отваживалась заглянуть въ эту тюрьму.

Графиня Екатерина бросила на меня взглядъ, выражавшій не изумленіе, но оцѣпенѣніе. Какъ, презрѣнное существо, съ такимъ пренебреженіемъ попираемое ею ногами, безмолвная раба подняла голову и осмѣлилась заговорить! Вотъ, когда насталъ случай для женщины, такой начитанной въ Священномъ Пи-

санія, вспомнить ослицу Валаамову. Но тутъ эрудиція измѣнила святой Ростопчиной, она устремила недоумѣвающій, смущенный взоръ на мою торжествующую маленькую особу, вызывающе смотрѣвшую на нее, и отвѣчала нерѣшительно: «Не знаю... не думаю»...

Дрожа отъ волненія, радуясь возможности отомстить, наконецъ, за оскорбляемую память матери, я продолжала: «А я, бабушка, думаю, что дѣдушка такъ обрадовался бы вашей смерти, что не дождался бы и девяти дней, чтобы жениться на женщинѣ не такой злой, какъ вы»...

Она вздрогнула, метнула на меня гнѣвный, негодующій взглядъ своихъ большихъ глазъ. Я не сморгнувъ выдержала его, смѣло глядя на нее: «пусть она прочтетъ на моемъ лицѣ все возмущеніе, подавляемое въ теченіе столькихъ лѣтъ, всю скопившуюся злобу за страданія причиненныя обожаемой матери, оскорбляемой даже въ могилѣ!»

Поняла ли она, что переполнила мѣру, проснулась ли, наконецъ, совѣсть въ сердцѣ, недоступномъ ея угрызеніямъ—не знаю. Графиня опустила глаза, склонила голову и снова принялась за работу. Вечеръ въ семейномъ кругу закончился въ тяжеломъ молчаніи.

Не помню, вызвалъ ли мой смѣлый отпоръ выговоры и наказанія. Однако онъ принесъ свои плоды: графиня не упоминала больше о матери въ нашемъ присутствіи—она, наконецъ, признала въ насъ людей. Скажу больше: къ боязни, внушаемой ей теперь дерзкой внучкой, осмѣлившейся сказать ей правду, не-

ожиданно присоединилось чувство привязанности. Такое же чувство я наблюдала впослѣдствіи у отца, когда ему исполнилось уже 79 лѣтъ. Незадолго до своей кончины, онъ воскликнулъ при мнѣ съ горечью: «Ахъ! если бы всѣ такъ не дрожали передо мной, многого-бы не случилось!»

Я поняла слишкомъ поздно, что и дочернее почтеніе должно знать предѣлы.

Съ этого знаменательнаго вечера отношенія ко мнѣ графини Екатерины измѣнились; признавъ во мнѣ, что теперь называется «породу», она даже проявляла ко мнѣ извѣстную нѣжность, къ сожалѣнію уже не способную больше тронуть мое озлобленное сердце. Она охотно разговаривала со мной, когда я приходила къ ней здороваться, и мы вмѣстѣ гуляли по комнатамъ. Когда она отказывалась принимать лекарство или пить бульонъ, прописанный между завтракомъ и обѣдомъ врачами—чего она терпѣть не могла,—приходили за мной, и она послушно брала изъ моихъ рукъ то, отъ чего раньше упорно отказывалась.

Она очень постарѣла, хотя ея черные волосы не сѣдѣли и такъ сильно отрастали, что ихъ приходилось часто подстригать; лицо у нея вытянулось, также, какъ уши, которыя она постоянно чесала, и откуда у нея всегда сочилась кровь. Походка у нея сдѣлалась неувѣренной, и она не могла ходить безъ того, чтобы кто-нибудь не слѣдовалъ за ней, готовясь ее поддержать, что ее ужасно сердило. Иногда она появлялась въ гостиной, гдѣ мы принимали гостей подъ надзоромъ Ментэ. Если ей случалось застать здѣсь кого-нибудь изъ старыхъ друзей дома,

она окидывала его взглядомъ съ ногъ до головы и вдругъ спрашивала: «Какую изъ моихъ внучекъ вы, сударь, имѣете въ виду?» Это всегда приводило насъ въ ужасное смущенiе. Другъ всей моей жизни, Сергѣй Загоскинъ, сынъ знаменитаго автора столькихъ романовъ, бывшiй адъютантомъ отца во время Крымской кампанiи, болѣе дружный со мной, чѣмъ родной братъ, къ сожалѣнiю вскорѣ разлученный со мной жизнью, однажды отвѣтилъ со свойственнымъ ему веселымъ добродушiемъ: «Обѣихъ, графиня». Она въ негодованiи выпрямилась, повернулась обратно и потомъ постоянно распространялась объ испорченности современной молодежи.

Милый Загоскинъ, долго жившiй въ Парижѣ, скончавшiйся тамъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и такъ горько оплакиваемой женой, Анеттой Юревичъ, что она отъ слезъ ослѣпла, оставилъ послѣ себя записки, гдѣ воздаетъ должное достоинствамъ моей матери, любившей его, какъ сына.

Наше пребыванiе подъ бабкинымъ кровомъ близилось къ концу. Отецъ могъ переселяться въ Петербургъ, поступивъ снова на службу и получивъ званiе шталмейстера двора Его Величества. Болѣзнь матери надолго расшатала наши нервы и здоровье, въ особенности сестры, болѣе слабой, чѣмъ я. Мать скончалась 3-го декабря, не доживъ двадцати дней до сорока семи лѣтъ, а въ маѣ 1859 г. мы простились съ бабкой. Мы уѣхали съ отцомъ, въ сопровожденiи Ментэ, на воды въ Германiю, а потомъ поселились въ Петербургѣ. Зиму мы прожили въ хорошенькомъ особнячкѣ на Малой Конюшенной, затѣмъ отецъ снялъ

весь первый этажъ громаднаго дома Офросимова на углу Марсова поля и Екатерининскаго канала. Тутъ умерла бѣдная Ментэ, за которой мы нѣжно ухаживали и оплакивали, какъ вторую мать.

Бабка скончалась за годъ до того, 14-го сентября 1859 г. Она простилась съ нами безъ большого сожалѣнія, не предчувствуя, что то была предсмертная разлука. Въ послѣдніе годы нашего пребыванія у нея, ослабѣвшая память, не сознавая времени, рисовала ей дочь Лизу, умершую восемнадцати лѣтъ, и она говорила намъ: «Какъ жаль, что Лиза умерла, она была бы вамъ подругой, подходящей по возрасту». При видѣ ея дряхлости, все болѣе дѣлавшей ее неспособной обходиться безъ посторонней помощи, состраданіе наполняло мое сердце и изгоняло оттуда озлобленіе.

Моя тетка, умная, образованная, развитая, Наталья Нарышкина, любимица отца, проживавшая въ Царскомъ Селѣ по причинѣ глухоты, заставившей ее удалиться отъ общества, должна была замѣнить насъ и провести зиму съ матерью. Это было большой жертвой съ ея стороны. Но незадолго до ея пріѣзда произошло событіе, ускорившее естественную развязку. Бабка невзлюбила свою послѣднюю компаньонку, найденную, однако, съ большимъ трудомъ, такъ какъ послѣ нашего отъѣзда всѣ стали избѣгать домъ на Басманной. Кромѣ того, какъ я уже говорила, она ненавидѣла, чтобы ее сопровождали и поддерживали во время прогулокъ по слишкомъ скользкому паркету. Она придумала запирать двери на ключъ, чтобы гулять въ одиночествѣ. Въ одинъ прекрасный день двери пришлось

взломать, а бабку нашли лежащей на полу со сломанной ключицей. Доктора заявили, что не будь этого случая, она могла бы дожить до ста лѣтъ, настолько она обладала крѣпкимъ здоровьемъ.

Отецъ сейчасъ-же поспѣшилъ въ Москву, оставивъ насъ заграницей подъ надзоромъ Ментэ и двоюродной сестры нашей матери, Евдокіи Путяты, урожденной Пашковой. Бабка его не узнала, она угасала медленно, безболѣзненно, сидя въ креслѣ; называла сына Θеодоромъ и нѣжно гладила его по головѣ. На порогѣ смерти въ ея помутившемся мозгу воскресъ образъ мужа, о которомъ она никогда не вспоминала. Примирилась ли она съ нимъ въ душѣ? За послѣдніе недѣли, когда слабо мерцающая жизнь близилась къ концу, сознала ли она всю преступную жестокость религіознаго фанатизма, создавшаго вокругъ нея столько жертвъ? Это осталось ея тайной, извѣстной Богу. Она причастилась Св. Тайнъ, не приходя въ сознаніе, и скончалась 14-го сентября 1859 г. Похоронена на католическомъ кладбищѣ.

Много лѣтъ спустя, я встрѣтилась въ Москвѣ съ отцомъ, пріѣхавшимъ изъ Иркутска, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ на службѣ. Мы вмѣстѣ посѣтили кладбище и помолились на могилѣ бабки.

Теперь я уже стара и живу въ ожиданіи близкой смерти, поэтому должна сказать, что сужу о личности графини Екатерины безпристрастно. Нуждаясь сама въ божественномъ милосердіи, я отношусь снисходительно къ другимъ, и если я иногда допускала нѣкоторую горячность въ описаніи темныхъ сторонъ прошлаго, то только потому, что бабка во-

илющаетъ для меня историческій типъ ненавистной эпохи: эпохи рабства. Именно съ этой точки зрѣнія она интересна для историка.

Гнусное рабство создало цѣлый мартирологъ, а если и встрѣчались счастливыя исключенія, то несмѣтно было число тѣхъ, кто злоупотреблялъ розгами и Сибирью. Я сознаюсь въ этомъ, краснѣя отъ стыда и воздавая хвалу Богу, что варварскія времена прошли.

Я не стала бы трогать памяти графини Екатерины, если бы не хотѣла написать біографіи дѣда. Это было невозможно сдѣлать, не касаясь его жены и ея семейной жизни. Не будь онъ такимъ хорошимъ отцомъ, не люби такъ страстно жену, она осталась бы въ тѣни, подобающей подругѣ великаго человѣка, но нельзя описать домашній очагъ графа Ѳеодора, не упомянувъ о той, кто сначала составляла его радость и украшеніе, а потомъ заполнила его мракомъ и сдѣлала ненавистнымъ. Если бы графиня Екатерина осталась дѣйствительной подругой духа и сердца своего супруга, раздѣляющей его мысли и надежды, развѣ онъ стремился бы нетерпѣливо разстаться ради Москвы съ Парижемъ, который онъ такъ сильно любилъ, хотя и осуждалъ; гдѣ его вѣчно кипящій умъ находилъ такую разнообразную пищу, любовь къ изящнымъ искусствамъ такое удовлетвореніе; гдѣ онъ забывалъ горечь разочарованія, клеветы, ненависти, преслѣдовавшихъ его послѣ 1812 года? Но духовный разрывъ между нимъ и женой свершился окончательно, старшія дочери были замужемъ, младшіе дѣти слишкомъ молоды, чтобы его понять. Такое нравственное одиночество среди чужого

народа тяготило его все болѣе, его тянуло къ друзьямъ оставшимся въ Россіи, ему хотѣлось согрѣть больную, застывшую душу соприкосновеніемъ съ русской душой и народнымъ духомъ.

Между тѣмъ съ этой такъ страстно любимой родины имъ получались письма, полныя яда и угрозъ, нѣкоторыя низкія, жадныя души упрекали его въ пожарѣ Москвы и раззореніи ея жителей. Наконецъ, убѣдившись, что его геройскій поступокъ не оцѣненъ современниками, вѣроятно отчаяваясь быть понятымъ будущими поколѣніями, можетъ быть, сомнѣваясь въ минуты нравственной агоніи въ великомъ значеніи дѣянія, совершеннаго имъ въ порывѣ патріотизма, ставившаго честь родины выше всего, разбитый нравственнымъ одиночествомъ и физическими страданіями, доведенный до отчаянія новымъ анонимнымъ письмомъ, переполнившимъ чашу горечи, можетъ быть, также желая избавить семью отъ ненависти и преслѣдованій безразсудной толпы, онъ взялся за перо и написалъ печальную «Правду о Московскихъ пожарахъ».

Если бы его жена осталась такой, какъ была до своего несчастнаго вѣроотступничества, позволила ли бы она мужу отказаться такимъ образомъ отъ славы безсмертнаго поступка? Допустила-ли бы его напечатать то, что увы, не было правдой, но ложью, клеветой на самого себя? Но именно ей, въ томъ состояніи въ какомъ она находилась, развращенной іезуитскимъ духомъ была удобна такая минутная слабость великой души, низводившая ее на одинъ уровень съ ея собственной, слишкомъ ничтожной, чтобы понять величіе мужа. Такимъ образомъ онъ боль-

ше подчинялся ея власти. Повторяю: графъ Өеодоръ былъ одинокъ, онъ бродилъ, спотыкаясь въ сумеркахъ жизни, затмившейся и потускнѣвшей. Рядомъ съ нимъ не было женщины русской и православной, которая раздѣлила бы воодушевленіе его идеальности и понимала бы ея величіе; около него была фанатичка съ узкимъ умомъ, жившая отдѣльной жизнью, враждебной всему, что онъ любилъ и почиталъ, для которой слово родина, означало Ватиканъ. Я убѣждена также, что іезуитскіе поступки графини Екатерины, хитрость и коварство, какимъ она окружала свое вѣроотступничество, имѣли большое вліяніе на ея мужа. Грубый цинизмъ, проявленный ею въ Москвѣ при смерти младшей дочери былъ постепенно постигнуть, когда она потеряла надежду подѣйствовать на убѣжденія графа упорствомъ и показными добродѣтелями. Въ то время, когда «Правда» была написана и выпущена на судъ потомства, между интересами обоихъ супруговъ не оставалось ничего общаго. Надо также сказать, что дѣдъ дѣйствовалъ всегда подъ впечатлѣніемъ минуты—я унаслѣдовала отъ него эту опасную способность и знаю ея силу.—Стоитъ вспомнить его письма, иногда откровенныя и грубыя до дерзости, къ императору Александру, Кутузову и др., не говоря о письмѣ написанномъ Павлу и приведенномъ мною выше, чтобы понять, что въ данномъ случаѣ онъ болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ порицанія. Сожалѣлъ-ли онъ впослѣдствіи о такомъ роковомъ увлеченіи, не могу сказать, но глубокое, намѣренное молчаніе, хранимое имъ въ отвѣтъ на письма и горячіе упреки Шамбрэ и Бутурлина, заставляютъ предполо-

жать, что онъ добровольно уклонялся отъ всего, что могло-бы пролить свѣтъ на дѣйствительную причину пожара. Надѣюсь выяснить этотъ все еще спорный вопросъ въ большой біографіи дѣда, подготовляемой мною къ столѣтію отечественной войны.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ первыхъ четырехъ номерахъ 1904 г. мною была помѣщена статья о моей бабкѣ, послужившая исходной точкой для этой книги. Къ сожалѣнію, уважаемая пріятельница, взявшая на себя трудъ переписать мое царапанье, такъ же писательница и авторъ очень хорошихъ историческихъ романовъ, увлеклась пыломъ творчества; она во многихъ мѣстахъ вставила собственныя замѣчанія и измѣнила мою мысль, въ особенности говоря объ отцѣ. Я не могла сама читать корректуръ, такъ какъ жила въ это время въ Парижѣ. Какъ велико было мое разочарованіе, когда я убѣдилась, что въ статьѣ произвольно выпущено все, что могло произвести впечатлѣніе благопріятное для матери, именно вся ея болѣзнь и смерть. Я не дѣлаю заключенія, я только констатирую фактъ.

Я озаглавила эту статью «Правдой о моей бабкѣ, графинѣ Екатеринѣ Ростопчиной», настолько живо было во мнѣ впечатлѣніе страданій, перенесенныхъ при чтеніи всевозможныхъ комментарій на «Правду» дѣда.

Она надѣлала много шума и во мнѣніи нѣкоторыхъ лицъ стяжала мнѣ славу, «дурной и непочтительной внучки». Вдова моего двоюроднаго брата, Анатолія Нарышкина, Елизавета, урожденная княжна Куракина, статсъ-дама, женщина ума выдающагося, написала мнѣ, что «de mortuis aut bene aut

nihil». Несмотря на всю мою любовь къ ней я уваженіе къ ея благородному характеру, я нахожу, что если бы всѣ слѣдовали такому правилу, то пришлось бы закрыть исторію или поставить Нерона и Робеспьера рядомъ съ Августомъ и Вашингтономъ.

Что касается меня, я преклоняюсь передъ Немезидой Исторіи. Исторія не кладбище, гдѣ, судя по надписямъ, всѣ обладали совершенствами.

Я только жалѣла, что огорчу появленіемъ въ свѣтъ этой книги свою уважаемую двоюродную сестру Генріетту Френо, урожденную де-Сегюръ [1]). Она была убѣждена, что всѣ прекрасныя качества ея любимой матери, знаменитой графини Софьи, были материнскимъ наслѣдствомъ и почитала одну въ образѣ другой. Это соображеніе долго останавливало меня. Великое слово «Правды» все устранило:—я преклонилась.

Конецъ.

---

[1])-Она умерла въ 1908 г. еще раньше появленія этой книги Л. Р.

Оглавленіе.

Библіотека

„Наука искусство литература“

№ 1. Акад. Э. ФАГЭ. **Какъ читать.** *Изд. 4-е, исправленное и дополненное.* Ц. **50** к.

№ 2. Проф. О. БЮРКЛЕНЪ. **Собраніе задачъ по аналитической геометріи на плоскости.** Съ 32 черт. Ц. **50** к.

№ 3. Проф. С. Е. БЕРЕЗОВСКІЙ. **Общая хирургія (хирургическая патологія и терапія).** *Часть первая.* Съ 32 рис.

№ 4. Гр. Л. РОСТОПЧИНА. **Семейная хроника.** Съ 8-ью иллюстр. Ц. **1** р. **25** к.

№ 5. Проф. С. Е. БЕРЕЗОВСКІЙ. **Общая хирургія (хирургическая патологія и терапія).** *Часть вторая.* Съ 53 рис. Ц. за обѣ части **3** р.

№ 6. АНТОНЪ СОРОКИНЪ. **Золото.** *Монодрама.* Вступительная статья автора: „МОНОДРАМА И ДРАМА-СХЕМА ИЛИ ПОЛИДРАМА“. Съ 10 рис. худ. *П. В. Абрамова. Изд. 2-е.* Ц. **50** к.

№ 7. Проф. ФЕЛИКСЪ ЛЕ ДАНТЕКЪ. **Хаосъ и міровая гармонія.** Ц. **50** к.

№ 8. Г. РУПНЕЛЬ. **Хоно.** Романъ въ 3 частяхъ. Ц. **1** р.

№ 9. Л. ТЕСТЮ и О. ЖАКОБЪ. ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ АНАТОМІЯ. Т. I.

№ 10. Л. ТЕСТЮ и О. ЖАКОБЪ. ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ АНАТОМІЯ. Т. II.

№ 11. Л. ТЕСТЮ и О. ЖАКОБЪ. ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ АНАТОМІЯ. Т. III. **Шея.** Съ 51 рис. въ текстѣ и 30 красочн. рис. въ таблицахъ. Ц. **2** р. **75** к.

№ 17. Акад. Э. ФАГЭ. **Чтеніе хорошихъ старыхъ книгъ.**

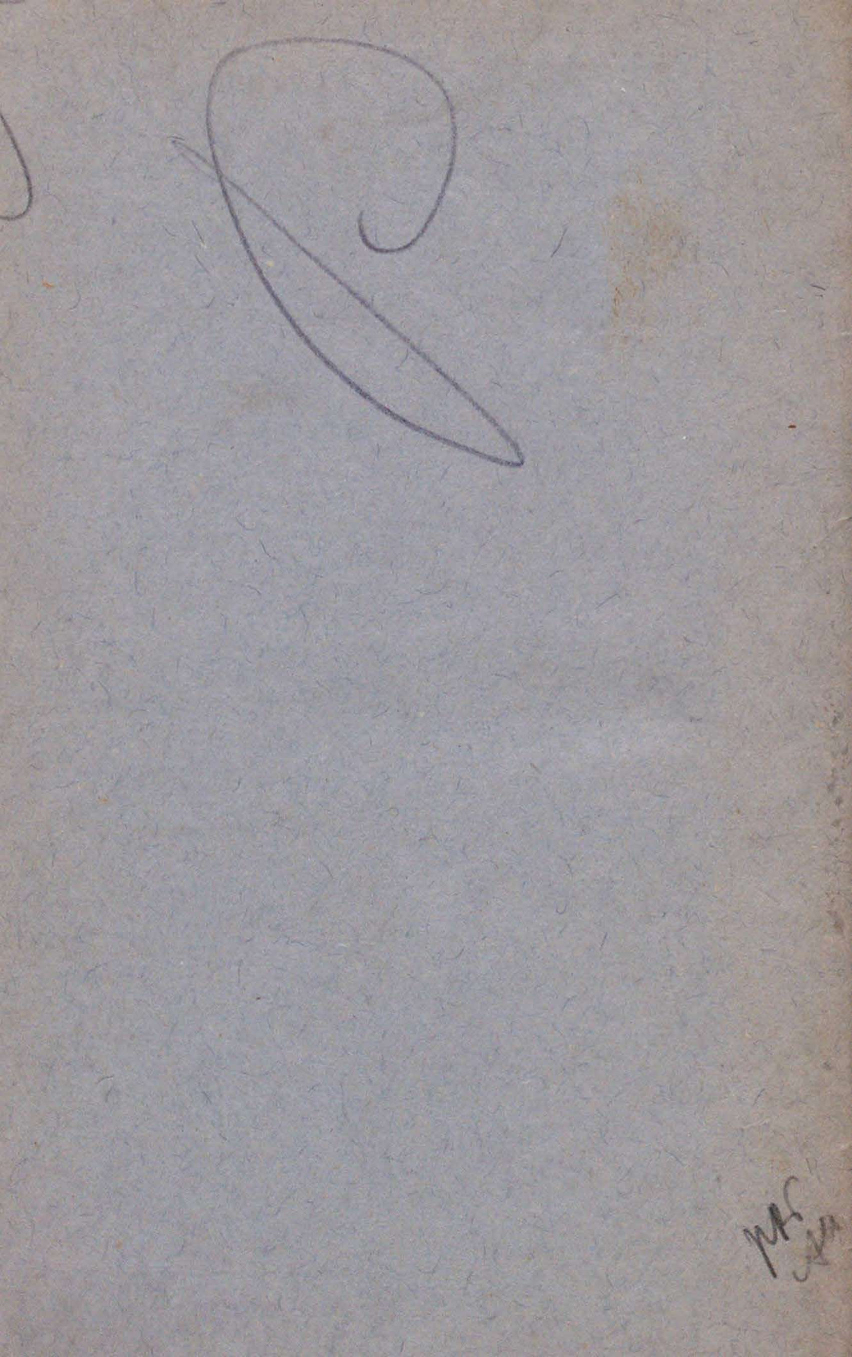
К-во ЗВѢЗДА Н. Орфеновъ

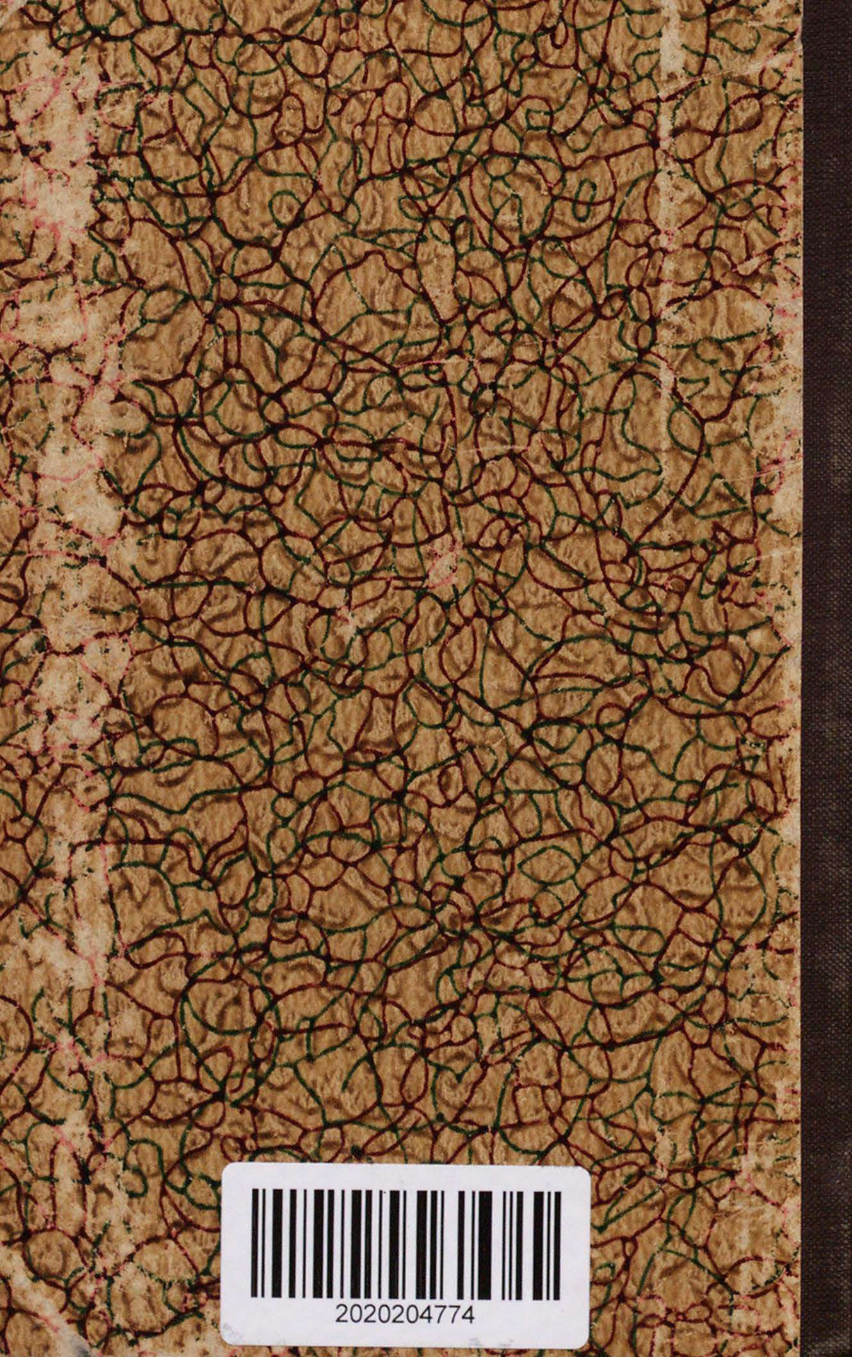
Москва, Мал. Никитская, д. 14,
тел. 310-94

ОТДѢЛЕНІЯ:

Одесса. Софіевская, Б. А. Бороховъ

Саратовъ. Волжское книжное агентство М. А. Перельманъ

2020204774